

Надежда Орлова

В поисках чистого
СЕРДЦА



*Приоритеты, ориентиры,
а что в конце пути?*



СВЕТ НА
ВОСТОКЕ

УДК 821.161.1'06-32-92
ББК 84(2Рос)6-4
О-66

Директор *П. Давидюк*
Редактор *В. Цорн*
Корректоры *Е. Пеннер, Э. Цорн*
Компьютерная верстка *Т. Крук*



Орлова Н.

О-66 **В поисках чистого сердца.** — Сборник рассказов, эссе, статей. — К.: Свет на Востоке, 2016. 384 с. Издание первое.

ISBN 978-966-2089-83-7 (Укр.)

ISBN 978-3-944772-18-9 (Герм.)

Надежда Орлова в литературных кругах – человек известный. Её эссе, заметки на злободневные темы церковной и общественной жизни, размышления над Словом Божиим, опубликованные в журнале «Вера и жизнь», принесли ей большую популярность. Читатели знают её как автора, которого Бог наделил даром видеть невидимое, замечать незаметное, открывать сокрытое и называть вещи своими именами. В настоящий сборник вошли статьи, эссе и размышления Надежды Орловой, как публиковавшиеся в журнале «Вера и жизнь», так и написанные специально для этой книги. В них отражены боль её сердца и радость надежды, яркие и понятные вехи на пути к вечности, практические советы читателю, который находится в поисках чистого сердца.

Изд. № 01.320

ISBN 978-966-2089-83-7 (Укр.)

ISBN 978-3-944772-18-9 (Герм.)

© «Свет на Востоке», 2016



ОГЛАВЛЕНИЕ

ЕСЛИ ТЫ ЕСТЬ...	5
Если Ты есть...	7
И души убогих спасет...	11
Кодекс вечности	21
Небеса ожидают меня	27
Ныне отпускаешь...	33
Стартовая площадка	39
Первый и последний	43
В ПОИСКАХ ВОЛШЕБНОЙ ПАЛОЧКИ	47
В ожидании апокалипсиса	49
В поисках волшебной палочки	55
Власть андрогиннов	61
Женщины, преломленные изменой	75
Как все	81
Кукловод	85
Лабиринт	89
Легкий способ избавиться от ностальгии	93
Старая альтернатива	105
От Трансильвании до Голливуда	115
Очередь за счастьем	123
Пожизненное одиночество	133
Призрачно всё в этом мире бушующем...	139
Россия ностальгирующая	145
Скромное обаяние взятки	151
Спиритический сеанс в ожидании антихриста .	155
Статус-кво	163
Стокгольмский синдром	169
Столбики, камешки, зарубки	175
У каждого своя цель	183
Эпоха матрешек	189

СЧАСТЬЕ НА БОЛОТНОЙ КОЧКЕ	195
Змей-горыныч	197
Кот в мешке, или Почему рейши для народа?	207
Однажды я поспорила с приятелем... ..	217
Петр, Иоанн, Диотреф и другие	223
Собака возвращается	231
Сумрак	237
Счастье на болотной кочке	243
Экс-... ..	249
Я никого не убивал... ..	253
Трагедия узнавших истину	259
ВРЕМЯ И ВЕЧНОСТЬ	267
Vultus est index animi	269
А при большей крепости – восемьдесят... ..	275
Время и вечность	281
Друзья	287
Церковный гимн	289
Что делают странники и пришельцы на земле ..	293
ВРЕМЯ ВСЕГДА БЛАГОПРИЯТНОЕ	301
Благословить врага	303
Бунт	307
В поисках чистого сердца	313
Via Dolorosa	319
Герои	327
Да святится имя Твоё!	333
Ежедневный экзамен	337
И открывается Дверь	343
Иные языки	349
Оккупированные территории	357
Омуты тихого времени	361
Страж дверей	369
Я – никто, и звать меня – никак... ..	373
Время всегда благоприятное	377
Общение и духовный рост	381

ЕСЛИ ТЫ ЕСТЬ...





ЕСЛИ ТЫ ЕСТЬ...

*Господи! Если это Ты,
повели мне прийти к Тебе...*

Мф. 14:28

*Сущность молитвы заключается
в признании глубокого своего бессилия,
глубокой ограниченности. Молитва —
иде «я не могу»; иде «я могу» — нет молитвы.*

В. Розанов, русский религиозный философ

Помните ли вы первый в вашей жизни ответ на молитву? Помните ли ощущение свершившегося чуда? Помните, безусловно, помните, такое забыть нельзя. Пусть с годами и сама молитва кажется детской, смешной, наивной, и ответ представляется или естественным развитием событий, или случайным стечением обстоятельств, но потрясение и восторженное удивление останутся на всю жизнь.

Нет ни одного человека, который бы никогда не обращался к Богу. Возможно, это был крик отчаяния, обращенный к Небу, поскольку другого адресата уже не осталось, а у кого-то была полусмущенная-полушуточная фраза студента перед экзаменом: «Господи, если Ты есть, то пусть мне достанется первый билет».

Если Ты есть... Сколько людей произносят эту фразу в тот момент, когда идти уже некуда, просить больше некого, сам уже ничего сделать не можешь! Из года в год, из века в век звучит она на всех языках

Земли. Идет человек по жизни, упрямо идет своим путем, преодолевает препятствия, решает проблемы, страдает от боли, бежит за счастьем, барахтается в грязи. Доходит до тупика. Стоит перед ним в изумлении. Кричит, бьется. Рядом ждет Творец. Ждет, когда от глухой стены, от жестокого упрямства, от глупой гордости человек повернется к Нему. И вот тогда зазвучит мольба обессилевшего: «Если Ты есть... помоги...»

Сколько людей получало ответ: «Да, Я есть...» Открывались невидимые двери, появлялись иные обстоятельства, простиралась рука помощи. Слепые прозревали, хромы начинали ходить, прокаженные очищались, глухие слышали, мертвые воскресали, и нищие благовествовали (Мф. 11:5). У кого-то это стало первым, но не последним ответом Господа, у кого-то осталось эпизодом: удивившись в очередной раз тому, что «в жизни все может быть», человек возвращался к привычному ритму. А для многих эта первая молитва становилась началом диалога Творца и Его творения. Диалогом, который никогда уже не закончится, как не закончится общение Бога с Его детьми.

Если Ты есть, то я познаю, что такое вечная любовь. «Любовь прошла», «Знаете, в какой-то момент я понял, что любовь закончилась», «Мы растеряли свою любовь» – как часто мелькают такие высказывания. Все правильно: без Источника любви любовь угасает.

«Если Ты есть» – самое популярное начало первой молитвы. В нем надежда и страх, смущение и ожидание чуда, дерзкий вызов окружающему миру и самому себе. И лучший ответ на нее – слова последующих обращений: «Благодарю за то, что Ты есть».

«Если Ты есть» – первый робкий шаг навстречу Тому, Кто давно тебя ждет. Ждет со дня твоего рождения, с твоего первого робкого шага от дивана, где сидит мама, до кресла, где сидит папа, с твоей первой улыбки, с твоей первой слезы. Ждет со времен твоего рождения Вселенной. И это – шаг по направлению к вечности, шаг по направлению к познанию Бога и самопознанию. В детстве художник Марк Шагал произнес такую молитву: «Господи, Ты, что прячешься в облаках или за домом сапожника, сделай так, чтобы проявилась моя душа, бедная душа заикающегося мальчишки. Яви мне мой путь. Я не хочу быть похожим на других, я хочу видеть мир по-своему».

«Если Ты есть» – произнесены слова, и Бог, «прячущийся за домом сапожника», или за соседней девятиэтажкой, или за Эйфелевой башней, или за горными вершинами Анд, или за тем перелеском, или за ближайшим барханом, или за ледяным торосом, станет явным и близким, Другом и Помощником. И между Творцом и душой возникает связь. Нить. Трос. Канат. С якорем – надеждой, проникающей внутрь за завесу. В Святое святых. И тайна сия велика.

Если Ты есть, значит, в мире есть индивидуальность. Значит, я могу не быть, как все, могу не подстраиваться под толпу, могу не потакать прихотям молвы, могу не приспосабливаться, могу не подличать. Потому что есть Тот, Кто ценит меня как личность и называет другом.

Если Ты есть, значит, жизнь имеет смысл, есть надежда на успех. Советский военачальник, во время Великой Отечественной войны командующий 62-й армией, особо отличившейся в Сталинградской битве, дважды герой Советского Союза маршал Советского

Союза Василий Иванович Чуйков всю жизнь хранил клочок бумажки с записанными на ней словами молитвы: «О Могущий ночь в день превратить, а землю – в цветник! Мне все трудное легким содей и помоги мне».

«Если Ты есть» – надо успеть произнести эти слова при жизни, а не как французский писатель Франсуа Рабле, сказавший на смертном одре: «Я отправляюсь на поиски великого Может Быть». На поиски надо отправляться все-таки пораньше. Для человечества актуальность имеет вопрос: «Есть Ты или нет?», а не пресловутый: «Быть или не быть?» Потому что...

...Если Ты есть, значит, смерти нет. Или она – лишь эпизод пребывания на Земле, не очень-то влияющий на историю моей жизни. «Человек – единственное животное, знающее, что его ожидает смерть, и единственное, которое сомневается в ее окончательности» – это слова физика-теоретика Стивена Хокинга, нашего современника, парализованного уже много лет, с 1985 года общающегося с миром с помощью синтезатора речи, поскольку в результате операции на горле потерял способность говорить. Вопреки этому утверждению, если Ты есть, я – не животное, и сомнение в том, что смерть – это не окончательное событие, переходит в убеждение.

Потому что, если Ты есть, значит, есть и я.



И ДУШИ УБОГИХ СПАСЕТ...

Что вы ищете живого между мертвыми?

Лк. 24:5

Бабушка моя, Елизавета Андреевна, родилась в 1915 году. Отец ее был деревенским кузнецом, а по совместительству еще и местным колдуном. Способности его были известны далеко в округе. На лечение, для решения проблем и за всевозможной помощью съезжалось к нему множество народа из соседних сел и городишек.

И не было такого случая (а может быть, семейное предание не сохранило подобных сведений), когда бы он не смог помочь. Однако повествование об этом необыкновенном человеке оставим для другого случая.

Время было революционное, переломное. Казалось, что коллективизация, раскулачивание, страшные 30-е годы репрессий, а потом военное лихолетье искоренили всякие прежние обычаи, верования и, как тогда говорили, «наследие проклятого прошлого». Дружно замаршировали по сельским дорогам комсомольцы с кумачом, красногалстучные пионеры с барабанами. Вслед за ними затарахтели первые

тракторы. Пооткрывались в зданиях бывших церквей клубы и избы-читальни. Единоличные «кулацкие» хозяйства были ударно ликвидированы, сельчане разбиты на звенья и бригады, скот и земельные угодья обобщены. В общем, смотри Чернышевского.

Юная Лиза окончила педагогическое училище и стала работать в школе в соседней деревне. Вышла замуж за хорошего человека. Мой дед был крестьянином, но учился на многочисленных тогдашних курсах. Вступил в партию, возглавлял и совхоз, и МТС. Получилась семья сельских интеллигентов, так сказать.

Дом, крестьянские заботы, дети и... работа, работа, работа. Все было: и ночные заседания райкома партии в районном центре, куда хоть с котомкой сухарей езжай – неизвестно, вернешься ли, ведь были случаи, когда арестовывали прямо на совещании; и доносы ближайших друзей и соратников; и битвы за урожай; и испытание семейных уз на прочность; и болезни с тревожным бдением у постели и горящей до утра свечой (электрификация деревни – особый разговор). Как все это переживалось-пережидалось? Бог знает. Бабушка никогда не вдавалась в подробности: «Жили, как все». Вот и весь сказ.

В 1979 году умер дед, не дожив немного до 70-летия. К тому времени уже мы, внуки, в школу ходили. Хорошо помню те события: бабушку в черном, красный гроб, венки, огромное количество съехавшихся отовсюду многочисленных родственников. А вместе с ними дом заполнили старушки в длинных черных одеждах: маленькие, сухонькие, платок до самых бровей. Пахли ладаном, держали в руках тонкие восковые свечи. Умильно гладили нас по головке

и шепотом сообщали то одно, то другое «ценное» указание:

– В зеркало-то не гляди, а то дедушку увидишь, напугаешься.

– Не надо птичек по двору гонять, это дедушка прилетел. А то осерчает.

Жутью какой-то веяло и от старушек, и от их разговоров. На наш вопрос, кто такие, бабушка говорила: «Читать будут». И действительно, три ночи не спали, свечи жгли и по очереди читали на непонятном языке (потом уж узнала, что на старославянском) из огромной черной книги. В общем, смотри Гоголя.

Приходили они и на «девять дней», и на «сороковины», и на полгода, и на годовщину смерти, оставив на всю жизнь воспоминание: ночь, занавешенные простынями зеркала, глухо лают деревенские собаки за окном, мерцают свечи, блики пляшут на темных иконах, маленькая фигурка в черном склонилась над столом, покрытом вышитой скатертью, тихой скороговоркой льются непонятные слова, завораживая особым ритмом.

Прошло несколько месяцев. Однажды услышала я разговоры между взрослыми, что «нечисто» в доме. Сделала вид, что в углу книжки свои перебираю, а сама не пропускаю ни одного слова. От того, что узнала, волосы на голове зашевелились. Оказывается, однажды ночью кто-то в окно постучал. Бабушка занавеску отодвинула, а под окном, освещенный слабым светом луны, дед стоит в том самом черном костюме, в котором хоронили. Спустя какое-то время видение повторилось. От нас, детей, все тщательно скрывали, чтобы не напугать, но нет-нет да

и промелькнет в разговоре что-то такое, страшное. Явления ли эти или одиночество и старость бабушки послужили причиной перемен, но только вскоре дом был продан, а Елизавета Андреевна переехала в семью сына. И на несколько лет не только сами видения, но и разговоры о них совсем прекратились.

* * *

Грянула перестройка, снеся все запоры и засовы. По улицам бродили «белые братья» и члены «Аум Сенрикё», по телевидению вещали Кашпировский и Чумак. В районном городке открылась первая православная церковь, на стадионах проводились массовые евангелизации. На книжных развалах продавалась «Неистовая Анжелика» и учение Блаватской. Что к чему, было не разобрать. Развал Союза вызвал такую миграцию народов, которую в пору лишь с Великим переселением сравнить. Вот и у нас появились новые соседи, беженцы из Таджикистана, где в то время шла гражданская война. Познакомились. Оказалось, что Татьяна посещала общину евангельских христиан. От нее впервые получили в подарок Евангелие, услышали первые библейские истории.

Бабушка к этому времени уже практически не поднималась, только до ванной комнаты могла дойти самостоятельно. Целыми днями сидела в кресле, читала книги, смотрела телевизор. На семейных торжествах, куда мы, внуки, приходили уже со своими семьями, она помещалась во главе стола, а мы называли ее «наш патриарх», поскольку старше во всей родне уже никого не было. Она радовалась правнукам, давала советы нам, молодым, негодовала на развал СССР, подсчитывала пенсию. А вот слушать соседку

категорически отказалась: «Сейчас кто во что горазд ударился». Как отрезала. Только спросила:

– А вы в колдунов верите?

– Не верим, а знаем: если есть Бог и Его дети, то и у сатаны есть свои люди. Колдуны как раз к ним и относятся.

На этом все встречи и разговоры у них закончились.

И вдруг... Пришла я ее поведать, а она сама не своя.

– Бабуль, в чем дело-то? Чего такая, как напуганная?

– Вчера вечером, перед сном, пошла в ванную. Возвращаюсь потихоньку назад. В коридоре темно, только в зале настольная лампа горит да телевизор бормочет. Вдруг из угла навстречу фигура шагнула и говорит: «Что, Лиза, спать ложишься?» Да, говорю, пора. И обомлела: это ж дед! Ноги подкосились, за стену ухватилась, глядь, а уж никого и нет. Только видела его, как тебя. И разговаривала...

Честно говоря, у меня тоже ноги отнялись. В душе старые детские страхи поднялись, что и с места тронуться боюсь. И старушки-чтицы вспомнились, и зеркала занавешенные, и свечи, и разговоры взрослых о видениях. С кем поговорить? У кого защиты попросить? Рассказала соседке. А она и говорит:

– Сатана это приходит, пугает. К Христу обращаться надо. Молиться, каяться, отрекаться.

– От чего отрекаться-то?

– От оккультной зависимости. Бабушка к колдунам обращалась?

– Да у нее отец колдун. Только когда было! Да и сказки все это.

– Раз сказки, чего ж боишься?

А страшно было так, что и не передать. Вскоре бабушка заговариваться стала, хотя до глубокой старости имела трезвый рассудок и ясный ум, даже память ее не подводила, никаких признаков склероза. А тут вдруг резкое помутнение разума, правда, с кратковременными прояснениями. Узнавать близких перестала, называла нас именами давно умерших родственников и знакомых, собиралась куда-то ехать, все спрашивала, где родной дом, почему у чужих людей живем, кто привез ее сюда. В общем, чепуху всякую несла. И физическое здоровье резко сдало: давление «за двести», сердечные приступы. Врачи руками разводили: «А чего вы хотите в таком возрасте? Готовьтесь...»

Прихожу в очередной раз к бабушке, а она и говорит:

– Знаешь, как мне страшно, не передать.

– А чего ты боишься?

– Маму свою боюсь.

– Какую маму? Где?

– Вон она, в углу сидит. Постоянно тут. Вся в черном, а юбка длинная, до пола. Куда ни пойду (бабушка к тому времени уже не поднималась совсем, естественно, никуда и не ходила), она всюду за мной, и все сзади. И молчит. Я спрашиваю ее: «Мама, что?» А она молчит, и юбка черная, до пола... Страшно. Очень.

И плачет.

У меня мороз по коже. Шевельнуться боюсь, а уж в указанный угол посмотреть и подавно сил нет. Хотя окна открыты нараспашку, летний день в комнату рвется с шумом проезжающих машин, говором прохожих, да и нет в том углу никого – вдвоем мы в комнате.

– И сейчас сидит?

– И сейчас, вон она.

Вышла, вся дрожу, слезы из глаз. Что делать? Мне почему-то понятно было, что не слабоумие это старческое, не «игры разума» увядающего.

Рассказала соседке. Та и говорит:

– Сатана душу ждет. Бороться надо, спасать.

– Как?

– Я поститься буду. А потом сделай так, чтобы я с ней поговорить смогла.

Через несколько дней пришли мы бабушку навещать. Обычно в комнате всегда кто-то был, не оставляли одну, а тут вдруг все вышли. Остались втроем. Соседка и говорит:

– Вы знаете, кто я?

– Да, ты Дуня.

– Нет, я ваша соседка Таня. Вы это прекрасно знаете. У нас мало времени, а дело важное. Вспомните свою жизнь, сознаете ли себя грешницей?

Глаза у бабушки стали ясные, вид торжественный и серьезный.

– Грехов выше головы, – говорит.

– Осознаете ли, что вы в вечность уходите?

– Да. Мне очень страшно.

– Есть только Один, Кто может помочь вам. Это Спаситель Иисус Христос. Признаете ли вы Его своим Господом?

– Признаю.

А дальше соседка помолилась, а потом и бабушка. Она попросила прощения за всю жизнь, прожитую без Бога. Все это заняло буквально несколько минут. А потом комната наполнилась людьми: вернулись домочадцы, кто-то еще пришел проведать больную. Мы ушли. А через несколько часов бабушки не стало.

После похорон я стала посещать общину, в которую ходила Татьяна. Дух Святой коснулся меня, я покаялась, получила рождение свыше, приняла святое водное крещение. Одно волновало: обрела ли бабушка прощение и успокоение у Создателя? Решила спросить у одной пожилой сестры. Выслушав рассказ о ее покаянии, она ответила:

– Сомневаюсь, что ваша бабушка спасена. Разум у нее был неясен, молитва, скорее всего, повторялась автоматически. Думаю, что она ушла в вечность непримиренная с Богом.

Ее ответ прозвучал, как приговор.

– Нет, как раз наоборот, – возражала я.

– Думаю, что все-таки спасение невозможно в такой ситуации.

Я решила еще раз спросить у кого-нибудь, подошла к брату-старцу.

– Трудно ответить на такой вопрос, даже невозможно. Только Создатель даст ответ.

Так и сделала, помолившись еще раз:

– Господи, открой мне, что же бабушка? Какова ее участь?

Через некоторое время увидела сон. Из тех, что бывают такими четкими, такими понятными, когда нет сомнений – от Бога.

Я иду по кладбищу мимо знакомых могил. Однако почему-то никак не могу найти могилу бабушки. Лето. Тихо. Только в густых зарослях сирени щебечут птицы. И вдруг... Навстречу идет она сама, молодая, как только я ее помню из детства, в самом

нарядном своем платье. Ни страха, ни волнения я не испытываю, как будто так и надо. Прямо на нее падает яркий сноп солнечных лучей, прорвавшийся сквозь густую листву.

– Ты что, внучка, ищешь?

– Твою могилу, да вот никак найти не могу.

Широкая улыбка освещает все бабушкино лицо:

– Я жива, поэтому и могилу найти не можешь.

То, что это долгожданный ответ, сомнений не было.

* * *

Господь с каждым разговаривает персонально, индивидуально. Мой рассказ не претендует на вселенское откровение, у каждого оно свое. Это история спасения одной души. Точнее, двух. А еще, всякий раз, как рассказываю об этом, я вспоминаю слова из Книги притч: «Спасай взятых на смерть».



КОДЕКС ВЕЧНОСТИ

Отступление от Творца в Эдемском саду увело человечество во тьму язычества, где образ Создателя распался на мелкие осколки многочисленных идолов. Благодарственные жертвы трансформировались в жуткие оргии с истязаниями и убийствами. Белое стало черным, а черное – белым. Среди диких джунглей оккультизма и суеверия, покрывших религиозное сознание людей, все-таки оставались корни, хранившие память о Всевышнем и Его законах.

Из поколения в поколение люди передают эти законы вечности, иногда как пословицы или поговорки, иногда как предания и мифы. У каждого народа они звучат по-разному, но суть одна. Мы знаем прописные истины, слышанные с пеленок: на чужом несчастье счастья не построишь; добро всегда побеждает зло; как аукнется, так и откликнется. В школе это называли народной мудростью. Она предупреждает о неотвратимой ответственности за поступки, об абсолютной силе добра и его окончательной победе.

Часто окружающая действительность свидетельствует об обратном: сила на стороне богатого, подлого, злого. Почему века не стерли эту надежду на справедливость, почему несколько перефразированная истина Библии – что посеешь, то и пожнешь – звучит вновь и вновь? Звучит не только с кафедр, не только в церквях. Любой человек, способный хотя бы немного наблюдать, размышлять, анализировать, соглашается с ней. Божьи законы незыблемы и работают всегда, при любых исторических формациях, при любых погодных условиях. Творец создал законы физические и духовные. Первые Бог открывает человечеству через ученых-гениев, вторые – через рожденных свыше, умеющих слышать Духа Святого. Имена этих «законодателей» знают все: физики Ньютон и Эйнштейн, астрономы Кеплер и Коперник, врачи Пастер и Мечников, апостолы Павел и Иоанн, цари Давид и Соломон, и многие-многие другие. Каждый из них открывал для людей законы, каждый – в своей области.

Сколько времени посвятили мы законам естествознания, учась в школе! Человечество уделяет им много внимания, от них зависит комфорт жизни и процветание цивилизации. Можно эти законы не знать, но от этого их действие не прекращается. Если вы не помните Закона всемирного тяготения, все равно не рискнете подбрасывать камень над своей головой и ждать, что он отправится в космос.

Законы, определяющие нашу вечную судьбу, не удостоены такого внимания. Людей, их изучающих, намного меньше, за их разработку и внедрение не дадут Нобелевскую премию. Возможность преподавать духовные постулаты в школах ограничена, а во многих местах ее совсем нет. Их не знают и не хотят

знать. Однако от этого действие духовных законов не уменьшается, ибо действуют они не хуже законов Паскаля или фотосинтеза.

И как камень разобьет голову невежды, который будет отрицать существование законов Ньютона, так и возмездие упадет на того, кто не верит в существование духовной реальности.

Мы говорим, что пользуемся законами физики, химии, биологии. При этом имеем в виду, что согласуем свою деятельность с ними, потому что изменить законы, подстроить под себя невозможно. Но духовные законы «подмять» под свои интересы люди пытаются постоянно. С чернокнижниками – и прошлых веков, и современными – все понятно. Но порой и церкви пытаются «утилизировать» Божьи законы, упростить до уровня бытовых потребностей. Больше всего «достаётся» закону, который принято называть «законом сеяния и жатвы». Его преподносят примитивной формулой: «Ты – мне, я – тебе». Такой подход неверен и обманчив. Речь в этом законе не идет о накопительной системе материальных ценностей. Библия дает нам примеры великих сеятелей, например, апостолов. Но кто из них «пожал» дворцы, золото, угоды? Большим исключением была естественная смерть от старости, а не от меча или на кресте. Этот закон регулирует вопрос ответственности перед Творцом за свою жизнь и служение. У каждого есть свой дар, талант или, как говорили раньше, искра Божья. Но самый главный дар – это жизнь, данная нам Творцом. И задача состоит в том, чтобы правильно использовать его.

Наблюдается удивительная закономерность: жизнь многих выдающихся людей была несчастна и заканчивалась трагично, несмотря на славу и богатство.

За внешним блеском скрывалось отчаяние. В большей степени это касается тех, чей талант проявился в искусстве: поэтов, писателей, художников, музыкантов, артистов.

Несколько примеров, лежащих на поверхности памяти. Пушкин: бурные романы, сложные отношения с властью, нелегкая семейная жизнь, гибель в неполные тридцать семь лет. Гоголь: метания и поиски Бога, противоречия и крайности в творчестве – от «Вия» до «Выбранных мест из переписки с друзьями», жестокие непонятные приступы и страх смерти. Достоевский: каторга, болезнь, одержимость игрой, нищета. Есенин: многочисленные романы, дебоши, заигрывание с ЧК, богохульство, петля.

Прочтите биографии многих других знаменитостей – и увидите корни их бед и печального конца. За этими судьбами стоят беспорядочная семейная жизнь, отвержение Бога, попытки самоспасения, увлечение тайными науками, неумеренная жадность и гордость. Искусство XX века «прославилось» громкими скандалами, наркоманией, пьянством и самоубийствами. Век наступивший пытается через средства массовой информации поразить зрителей и читателей блеском артистической богемы, но за всей славой и богатством стоят искалеченные судьбы. Многие действительно талантливые люди отдают свой дар на служение стяжательству, похоти, гордости. Лицемерно и лживо звучат воспоминания о тех, кто погиб от греха: «Он был творческой натурой, поэтому пил»; «Ее духу было тесно в рамках общепринятой морали, и она искала забвения в любовных увлечениях». Можно услышать даже такое: «Талант – это проклятие». Действительно, дар Божий, не прославляющий

Создателя, становится проклятием. Жизнь без Творца становится проклятием.

Конечно, эти люди на виду, и только поэтому их биографии так ярко иллюстрируют последствия нарушения Божьих законов. Однако трагедии «маленьких» людей не меньше трагедий «великих». Жизнь любого человека – череда преступлений против Божьих законов и череда последствий. И череда удивленных возгласов: «Боже, за что?», когда вызревает посеянный грех и приходит время жатвы его плодов. Английская поговорка гласит: «У старых грехов длинные тени». Человек уже и позабыл, когда «подбросил» вверх очередной камень преступления, а он упал и разбил его жизнь и жизнь близких.

Кроме Божьих законов, существуют законы, созданные людьми. Это конституции, правила, своды, кодексы и прочее. С их помощью человечество пытается сохранить себя как вид. Что только ни предпринимали в течение веков для уменьшения преступности: публичные казни, жесточайшие наказания, мрачные казематы, ссылки и каторжные работы, пожизненные сроки. Преступность не исчезла. И даже не уменьшилась. Только Священное Писание способно изменить и человека, и человечество. Библия, этот Божественный кодекс, предупреждает каждого о том, что «людям положено однажды умереть, а потом суд» (Евр. 9:27). И суд этот будет проходить не в соответствии с законами Римского права, или Уголовного кодекса Российской Федерации, или Конституции Соединенных Штатов Америки. И вряд ли нас спросят на нем таблицу Менделеева или об экономических предпосылках для развития капитализма в XIX веке. Каждый даст отчет о том,

как он использовал Божий дар – жизнь, данную ему Создателем со всеми талантами и способностями.

Пока у нас есть время, необходимо изучать Кодекс вечности и сверять по нему нашу жизнь. От него зависят не только семьдесят-восемьдесят лет жизни, которые мы проводим под камнепадом наших ошибок, но и то будущее, в которое каждый шагнет после смерти.



НЕБЕСА ОЖИДАЮТ МЕНЯ

Они смотрят на нас с фотографий. Они улыбаются, ласково и задорно, грустно и беззаботно. У каждого своя улыбка, свой взгляд, свой наклон головы. У каждого из них своя прожитая жизнь, своя встреча с вечностью.

Почти в каждом доме есть такие фотографии. У кого-то они стоят на книжной полке, у кого-то висят на стене, на самом видном месте, у кого-то лежат в семейном альбоме. Задумчиво глядя на них, мы перебираем снимки: старые и пожелтевшие, новые и глянцевые, черно-белые и цветные. Наши любимые и родные улыбаются нам с фотографий. Острая боль или светлая тоска сжимают наши сердца, мы улыбаемся им, слезы туманят нам взор. Только они не плачут, потому что их слезы уже отерты.

Тяжело прощаться с родителями, страшно терять детей, мучительно разрывать супружеские узы. Однако «последний враг» приходит и наносит сокрушающий удар. И тьма опускается над миром, и Земля

прекращает свое вращение на какой-то миг, и помочь выстоять может только Бог.

Очень многое угрожает человеку, но ничего он так не боится, как смерти. Когда в этот мир приходит новорожденный, когда младенец лежит в колыбели, никто ничего не может сказать о его жизни определенного, не может предсказать ни одного факта со стопроцентной уверенностью. Только одно событие произойдет точно в жизни каждого – смерть. После этой черты – неизвестность, полный мрак, обреченность, безысходность. «Жизнь сама по себе лишена смысла». Эти слова прозвучали на одном телевизионном ток-шоу, таких модных сейчас. Конечно, не имеет смысла, если вся жизнь – это только ожидание смерти.

Бразильский писатель Жоржи Амаду так описывает жизнь в ожидании смерти: «Опять звучал смех, возрождалось тщеславное стремление выиграть партию в шашки, воскресал вкус к лакомым блюдам, и беседы на станции, на площади становились опять оживленными. Эти интересы были стеной, за которой они прятались от смерти, от ее гнетущего присутствия, но какой хрупкой стеной! Старики закрывали глаза, чтобы не видеть страшного призрака».

В детстве все любят день рождения. Ведь это подарки и сладости! В юности – это веселые вечеринки, в зрелом возрасте – спокойные посиделки с друзьями. С каждым годом и десятилетием день рождения все настойчивее напоминает нам о приближающейся старости и вечности. Помните картину художника Василия Максимова «Все в прошлом»? Осень. Возле крыльца в кресле сидит старая барыня, такая же старая горничная вяжет чулок, такая же старая собака лежит у ног хозяйки. Картина омертвения,

спокойной обреченности в ожидании неизбежного конца, поскольку больше ждать нечего, кроме смерти, ведь все уже в прошлом.

Бывают «легкие» похороны. «Он умер на 85-м году жизни», «Она отошла в вечность в 90-летнем возрасте». Вокруг все уважительно качают головами: «Да, пожил человек». Бывают страшные похороны, когда боль рвет сердце, когда разум оказывается в состоянии ступора, когда с губ срывается то ли стон, то ли вой, когда остается один только вопрос: «ПОЧЕМУ?» Скорее всего, ответа на Земле мы не получим. И как жить с этой болью? Как жить с этим вопросом? Ждите ответа...

Мы живем в постоянном ожидании: решений проблем, окончаний неприятностей, предвкушений радостных событий. Бесконечное стремление вперед – характерная черта человека, потому что изначально в нем была заложена уверенность в том, что его никто и никогда не остановит, потому что он был создан для вечности, потому что у него не должно было быть временных рамок. Только после грехопадения мы вынуждены цепляться, как за костыли, за такие высказывания: «Мы так сожалеем о прошлом, так спешим к будущему, что не умеем ценить настоящее». Это справедливо для нашей земной жизни, здесь нам, действительно, только и остается, что ценить настоящее... Слабое утешение и слабая защита для обреченных на смерть!

Современные психологи, такие модные сейчас, советуют людям, чтобы не впасть в депрессию, постоянно видеть перед собой какие-то радостные перспективы, жить в ожидании их. Например, приближающийся отпуск, поход в театр в конце недели,

поездка к родителям в следующем месяце. Это уводит от тоскливого «сегодня», которое большинство из нас так и не научится ценить, и создает иллюзию постоянного радостного движения вперед! Ведь движение, стремление так присуще человеку! Эти перспективы, вполне реальные и осуществимые, тем не менее подобны призракам: мы достигаем их, проходим сквозь них и уже нуждаемся в следующем мираже. Они не удовлетворяют нас, не наполняют, не насыщают. Они временны, конечны, смертны, а человек создан для вечности.

И остается только одна вечная, неизбежная и неизблемая перспектива для всего человеческого рода – смерть. Но к ней никто не стремится, такая цель никого не привлекает. Наоборот, мы пытаемся выстроить как можно длиннее ряд между собой и ею из наших «маленьких радостей», из наших реальных миражей, надеясь, что за ними ни мы ее не увидим, ни она – нас.

Но однажды пришел на Землю Тот, Кто сдвинул смертельную цель в сторону, Кто поставил новую цель – Небо, вечность и побеждающую альтернативу по имени Жизнь! Смерть еще ходит по планете, она наносит страшные удары, она причиняет нестерпимую боль, но она уже не является абсолютным и всепоглощающим итогом. Верующие во Христа движутся к жизни вместо смерти, стремятся к встрече с Творцом и своими любимыми, которые уже опередили их.

Пусть звучат утешением для тех, у кого границы времени открыты в вечность, пусть будут призывом и предупреждением для тех, у кого жизнь заканчивается за смертной чертой, слова апостола

Павла: «Последний же враг истребится – смерть» (1 Кор. 15:26).

Безутешные и напуганные, для вас есть утешение и спасение. Вся проблема в том, станете ли вы ценить настоящее выше будущего и станут ли миражи для вас реальнее того, что существует на самом деле.

Небеса ожидают меня и тебя, но ожидаем ли мы их?



НЫНЕ ОТПУСКАЕШЬ...

Солнце красным отблеском скользило по спокойному морю. Было тихо, безветренно. очередной летний день уходил в прошлое. Рядом со мной сидел старик и задумчиво глядел на воду, но ничего не видел. Он был слеп. Его глаза многое повидали за девяносто лет, но в последний год отказались служить. «Вышли в отставку», – горько шутил он.

Старик часто приходил на богослужения в нашу небольшую общину, что образовалась сравнительно недавно, с началом перестройки. Люди заглядывали в Дом молитвы больше из любопытства – один-два раза. Подивятся на очередных «сектантов», вежливо поулыбаются и отправятся дальше изучать другую «экзотику», которая раньше была под запретом. Но кто-то задерживался, начинал читать Библию, вникать в учение, задавать вопросы. Появились первые покаяния, первые крещения, зашумел детскими голосами первый класс воскресной школы, стали традицией по-семейному уютные чаепития после собраний.

А вокруг происходили настоящие тектонические сдвиги в общественно-политической жизни: распадались и создавались новые государства, шел передел экономики, по ночам горели коммерческие ларьки, в телевизионных репортажах место комбайнеров и доярок заняли боевики и криминальные авторитеты. Сорвались с насиженных мест многие семьи, начался массовый исход из республик Средней Азии. Сначала в крупные города, а потом в поселки и деревеньки стали прибывать мигранты. Неустроенность, бюрократическая волокита, проблемы с работой и жильем изматывали. Люди искали стабильности и покоя, но вставший на дыбы Советский Союз вскоре грянул оземь, погребая под собой мутную тишину «периода застоя».

Старик был старожилом, оставшимся в этих местах после войны. Наблюдал за происходящим вокруг, качал головой. Похоронив всех родных и близких, коротал свой век в небольшой комнатухе старого дома довоенной постройки, в котором проживало еще несколько семей и который находился рядом с нашей общиной. Как-то пришел на Пасху, да и остался. Посещал регулярно все богослужения, слушал внимательно, но не больше. Был молчалив и замкнут. Вот и теперь, оставшись вдвоем за столом, с которого проворные сестры уже убрали чашки и вазочки, мы молчали, провожая день сегодняшний.

После некоторого колебания я решила задать вопрос:

– Григорий Иванович, а почему вы не становитесь членом Церкви, ведь нет сомнений, что верите в Господа, что Библия для вас авторитет?

Вопрос повис в воздухе надолго. Я уже не надеялась получить ответ, когда он заговорил:

– Я не могу покаяться, потому что не верю, что мне есть прощение.

И опять молчание. Только плеск волн, звяканье посуды на кухне, отдаленные голоса в поселке.

– Почти пятьдесят лет ношу этот груз в себе, наверное, так и умру с ним. Давно бы пора, один остался, но даже Бог не забирает, оставляет мучиться.

И вновь тишина. И вдруг неожиданное признание, что давно рвалось наружу, но сдерживалось годами. Я молча слушала, боясь прервать монолог истрадавшей души.

* * *

Дело было в феврале 1945 года. Война приближалась к концу. Григорий Иванович участвовал в сражениях в Польше. Звездной морозной ночью их небольшой конный отряд пробирался мелким перелеском к лесной базе польских партизан. Выполнив боевое разведывательное задание и предчувствуя близкое тепло землянок, блестящий рапорт командиру и блаженный отдых у костра, бойцы расслабились, закурили, заговорили чуть громче положенного. Вдруг из темноты раздалась быстрая немецкая речь и автоматная очередь. Испуганные лошади метнулись в сторону, отряд оказался рассеян, и каждому пришлось сражаться в одиночку. Никто не знал, какова численность противника, откуда он будет нападать, отрезан ли путь к своим или нет.

Конь Григория понесся через кусты и выскочил на поляну. Наверное, от места сражения было достаточно далеко, потому что шум стрельбы еле доносился.

Поляна была вся залита лунным светом, вокруг стояли елки в снежном серебре. Показалось на мгновение, что это сказка из детства и нет войны, смерти и потерь. Но тишина и покой длились недолго. Наперерез выскочил на коне немец. Это было неожиданно для обоих. Григорий смахнул с плеча винтовку, выставил ее штыком вперед, как пику, пришпорил коня и ринулся на врага. Мгновение – и тот оказался надет на штык. Но за секунду до удара противник успел вдруг осознать неотвратимость своей смерти. И закричал. Закричал жалобно, по-детски: «Мутер!», а дальше – предсмертный хрип.

И опять на поляну вернулись тишина и покой. Луна, серебристые елки. Но сказки уже не было. Григорий соскочил с коня, наклонился над поверженным врагом. Это был юноша, намного моложе его самого. На лице застывало выражение дикого страха и обреченности. И впервые за всю войну Григорий заплакал.

Он не плакал, когда голосила мать, провожая его на фронт. Он не плакал, когда хоронил товарищей (мужчины не плачут, мужчины отплачивают). Он не плакал, когда в полевом госпитале ему вытаскивали осколки из расстрелянного тела. А теперь он плакал над умирающим врагом.

* * *

– В тот момент я вздохнуть не мог, будто землей меня в окопе засыпало, как будто все смерти, что были за четыре года, навалились, как будто я один на всем свете был виноват в том, что происходило вокруг. И все, все изменилось с тех пор. Не могу забыть того крика, не могу сбросить плиты с сердца. И сейчас,

полвека спустя, я готов рыдать так же горько о том убитом мной парнишке, который звал маму.

Тишина давила на уши, наверное, так же, как тогда, на заснеженной поляне. Я потрясенно молчала. Не сам случай произвел впечатление (сколько мы читали и слышали военных рассказов, много удивительнее этого), а его последствия. Да может ли такое быть? Он что, впервые убил на войне? Не видел до этого смерти? Не впитал из воздуха ненависть и беспощадность? Не огрубел душой, идя по трупам в буквальном смысле? Что за нелепая идея – взвалить на себя вину за то, что колол, стрелял и резал там, где кололи, стреляли и резали его?

Если бы не глубокое волнение моего собеседника, не осознание ценности этого неожиданного откровения, не страх причинить боль своей нетактичностью, я бы бодро предложила Григорию Ивановичу не мучиться бессмысленными переживаниями. А так... Страдания были очевидны, потрясение от событий полувековой давности огромно. Я совершенно не знала, что сказать, но и молчать не могла. Вспоминая места Священного Писания, подходившие к данному случаю, стала говорить о разбойнике на кресте, о Савле, о Давиде. А в голове все настойчивее звучала мысль: «Он все это прекрасно знает, слышал много раз, это не утешило его, не принесло облегчения».

Но, наверное, главное уже совершилось: выплеснулись из сердца боль и ужас морозной ночи, человек смог произнести вслух то, что нес через всю долгую жизнь.

И за первым шагом последовал второй – слезы, сначала медленно, а потом все неудержимее потекли по морщинам-бороздкам, глухой голос тихо произнес:

– Прости...

Нет нужды пояснять, что разговаривал слепой старик в этот момент не со мной.

* * *

Неделю спустя наша небольшая община также сидела на террасе. До самого горизонта плескалось море в красноватых отблесках заката, август постепенно начинал уступать место сентябрю.

На концах столов расторопные сестры уже собирали посуду, но общая беседа еще продолжалась:

– Хорошо пожил, за девяносто уже перевалило...

Догадливый читатель вправе сказать: «Так и знал, что рассказ этим закончится». Да, через несколько дней после исповеди Григорий Иванович тихо ушел в вечность. Да и что делать на земле тому, кто вошел в покой?



СТАРТОВАЯ ПЛОЩАДКА

И не приходило то на сердце человеку...

1 Кор. 2:9

Почему так сказано только о рае? Почему только Эдем не может представить себе человек? А ад может? Почему в Писании мы так часто встречаем описание ада и никто не сомневается в том, что он изображен достаточно наглядно? Почему при том же описании рая следует оговорка: не можете себе представить, не можете вообразить и даже никогда не придет такое на ум?

Что легче понять нам: ужасы ада или красоту рая? Скорее всего, ад будет выглядеть в нашем воображении реалистичнее. Почему? Например, многие люди убеждены, что рай – скучное место. Человек будет вечно бродить по цветущему саду и играть на арфе (так описал рай Марк Твен, и многие с ним согласились). Игра на арфе вызывает стойкую ассоциацию с ненавистными гаммами и раздраженной учительницей из музыкальной школы. Большинство не хочет такого рая. В этом видна ограниченность доброй фантазии в человеке. Странно, но прекрасное (музыка и сад) вызывает неприятные воспоминания.

Библия говорит нам: «Не видел того глаз, не слышало ухо, и не приходило то на сердце человеку, что приготовил Бог любящим Его» (1 Кор. 2:9).

Про муки ада такого не сказано. Представить ад легче, чем рай. Почему? Потому что это нам ближе, потому что зло – наше врожденное качество, а добро – приобретенное, благодаря рождению свыше, которое переживают не все.

Человек наделен способностью к творчеству, стремлением к нему, богатым воображением. Миллионы созданных книжных миров, кинокартин, художественных полотен, скульптур, архитектурных памятников доказывают это. Опираясь на реальные прототипы, художник отталкивается от них и дает свободный полет своей фантазии. Красота и воплощение мечты дают миру шедевры искусства.

Куда же улетают эти мечты, к чему они стремятся, от чего отталкиваются? Направления в искусстве различны, все их названия не знают даже преданные поклонники, а разобраться в классификации уж тем более под силу только узким специалистам. Однако рядовой зритель всегда даст четкое определение: доброе или злое.

Какие герои в книге, спектакле, фильме выглядят ярче, индивидуальнее? Конечно, отрицательные. Любой актер скажет, что играть злодея легче, чем добродетельного героя. Для создания образа последнего необходим поиск, как сделать добрую речь запоминающейся, не впасть в морализаторство и скучное нравоучение, которое зрителю не понравится. Вот почему экраны телевизоров залиты кровью и полны сценами насилия – и создать легче, и смотреть будут охотнее и больше.

Если вы читали фантастику, то видели, с каким упоением и как убедительно выписаны монстры, черные маги, чудища. Как представляет человечество свое будущее в этих сказках для взрослых? Железными монстрами, лязгающими непомерным количеством паучьих лап, бряцающими бластерами и лазерными мечами. И это – предел людских надежд на будущее? Вы когда-нибудь читали фантастическую книгу, где герои были бы прекрасны, совершенны, безупречны и морально, и физически? Если – да, то это, скорее, исключение, чем правило. Не приходит на ум хотя бы Тысячелетнее царство, неинтересно его описывать, скучно. А может быть, просто «не приходит на сердце»?

Глядя на картины художников прошлых веков, на одухотворенные лица святых, мадонн, многочисленные образы Христа, люди поражаются их красоте и не могут создать не только что-то лучшее, но хотя бы подобное. Не так давно в каталоге книг предлагали самоучитель по рисованию «Копируем шедевры великих мастеров. Шаг за шагом». Это все, что остается деградирующему миру. Настоящий художник, писатель, скульптор верит в Создателя. Эта вера дает ему вдохновенные образы красоты и добра. Величественные произведения Бетховена, Бортнянского, Генделя и Листа были вдохновлены Божественной верой, что жила в их сердцах.

Вкусив плод дерева познания добра и зла, человек ярко и отчетливо видит зло, а добро «теперь мы видим, как бы сквозь тусклое стекло, гадательно» (1 Кор. 13:12). И это слова одного из величайших апостолов!

Человек создан по образу и подобию своего Небесного Отца, поэтому он всегда будет стремиться

к творчеству. Но творчество может быть созидательным, а может быть разрушительным. Созидательное творчество пробуждает лучшие качества души, побуждает к добрым делам, к поискам высшего и духовного смысла в жизни. Разрушительное творчество толкает на преступление, поднимает все темное и гнилое, что есть в натуре человека, взывая к животным инстинктам и высвобождая их. Удивительно, даже написав эти строки, чувствую, что в голове больше слов и красочных выражений, которые описывают «плохую» часть рассуждений, а вот подобрать добрые эпитеты сложнее – все кажется надуманным и стандартным.

Изначально «плохой плацдарм», от которого можно оттолкнуться в своем развитии и творчестве, в нас занимает огромную площадь. А вот «добрая стартовая площадка» намного меньше. На ней трудней разбежаться и оттолкнуться. Поэтому ее надо увеличивать, расчищать, готовить и использовать в своем труде. А главное, помнить, что мы вызываем у наших слушателей и зрителей, когда обращаемся к ним через свое творчество: добрые образы и мысли или разрушительную энергию зла? А это будет зависеть от того, от чего отталкиваемся мы сами, от какой стартовой площадки.



ПЕРВЫЙ И ПОСЛЕДНИЙ

Когда мы делаем что-то впервые, то знаем об этом и особо отмечаем. Или в воспоминаниях наших родных многократно повторяется знаменательный момент.

– Помню, как дочка сделала свой первый шаг. Он был робкий и неуверенный, – мама с умилением в тысячный раз демонстрирует гостям снимок из ранне-го-раннего детства.

– Помню, как меня впервые вызвали в школу, – притворно хмурится отец, просматривая видео выпускного вечера сына.

– Завтра – первое свидание, – с замиранием сердца девушка перебирает платья, решая невозможно трудную задачу, какое же надеть.

– Ну, успеха в твой первый рабочий день! – дед с удивлением смотрит на внука – когда успел вырасти?

«Мое первое путешествие проходит великолепно!» – восторженная строчка на почтовой открытке с видом средиземноморского пейзажа или надпись в микроблоге.

И стоит только начаться ностальгической беседе, или достать из ящика комода старый альбом, или встретиться давним друзьям, или прийти на солидный юбилей, как сразу же зазвучат фразы: «А вот помню, как первый раз...»

Есть исключительно значимые первые моменты: любовь, свадьба, рождение ребенка. Все-все впервые, все ново, незнакомо, удивительно по смыслу, по переживаниям, по эмоциям, по впечатлениям. А первая молитва? И первый ответ на нее? Посещение церкви? Слова Библии, впервые прочитанные, возможно, даже не понятые, но заставившие сердце забиться тревогой и надеждой? Встреча со Спасителем, первая и незабываемая?

Практически каждый шаг, каждое действие, каждая мысль, случившиеся с нами впервые, так и отмечаются внутренним летописцем: «Такое со мной первый раз!»

А вот многое из того, что мы делаем в последний раз, осознается «последним» много позже, и не всегда нами самими.

- В июне он последний раз был в церкви...
- В июле он последний раз выходил на улицу...
- В прошлом году он последний раз приезжал к нам в гости, думали ли мы тогда...
- Вчера он последний раз улыбнулся мне...

Предсказать «последний раз» трудно, почти невозможно.

И вот между словами «первый» и «последний» – течет наша жизнь.

Жизнь, как короткая черточка между двумя датами: датой рождения и датой смерти. И между ними – бесконечное колесо «первый – последний».

Для живущих во плоти эти два момента – первый и последний в нашей жизни – навсегда останутся тайной. А для перешагнувших последнюю черту все начнется с «первого раза», и «последнего» уже не будет. Когда у нас все впервые, рядом, как правило, есть те, кто с любовью и заботой помогут и поддержат. Когда у нас все в последний раз, очень важно, чтобы рядом были те, кто с любовью и заботой поможет и поддержит. И как необходимо, чтобы среди близких, во главе близких, был Спаситель, Который есть Первый и Последний (Откр. 1:10).

В ПОИСКАХ
ВОЛШЕБНОЙ
ПАЛОЧКИ





В ОЖИДАНИИ АПОКАЛИПСИСА

С 11 марта 2011 года первые полосы новостей и в прессе, и в интернете, на телевидении и радио отданы сводкам, сообщающим о состоянии дел на атомной электростанции «Фукусима», расположенной в Японии. Разрушения, возникшие там в результате землетрясения и цунами, привели к аварии и угрозе ядерного заражения. Еще живо поколение японцев, ставшее свидетелем атомных взрывов в Хиросиме и Нагасаки. Еще мир не забыл и, скорее всего, никогда не забудет весь ужас их последствий. Призрак радиационного апокалипсиса тогда предстал перед человечеством во всей беспощадности и неотвратимости.

30 октября 1961 года на Новой Земле была взорвана самая большая водородная бомба мощностью 50 мегатонн. Бомба имела «ласковое» название Кузька, данное разработчиками, – в честь того Кузьки, мать которого Никита Хрущев обещал показать Западу. Огненный шар, образовавшийся на месте взрыва, имел в диаметре 10 км, а волны от взрыва трижды обогнули весь земной шар.

Самые худшие перспективы ядерной катастрофы подтвердились в апреле 1986 года, когда произошла авария на Чернобыльской АЭС. До сих пор, спустя четверть века, отголоски тех событий доносятся до нас.

Сколько их было и сколько еще будет вот таких «ядерных эпизодов» в истории Земли? И каждый из них только убеждает людей, что «освобожденный атом» не освобождает от ответственности. А также демонстрирует беспомощность «покорителя» природы перед этой самой «покоренной».

* * *

В последние годы, как никогда, усилились настроения по ожиданию «конца света». Предсказания все новых и новых дат мировой и окончательной катастрофы появляются с завидным постоянством. Календари древних народов майя и ацтеков, предсказания Ванги и Нострадамуса разыскиваются, цитируются, подгоняются под события современности. Сколько литературных писак и кино-шарлатанов обогатилось за счет создания книг и фильмов, спекулирующих на вечном человеческом страхе!

Действительно, вечном. Каждый знает, что он когда-нибудь умрет, но для большинства людей дата смерти остается неизвестной до последней минуты. От этого возникает иллюзия, что эта минута никогда не наступит. Вообще тема ожидания смерти и реальность ее появления в жизни каждого парадоксальна. Смерть пришла к творению вместе с грехом, но если грех стал «родным и близким», чем-то естественным, то смерть осталась противоестественным явлением. Все знают, что у инвалидов, потерявших конечности, часто возникают фантомные боли – несуществующие

руки и ноги болят. Вот так у нас всех оказалась ампутированная жизнь – у нее отрезало бессмертие, а мы страдаем фантомными симптомами: нам кажется, что дата смерти за горизонтом, теоретически она есть, но так же недостижима, как и горизонт.

А вот даты апокалипсиса пугают своей конкретностью, обладая при этом болезненной притягательностью. Конечно, большинство тех, кто рассуждает на эту тему, и тех, кто поглощает эти рассуждения, относятся с иронией, с легкой удалью к собственным опасениям и предсказаниям. Но это скорее показное легкомыслие, иначе не была бы так живуча эта тема.

Действительно, живуча. Ей столько же лет, сколько падшему человечеству. Практически каждое поколение землян его ожидало. Наше время пытается все перевести в несерьезную плоскость: снимает фильмы-катастрофы, пугает себя этими гламурными «страшилками» с голливудскими звездами в главных ролях, а после облегченно улыбается – «всего лишь кино».

Сколько лжеучений возникло на одной только фразе: «Дата конца света наступит...» Сколько людей в буквальном смысле сошли с ума, высчитывая бесконечные «коды Библии» и «зашифрованные послания». А самая массовая ересь – «Свидетелей Иеговы» – все решила кардинально, объявив, что конца света не будет, Земля вечно будет баюкать на своих ладонях верных последователей сего учения. Может быть, именно этим и объясняется массовость в их дружных рядах? Чем не выход из вечного страха – взять и отменить апокалипсис?!

Все-таки не выход. Каждый год часть населения нашей планеты переживает свой маленький конец света. Тогда наяву, а не в темноте кинозала, ломается

земля, в бездну летят города, водная стихия проглатывает лайнеры и поезда, смещаются и меняются местами полюса и оси земного шара, а люди взметаются стихией и уносятся в вечность, как пыль и прах.

Называют много причин, могущих привести к концу человеческую цивилизацию: вполне прагматические – экологическая катастрофа, атомная война, глобальная пандемия какого-нибудь вируса; менее вероятные – столкновение с различными космическими телами, всемирное стихийное бедствие; и совсем фантастические – нашествие инопланетян и поражение неизвестно откуда взявшимися монстрами. При этом веками игнорируется причина, указанная Словом Божиим.

Причина – грех. Последствие – гибель Земли. Дата – День гнева. И смысл всей книги Иоанна не в том, чтобы загадать людям загадку и заставить их бесконечно высчитывать тайну числа 666, или множить толкования образов, данных в Откровении, или мучиться над узнаванием времен и сроков. Смысл в том, чтобы понять, в чьих руках судьба человечества, уразуметь, что ход истории неотвратим, что конец мира нынешнего не был тайной уже во времена первых христиан. И, как следствие, читатель должен прийти к мысли о своей участи, о ее решении, о своей встрече со своим личным апокалипсисом.

* * *

Новый Орлеан, Гаити, Таиланд. Раньше были Ашхабад, Спитак, Нефтегорск. И многие другие. Не так давно прибавилась Япония. Помимо природных катаклизмов, есть еще проблемы Ближнего Востока, ядерное противостояние мировых держав,

перманентная угроза исламского терроризма, бесконечные локальные войны. А мир заседает и рассуждает, гадает и предполагает о чем угодно, кроме самого главного. Вынесут резолюции, примут меры по предотвращению, обеспечат техникой, внесут в историю. Или еще «лучше» – применят военную силу.

В политике трагедия «Фукусимы» подняла рейтинг «зеленых» партий, отменила многие промышленные проекты, приостановила строительство новых АЭС, подвигла на принятие новых законов о ядерной безопасности. На телевидении подготовлены документальные и не очень фильмы на злобу дня. Кто-то пишет очередную книгу о ядерных предсказаниях тамплиеров и сценарий фильма об Армагеддоне. В Японии отыщут погибших, похоронят. Наверное, построят мемориал. Учредят День памяти.

Пока писалась эта статья, новости об этом событии в интернете уже сползли на третьи-четвертые строчки, а сейчас, когда вы читаете ее, возможно, их и совсем там нет. Как нет и точной даты апокалипсиса, как нет и точной даты смерти каждого конкретного человека. Что, конечно, не отменяет ни того, ни другого. Потому что «не ваше дело знать времена или сроки» (Деян. 1:7), ибо «внезапно придет в храм Свой Господь» (Мал. 3:1).



В ПОИСКАХ ВОЛШЕБНОЙ ПАЛОЧКИ

*Бывает нечто, о чем говорят:
«Смотри, вот это новое»; но это было
уже в веках, бывших прежде нас.*

Екклесиаст

Не так давно мне в руки попала книга Джо Витале «Секрет притяжения». Признаться, до этого момента я не знала ни о существовании этого автора, ни о его бурной литературной (и не только) деятельности. И оказалось, что сильно отстала от жизни: учение о «материализации чувственных идей», как называл подобную практику небезызвестный граф Калиостро, маг и чародей XVIII века, нашло широкое распространение и многочисленных последователей не только среди вечно мятущегося в поисках земного счастья и благополучия суетного мира, но и у христиан различных общин.

Идеи стары и уходят своими корнями в глубь столетий, к колбам и ретортам средневековых алхимиков, пытавшихся медь превратить в золото. Современный уровень развития химии и физики, а также всеобщая грамотность не позволяют «вечно живым» Сен-Жерменам и Ленорманам выманывать деньги спомощьюэффектныхфокусов. Однако преподанные на современном языке, с использованием терминов

и словечек, что так ласкают слух западного язычника нового времени: чакры, мантры, цигун, – эти идеи овладевают массами стремительно и широко. Теперь деньги обыватель выкладывает не за гомункулуса и золотые слитки, а за свои собственные мечты, точнее, за обещания их полного воплощения, за возможность схватить удачу за хвост и притянуть к своему кошельку. Трескотни и тумана хватает, хотя в то же время утверждается, что все просто и доступно, стоит лишь захотеть, поверить, расслабиться, отпустить, очиститься.

Казалось бы, ладно, пусть их: поговорку «Рыба ищет, где глубже, а человек – где лучше» еще никто не отменял. Сейчас мир окончательно освободился от стыдливого прикрытия своего эгоизма и провозгласил целью физический и психологический комфорт. Методы достижения – любые, при условии почитания уголовного кодекса. И это абсолютно нормально и справедливо для тех, у кого жизнь ограничена земным существованием. Действительно, если вы не верите в Бога, загробную жизнь, суд и наказание или награду после смерти, то девиз «взять от жизни все» вполне законен. Но вот что ищут христиане, тем более те, кто называет себя рожденными свыше, в мутном ассортименте современных продавцов счастья – это вопрос.

Поставьте перед человеком, даже считающим себя верующим, две цели. Первая – воздаяние в вечности, вторая – все материальные блага на Земле. Что будет более востребовано? А уж если второе подсветить духовными рассуждениями, авторитетными ссылками, в том числе на Библию и молитву «Отче наш», тогда для многих и совсем никакого

разговора о проблеме выбора нет. Кстати, вышеупомянутая книга представляет собой удивительнейшую смесь религий и поразительнейший пример языческой толерантности. Приверженец любой веры, а также атеист найдет в ней все, что дорого сердцу. Автор призывает обращаться к богу Вселенной, высшей силе или к магии, колдунам, экстрасенсам – кому что нравится. Часто используется слово «бог», но ни разу не упоминается имя, тем самым читатель вправе считать, что речь идет именно о его боге. Библию и учение Иисуса вплетают в общую косичку пестрого учения. Во-первых, авторитетно, во-вторых, «на равных» со всеми остальными Буддами, Конфуциями и Кришнами. Утверждается, что учение о силе мысли и способности создавать собственную реальность берет начало в тайнах древнего Египта и Вавилона, развивается в учении Христа (ну да, в последние годы кто только не спекулировал на легенде, что Он в Индии постигал азы учения о Царстве Божьем). Книга оптимистично заявляет, что для достижения земного богатства все хорошо: и католическая месса, и индийская ягия («Религиозная или духовная церемония, совершаемая жрецом с целью устранить кармические проблемы». Д. Витале, «Секрет притяжения»). Вот такая всеядность, как высшей силы, так и ее клиента, поскольку: «Высшей силе безразлично, что мы требуем» (Фрэнсис Лаример, «Наше невидимое предложение», 1907). Не из этого ли утверждения растут ноги более «мягкого» учения харизматов, что «необходимо четко и подробно представить то, о чем ты просишь Бога, только после получишь просимое»? Господь просто не в курсе, чего надо-то, а так готов выполнить любой

наш каприз, как волшебная палочка или современная сервисная служба.

Христианству зачастую трудно вести дискуссию «в лоб» с людьми неверующими или номинальными верующими, потому что для них не существует понятие о вечности. Даже если такой термин и входит в официальную идеологию той или иной ереси, то прикладного характера не носит, то есть декларировать – декларируют, но серьезно в расчет не принимают. Их аргументы – это видимый результат здесь и сейчас: здоровье, деньги, карьерный успех. Они приводят множество примеров исцеления, приобретения, достижения. Назовут фамилии, адреса и паспортные данные «счастливиц», добившихся всего в жизни благодаря методикам данного учения. Никого не интересует, как обладатель «счастья» закончит свои дни на Земле и начнет в вечности. Поэтому христианские доводы о погибшей душе, о последнем суде, о преходящих земных ценностях выглядят бледно и неубедительно для тех, кто не верит в эти самые понятия, даже если и заявляет обратное.

Периодически в наши двери стучатся труженики сетевого маркетинга. Теперь этот стук раздается и со страниц книг: в конце «Секрета» дан достаточно объемный список рекомендуемой литературы. Названия говорят сами за себя: «Величайший секрет, как делать деньги», «Гипнотические рекламные тексты: как искушать и убеждать клиентов одними словами», «Жизнь без ограничений. Секретная гавайская система для приобретения здоровья, богатства, умиротворенности и счастья», «Думать и богатеть!», «Управляй своей судьбой. Как подобрать ключ к самой могущественной силе». Да, подобрать ключ к могущественной

силе – одна из извечных мечтаний человечества. Собственно, основная задача язычника – найти рычаги управления своими божками. Неважно, будут ли это жертвоприношения, посвящения и обеты или даже наказания (известны обычаи, когда после неудачной охоты ее участники секли розгами домашних идолов), или упорное размышление о своей мечте, пока космосу не надоеет созерцать ваши мысли и он наконец-то не исполнит ее.

Конечно, в рассуждениях о силе мысли и слова есть рациональное зерно. Человек создан по образу и подобию Божьему, Который творит Словом Своим. И люди унаследовали творческий порыв и силу слова, но, отравленные грехом, мертвые по духу, способны создавать лишь карикатурное подобие того, что действительно хотят получить. К тому же человек, не видящий дальше своего носа, поскольку лишен всезнания, лишен объективного восприятия видимого мира и вообще всякого восприятия мира духовного, не в состоянии «предугадать, как слово наше отзовется». А оно, как правило, так отзывается, что звенит в ушах у нескольких поколений.

* * *

Сижу и пишу эту статью, а за окном слышатся крики (не поверите, но так и было):

– Зевс, ко мне! Зевс, домой!

Выглядываю, чтобы рассмотреть сего «олимпийца». Из кустов палисадника на тонюсеньких дрожащих кривых ножках выбегает дрожащая собачонка в кокетливой одежонке.

Извечная мечта человечества – пристегнуть богов к ноге.



ВЛАСТЬ АНДРОГИНОВ

Не знает человечество покоя, нет, не знает. Оно постоянно находится в поисках счастья. И в постоянном поиске причин, мешающих это самое счастье обрести. Вот приняли все меры для упрочения мира во всем мире, а начался новый виток гонки вооружения. Вот достигли развитой экономики, а она вдруг накренилась и готова рухнуть, увлекая державы в очередной кризис и дефолт. Вот достигли желанной свободы для народов и каждой отдельной личности, а попали всем миром в страшное рабство. И желанная цель – «будете, как боги» – все так же притягательна и так же далека, как и тогда, когда впервые прозвучала для человеческих ушей.

И что делать прикажете? Продолжать, конечно же, борьбу за свои «права на счастье». Вот только каждая новая победа приносит более тяжкое поражение. Погоня за иллюзией бесконечна, и бесконечен поиск врагов, которые мешают эту иллюзию нагнать.

Вот и в последней четверти века прошедшего удалось выявить очередных «врагов» всемирного счастья.

Вопрос равенства всегда волновал людей. Волновал до судорог в челюстях, до пены изо рта, до умопомрачения. Поэтому породил множество революций, казней, бунтов, войн и страданий. Что же делать, по-другому равенство не добудешь. Более-менее разобравшись с политическим и социальным равноправием, но так и не обретя оно, оглянулся человек в поисках причины, чего же еще-то не уравнивал? И углядел: мужчина и женщина как-то сильно отличаются друг от друга. Непорядок, требуется борьба за равноправие...

Первыми об этом заговорили революционеры. Еще идеалисты-утописты в своих сладкоголосых сочинениях провозглашали право женщин работать наравне с мужчинами, заниматься наукой, обучаться военному делу, быть священнослужителями. Например, в первом коммунистическом проекте, созданном Томасом Мором в 1516 году, на острове Утопия все живут равноправно и очень счастливо, и лишь физиология определяет разницу между мужчинами и женщинами.

Дальше – больше. В написанном в 1602 году «Городе солнца», автором которого является Томмазо Кампанелла, живущие при коммунизме люди не только абсолютно равны, но имеют общее имущество, а также жен и детей.

Третий классик утопического социализма Франсуа Фурье на рубеже XVIII–XIX веков предлагал строить фаланстеры – особые дома-дворцы, в которых люди жили бы дружной коммуной, а браки заключались и распадались в зависимости от того, «пришла» любовь или «ушла».

Не остались в стороне и основоположники марксизма-ленинизма. Фридрих Энгельс считал, что на заре цивилизации женщины попали в рабство к мужчинам, где и остаются на протяжении веков: «Первый социальный конфликт, имевший место в истории, совпадает с ростом антагонизма между мужем и женой в моногамной семье, а первое угнетение произошло одновременно с притеснением женщин мужчинами».

Советская власть приложила немало старания, «железной рукой загоняя человечество в счастливое будущее» (одних только лагерей и зон сколько пришлось построить для достижения всеобщего освобождения и равенства!). Озаботилась она, естественно, и проблемами пола. Наравне с мужчинами женщины получили доступ в университетские аудитории и цеха заводов, смогли встать у кульмана и токарного станка, а также взять в руки штурвал самолета и отбойный молоток и оказаться, таким образом, перед лицом «полной власти и – невыносимой – полной ответственности».

И феминизм, робко пробивавшийся сквозь косность XIX века, обрел идеологическую базу и поддержку одной шестой части суши. Однако и Запад не отставал в этом процессе: страны и народы дружно вставали под знамена свободных женщин. И что интересно, на заре этого течения его представительницы объясняли преобладание мужчин в политике, науке, военном деле мужским засильем и шовинизмом: загнав женщин на кухню, заперев в доме, не давал сильный пол им развиваться, получать образование и активно участвовать в жизни общества.

Но времена изменились. Стартовые позиции стали одинаковыми для всех: девочки и мальчики стали

воспитываться вместе в детских яслях и садах, в школах и институтах. Все заимели одинаковые гражданские права, все равны перед законом, а в некоторых странах и перед воинской обязанностью. Тем не менее во всех активно-общественных институтах доля мужчин остается на порядок выше. Почему? Феминистские организации дают ответ: это все тайный заговор мужчин не дает слабому полу пробить «стеклянный потолок» (специальный термин, придуманный для обозначения дискриминации женщин). Однако прекрасный пол в наше время на цивилизованном Западе имеет равные выборные права, но не спешит выбирать своих представительниц в органы власти, предпочитая им мужчин. Давно в прошлом мужское засилье во всех сферах деятельности человечества, однако, как и много столетий назад, большинство политиков, бизнесменов, художников, инженеров, ученых и прочая, и прочая, и прочая составляют мужчины. Да и соблюдать половое равноправие в роддомах или на лесоповале тоже достаточно проблематично. Расцвет идеологии феминизма принес женщинам сомнительные права трудиться наравне с мужчинами и... называться матерью-одиночкой.

* * *

Феминизм бурно пошел в рост в 1970-х. И тут неожиданно всплыла другая, темная, сторона сего явления – феминизация мужчин. К пресловутому лозунгу того времени: «Секс, наркотики и рок-н-ролл» можно смело приписать «и гомосексуализм».

В 60-х годах прошлого столетия в моде закрепился стиль «унисекс». Он стал результатом студенческих волнений, движения хиппи и панк-культуры. И вместо

женственных манекенщиц по подиуму зашагали тонкие то ли девочки, то ли мальчики – сразу и не разберешь: плоскогрудые, с короткими стрижками «под мальчика», в одежде, не только не определяющей пол, но еще больше его нивелирующей. Героями (или героинями?) стали модели типа – «героин не принимающие, но выглядящие плохо». Стало модным словечко «андрогин», что в языческой мифологии обозначает существо, либо соединяющее в себе мужчину и женщину, либо начисто лишенное любых признаков пола. К слову сказать, Платон описывал их необычайно сильными и необычайно наглыми существами.

Начала развиваться целая индустрия, призванная свести к минимуму половые различия. Кроме произведений модельеров, в большинстве своем являющихся мужчинами-гомосексуалистами, появились парикмахерские салоны, где не стало привычного разделения на женского и мужского мастера (чтобы оставить на голове бобрик из волос, особого мастерства не требуется), дома мод стали выпускать косметику и парфюмерию, которую могут использовать все представители человечества. Ведущие аналитики говорят о том, что «унисекс» – это философия будущего, утверждающая равенство полов и их уничтожение. Вот как описаны представители этого стиля в одной интернет-статье:

«Если девушка – то высокая, с короткой стрижкой, а возможно, и без нее, или она свои волосы превратила в подобие мочалки: африканские косички, или дреды. Наша красавица худа до безобразия, аж кости выпирают: впалые щечки, маленький бюст, тоненькие ручки. Из одежды: мужская рубашка, галстук, брюки, пиджак, шляпа, ботинки на низком каблуке;

потертые джинсы, мятая футболка, большой свитер со швами наружу или балахон, огромные солдатские ботинки; темные, сдержанные цвета.

В ее гардеробе можно встретить кожаные штаны и даже кожаную майку, она предпочитает косметику темных тонов, например, черную помаду. Украшения нашей героине больше всего нравятся кожаные, деревянные, из любого „помойного“ материала, только не драгоценного. Девушка не боится прокалывать пупок или, скажем, нос, а может, и татуировку набить. Смелость – девиз нашей минималистки.

Мужчины: жабо, всевозможные воланы, обтягивающие фигуру футболки и брюки, декольте, длинные волосы; яркие и пастельные цвета. Мужчины пока еще не надели лифчики, платья и юбки (хотя их уже вводят в мужские коллекции)».

И после таких рассуждений такой вывод: «Но для того чтобы жить в стиле „унисекс“, недостаточно просто носить удобные вещи, модную стрижку, пользоваться нейтральным парфюмом. Все дело в мироощущении, ради которого и были созданы все элементы этого стиля.

Человек, предпочитающий его, сознательно отказывается от внешних признаков, указывающих на его половую принадлежность, он вступает в ряды представителей „объединенного пола – unisex“. Именно в отсутствии визуальных отличий человек получает возможность полнее проявить свою личность, выделиться из толпы не по своему облику, а по поведению и образу мыслей.

И в этом плане „унисекс“ нисколько не ущемляет индивидуальность каждого человека, а, наоборот, убирает налет несущественных деталей».

Вот так называется теперь идентификация мужчин и женщин – «налет несущественных деталей».

А под покрывами бесформенных одежд, в грубых башмаках на тяжелой платформе, змеино улыбаясь, шла по подиуму гендерная идеология...

* * *

В рассказе Энни Пру «Горбатая гора», по которому был снят одноименный фильм, повествуется об однополой любви двух американских ковбоев в 70-х годах прошлого века. Это суровые, неприхотливые труженики, живущие в суровых, неприхотливых условиях. Они проносят сквозь годы нежные чувства и преданность друг к другу. Все заканчивается плохо. И, конечно же, в трагической развязке виноваты узколобые и злобствующие «натуралы», впрочем, как виноваты они и в том, что эти двое стали не такими, как все. Проникновенный лиризм, спокойное осознание обреченности – лучшее обвинение и обличение тем, кто жестоко борется против сексменьшинств.

И таких героев становится все больше. Современная литература и киноиндустрия множат их и раскрашивают в розово-голубые тона, декорируя душевной чуткостью и тонкостью ранимой природы. И вот уже, взявшись нежно за руки, бывшие изгои удостоиваются орденов, рыцарского достоинства, престижных наград и самого высокого внимания.

Все больше людей нетрадиционной ориентации появляется в среде творческой интеллигенции – художников, артистов (особенно балет лидирует в этом сомнительном первенстве), сценаристов, режиссеров, певцов. Отсюда и соответственное «окрашивание»

мира искусств, призванного «воспитывать и прививать». Исполдволь, ненавязчиво идет пропаганда гендерной идеологии, калеча души и подрастающего поколения, и людей более взрослых.

Все чаще в политических играх главным козырем предвыборной программы становится не политическая или религиозная толерантность, а сексуальная. Значит, «это кому-нибудь нужно». Нужно измененное психологическое состояние, нужны мужеподобные женщины и женственно-слабые мужчины. Мир активно «подсаживают» на иглу гомосексуализма. Зависимыми, ущербными, потерявшими нравственные ориентиры и собственную самоидентификацию людьми легче управлять, их легче направлять в нужное русло.

* * *

Интернет-энциклопедия Википедия дает следующее определение: гендер (англ. gender, от лат. genus «род») – социальный пол, определяющий поведение человека в обществе и то, как это поведение воспринимается. Это то «поло-ролевое» поведение, которое определяет отношения с другими людьми: друзьями, коллегами, одноклассниками, родителями, случайными прохожими и т. д.

В психологии и сексологии понятие «гендер» употребляется в более широком смысле, подразумевая любые психические или поведенческие свойства, предположительно отличающие мужчин от женщин.

Итак, термин «гендер» определяет роль, нормы, ценности, черты характера, приписываемые обществом женщинам и мужчинам через системы социализации, разделения труда, культурные ценности

и символы. До недавнего прошлого все это базировалось на физиологических особенностях и функциональной разнице между мужчиной и женщиной. Женщина – это мать, заботящаяся о детях, их здоровье и развитии. Женщина – устроительница и хранительница домашнего уюта, преданная спутница и помощница мужчины. Мужчина – глава семьи, обеспечивающий членов семьи материально и духовно. И вот здесь и нашли лазейку борцы за всеобщее равенство: если гендер – это социальные нормы, т. е. приписываются обществом, значит, их, эти самые нормы, можно изменить. Например, заставить мужчин вести домашнее хозяйство, а женщин – заниматься политикой и бизнесом. Но как быть с основой – биологическим полом? Додумались и здесь: нужно поменять и физиологический пол. Договорились уже до того, что человек рождается двуполым и может сам выбирать, кем быть – мужчиной или женщиной. Более наглой, открытой и мощной атаки на христианские принципы, общественную мораль и непосредственно на семью в истории еще не было.

* * *

Уже много лет звучит призыв: «Уберите все отличия, перешагните рамки, снимите ограничения!» Для чего? «Чтобы стать самим собой!» – отвечают. Проблема в том, что и раз, и два переступив рамки, ограничения, запреты, «комплексы», человек потом шагает не останавливаясь, переступая все и вся. От запретного плода до убийства, как оказалось, всего несколько лет.

Сейчас люди подошли к очередным рамкам, которые требуется сломать и отбросить. Это рамки

половой принадлежности. И как-то незаметно «угнетаемое» меньшинство встало во главе морали и поступательно и неотвратно теснит апатичное большинство. И те, кто многие годы вопил о терпимости и равенстве (а то ж!), теперь, злорадно усмехаясь, приступают к планомерной зачистке.

Толерантность нашего времени агрессивна и беспощадна. Каждый читатель может видеть и слышать ее грозную поступь: здесь разорили хозяев отеля, отказавшихся предоставить номер для двух геев; там политик поплатился карьерой, позволив себе критическое замечание в адрес лесбийских сообществ. Каждый день нам являет примеры продвижения человечества в «светлое будущее без рамок и комплексов».

Некоторые страны уже дошли до отказа от слов «папа» и «мама», перейдя к безликим «родитель № 1 и родитель № 2». Толерантность запрещает людям называть черное – черным, грех – грехом. И вот уже из извращенцев гомосексуалисты, транссексуалы и иже с ними превращаются в «просто других». Эти «просто другие» имеют право пропагандировать свой, «иной», образ жизни, нахраписто заявлять о себе не только на улицах и площадях, маршируя в гей-парадах, но и диктовать политику целых государств, подминая мораль, перестраивая юридическую базу под себя. Имеют право усыновлять детей, совсем не заботясь о праве ребенка вырасти «обычным», а не «иным».

И новая мода по смене пола множит сторонников...

Разумное противостояние сексуальному разврату называют «гомофобией», приравнивая его к шовинизму и геноциду. И ряд стран уже вводят уголовную ответственность за любое негативное упоминание об однополрой «любви».

И эта революция прошла тихо, крадучись, незаметно для многих. И у власти стали андрогины – мрачные порождения бесовского язычества. Когда это началось? Как мы это проглядели? Люди всегда ведутся на фальшивый лозунг о равенстве, подразумеваемая под ним тотальную уравниловку, которая уничтожает уникальность Божьего творения. И причиной такого стремления всех уравнивать кроется в элементарной зависти. А ненавязчивое навязывание СМИ на ранних этапах переворота теперь агрессивно и напористо. А мы вроде как уже и привыкли к этой идеологии, вроде как и бороться против нее неудобно. Причем жертвы этой идеологии – морально, психически и физически искореженные мальчики и девочки – пополняют ряды ее защитников и носителей.

* * *

Последние годы наполнены ожиданием апокалипсиса. И хотя само слово изначально обозначает совсем не катастрофу, но в современный язык оно вошло как определение «конца света». Фильмы, романы, концерты поп-музыкантов буквально кричат об этом. И хотя большинство относится к этому саркастически, как к очередному модному течению, однако тема пользуется спросом, а значит, что-то подсознательно заставляет человечество вновь и вновь заглядывать в бездну, куда низвергнется Земля.

Современная философия как наука (а это уже не Голливуд и не Дэн Браун, это серьезные ученые мужи, сидящие в тиши заставленных фолиантами кабинетов) все больше и больше носит катастрофический характер, провозглашает апокалиптическую обреченность

смерти. Ее представители говорят о нарушении гендерных ролей, как о причине надвигающегося мирового бедствия. И соглашаются со словами апостола Павла, предупреждавшего: «Тайна беззакония уже в действии».

Человечество за свою историю переступило много рамок и нарушило множество табу. На очереди – границы пола, настойчиво и последовательно разрушаемые массивированной пропагандой. Причем, об этом уже упоминалось выше, разрушение половой идентификации происходит с раннего возраста. Еще один литературный пример – серия книг «Дом ночи» Ф. и К. Каст, написанных для подростков. Это бесконечное повествование о юных вампирах (еще одна тема – хит современности), проходящих обучение в закрытой спецшколе. Так вот, среди героев есть и мальчик-гомосексуалист, который дружит с «хорошими» героями и которого третируют «плохие» персонажи. Ясное дело, что он и сам – преданный друг, отзывчивый товарищ, способный ученик и просто замечательный человек.

* * *

Города древних гомосексуалистов вошли в историю и стали нарицательными – Содом и Гоморра. Они олицетворяют разврат в самой предельной степени, доступной человеку, порок в самых страшных его проявлениях, полный хаос и отсутствие здравого смысла. И вот теперь осуществляется попытка весь мир поселить в этих городах.

А что нового, «раскрепощенного» может предложить сатана? Безудержный блуд? Пьяные вакханалии? Сексуальные оргии? «Но это было уже в веках,

бывших прежде нас». Новейшая история идет старым, проторенным путем. Путем сгоревших Содома и Гоморры (вот где еще на заре цивилизации народ так шагнул за рамки пола, что современному Западу остается лишь тихо плакать от зависти – толерантность для геев процветала, правда, «нетрадиционным меньшинствам», в кои попали все нормальные люди, было жить ох, как нелегко, в чем и убедились гости Лота). Путем завоеванного Вавилона, чьи стены рушились под ударами неприятеля аккуратно в то время, когда все расслаблялись и под предводительством Валтасара преодолевали религиозные табу – «всем нельзя пить и есть из священной посуды Иерусалимского храма, а нам, свободным от предрассудков и комплексов, можно!»

Мертвое море и городские руины – результат преодоления Божьих законов, освобождения от Его заповедей. Так и жизнь отдельного человека, отдельной семьи, отдельного государства и человечества в целом обращается в прах и пепел, если установления Творца не просто грубо попираются, но подвергаются кощунственному осмеянию.

Атака сатаны происходит не только на институт брака, созданного Господом. Не только на разрушение естественных, нормальных, отношений между мужчинами и женщинами. Не только на уничтожение здорового потомства. Атака нацелена на Самого Творца, на образы Жениха и Невесты, на искажение, уничтожение в сознании людей удивительного союза Христа и Церкви.

Святость брака, чистота сексуальных отношений многократно, многообразно подчеркнуты в Библии. Что только не предпринимал враг, чтобы разрушить

и уничтожить их! Была сексуальная революция. Теперь явилась гендерная идеология. Современный мир насмешливо бросает в лицо христианам упрек в единообразии, в обезличивании, в отсутствии индивидуальности. А себя при этом мнит красочно-ярким, свободным и раскрепощенным. Было уже, проходили. Когда-то последователей Христа стали называть христианами, и это было насмешливое прозвище – «маленькие Христы», повторяющие все за своим Учителем. Вот только невдомек ему, миру, что Бог издревле говорит о сломанных рамках и изжитых комплексах: «Широки врата и пространен путь». Куда ведет, сами знаете.



ЖЕНЩИНЫ, ПРЕЛОМЛЕННЫЕ ИЗМЕНОЙ

Как правило, все начинается с этой таинственной, сокровенно-интимной фразы: «До сих пор никому не рассказывала, вот только тебе...» Пусть читатель не думает, что сейчас я предаю доверие моих собеседниц. Во-первых, личные данные настолько скупы, что установить доверившуюся подругу невозможно, а во-вторых, каждый рассказ (или подобный ему) я слышала не от одной женщины: как будто существуют типичные ситуации и соответствующие им модели поведения. Впрочем, судите сами.

* * *

– Странно, что я рассказываю об этом. Никогда и никому не говорила, думала, что никто и не узнает...

Она задумчиво ломает пальцами тонко нарезанные ломтики сыра. На столе стынет чашка с кофе. За окном гремит летняя гроза, и в комнате сумрачно, несмотря на еще раннее время. Ей 43 года, живет в Вильнюсе, успешный инженер одного из столичных НИИ. Под шум ливня вспоминали общее советское

прошлое, штурм литовского телецентра, годы независимости. И вдруг неожиданно – взгляд в стол, эти нервные рвущие движения пальцев, глухой голос:

– Помню январский вечер 91-го. Студенты нашего института все набились в одну комнату общежития. Мальчишки возбужденные, собираются к телецентру. Мы, девчонки, кричим, что тоже пойдем с ними. И вдруг Ромас так на меня посмотрел! Потом наклонился и проговорил: «Это же очень опасно! Я тебя не пущу». Так и началась любовь. Поженились, двое детей. А однажды... Случайно нашла в спальне расческу. Чужую. Повертела в руках, не придавала особого значения. Муж вернулся с работы, спросила у него. «Нет, не знаю, откуда взялась», – ответил как-то слишком быстро. Ну, не знает и не знает, ладно. А много позже, когда уже посуду после ужина убирала, он вдруг и говорит: «Наверное, Лаура (это наша дочка) с подружкой играла и принесла». Вот тут у меня все внутри и похолодело. Он не назвал предмета, но мы сразу поняли, о чем речь. Значит, несколько часов муж думал об этом. О расческе, чужой расческе в нашей спальне. Можешь думать, что я «накрутила» себя, надумала лишнего. Но, знаешь, бывает так, что все понятно, сразу и без сомнений. Это как раз тот случай. Больше никогда мы с мужем не говорили на эту тему. Но с того вечера что-то оборвалось между нами, раз и навсегда. Несколько лет прошло с тех пор, живем мирно, тихо. Но ОНА так и осталась в нашей спальне.

* * *

Оглядываюсь вокруг, пытаюсь угадать ее среди многочисленных гуляющих по площади. Солнце слепит глаза, фонтаны переливаются радугой брызг.

Ребенок пытается поймать рукой водяную пену, парень с букетом нервно смотрит на часы, черно-розовые подростки-эмо раскуривают одну сигарету на всех. Мы не виделись двадцать лет, вдруг не узнаю. Да вот же она! Слишком тепло одета для этого времени года: темный плащ, глухо закрытые туфли, теплые брюки. Стоит перед православным храмом, нерешительно крестясь.

– Здравствуй! – обнимаю ее. – Ты почти не изменилась. Рада, очень рада тебя видеть.

Второе заявление верно, а вот первое не совсем – изменилась, очень. Морщины, потухший взгляд, какие-то желто-зеленые тени на веках.

Нашли уединенную скамеечку, на которой провели несколько часов. Я молчала, лишь порой вставляя замечания или задавая вопросы, она рассказывала:

– Немного осталось, еще года три-четыре, и все, разведусь. Не могу представить, что с ним придется старость проводить. Уйду, все равно куда – на квартиру, к матери, если она еще жива будет, к сестре. Мне только мальчишек доучить, окончательно их на ноги поставить, одна не справлюсь. А потом – свободна.

– Да что ж так?

– Чужие. Понимаешь, чужие! Со-вер-шен-но чужие-е! – нервно, по слогам произносит она несколько раз, будто с наслаждением выговаривая слово «чужие». – Я была беременна третьим, когда узнала, что он изменяет. Сделала аборт. И все. Жизнь закончилась. Была страшная депрессия, стала слышать голоса: «За это убивать надо!» Следующие две недели помню смутно, отрывками. Окончательно пришла в себя только в психбольнице. Сколько лет прошло, а я на таблетках до сих пор. Стоит прекратить лечение,

и все возвращается: сон и явь путаются. Порой сижу и думаю, надо идти на работу или нет? Если все, что вокруг, мне снится, тогда не надо, а если наяву, то надо. Почти десять лет мучаемся в одной квартире, как соседи по коммуналке. Ради детей живу, но недолго осталось... Года три-четыре. Извини, что вываливаю на тебя свои проблемы. Больше и рассказать-то некому. Отец умер, мама старенькая, берегу ее, чтобы не волновалась. Хоть с тобой поделюсь.

Вдруг достает из сумочки пачку сигарет, виновато смотрит на меня:

– Прости, не могу, я закурую.

Не скрываю удивления:

– Ты куришь? Мне всегда казалось, что медики в принципе не должны курить.

– Еще в училище начала. Бросала, но снова закурила.

Руки дрожат, по увядшим щекам текут тоненьким ручейком слезы.

– А знаешь, я все-таки стараюсь быть счастливой. У меня на работе все хорошо, ни с кем никогда не ругаюсь. У нас очень дружный коллектив, меня уважают. Заведующая отделением даже «Светочкой» называет... – голос гаснет вместе с жалкой улыбкой, и сорокалетняя Светочка сжимается на скамейке от боли вновь обрушивающихся рыданий.

* * *

– Жара измучила, совсем сил нет, хоть вот здесь тенечек. К сестре бы в Украину уехать, я там лето намного легче переношу. Знаешь, вот так вздохнешь воздух грудью, а он аж сладкий. А здесь... – обреченно машет рукой.

– А что не поехали-то, баб Зин? Каждый год же уезжаете.

– Так вот, дочь оставить не могу. Зять, видишь, что наделал. Бросил ведь он ее, да. Уж месяцев десять как к любовнице ушел.

– Как ушел? – от удивления нет слов, вспоминается зять бабы Зины: солидный мужчина лет 50-ти с благородной сединой в некогда густых волосах, с представительной бородкой и вечным портфелем в руке.

– Вот так, взял и ушел. За несколько недель до серебряной свадьбы. Я давненько замечать начала, что он погуливает: то на все воскресенье в гараж уйдет, то сослуживца день рождения, заявится поздно. Я дочери намекнула слегка. А она: мама, не лезьте в наши отношения. А я что? Я не лезу, пожалуйста... Вот. А теперь сидит, рыдает целыми днями. Не могу оставить ее, она ж даже собаку не выгуляет, из дому совсем не выходит. Кому нужна она своей бедой? У нее только я. А у сестры сейчас хорошо: фрукты, овощи, в саду прохлада...

* * *

– Знаешь, надо брать от жизни все, не такая уж она и большая. Я поняла это после развода. Влюблена была в своего мужа – ужас как! Просто без ума! А он мне изменял. Несколько лет. Весь город знал. Кроме меня. Разошлись. Переживала. Сейчас второй раз замужем за человеком на десять лет старше меня. Верности ему не храню. А зачем? Конечно, сначала были планы: родить ребенка, жить долго и счастливо. Но... второй брак, как будто ненастоящий. Такое чувство. Вот недавно рассталась с одним мальчиком. Несколько месяцев встречались. Чего глаза круглые делаешь? Это же кусочек счастья: цветы, загородные прогулки,

номер в гостинице на берегу моря. Такие мгновения надо ловить, беречь, ценить. Своим родным ни о чем не рассказываю, да и вообще никому, вот только тебе отчего-то вдруг. А вот муж подвел – узнал про мой роман и рассказал своему брату. Теперь все его родственники меня осуждают. Но мне все равно, ну, неприятно, конечно, но по большому счету – все равно. А муж поныл и успокоился, простил. Мне не 18. Будет что вспомнить на старости лет. Что? Если будет с кем вспоминать? Не думаю об этом. Зачем?

* * *

Это не обвинение мужьям и не заявление обиженных жен. Это взгляд на жизнь женщин, преломленных изменой своих мужей. Думаю, что немало мужчин могут поделиться горечью разбитого счастья, обманутыми надеждами, разрушенной семьей. Их рассказов здесь нет по одной простой причине – ни один из них не откровенничал со мной и не произносил сакраментальную фразу: «никогда и никому раньше не говорил...», что и понятно.

Супружеская неверность – это катастрофа. Катастрофа для большого числа людей: самих супругов, их родителей, близких. И еще это катастрофа для детей. Много лет назад при рассуждении на эту тему мне представилась яркая картина изувеченного леса, пораженного страшной бурей. Когда я думаю об измене в семье, та давняя аллегория всегда приходит на ум. В ней буря – это измена. После нее взрослые похожи на опаленные деревья, в которые попала молния: обугленные, почерневшие, без верхушек и густой кроны, с потрескавшейся корой. А дети – как чахлые, искривленные, болезненные деревца. Как вам такой лес?



КАК ВСЕ

*Иль просто будет добрый малый,
Как вы да я, как целый свет?*

А. Пушкин, «Евгений Онегин»

Беседка, увитая виноградом, была освещена закатным солнцем. Долгожданная вечерняя прохлада опустилась на южный город. Проходивший мимо молодой человек заметил в беседке старую женщину. Она сидела на топчане, подперев морщинистое лицо руками. Тихой печалью, обреченностью, неясным ожиданием веяло от нее.

– Что, бабушка, пригорюнились? – вежливо спросил парень, сперва почтительно поздоровавшись, как принято на Востоке.

– Что ж, сынок, годы-то идут. Вот о смерти задумалась – как там будет?

– Да что ж думать-то? Как всем, так и вам.

– В том-то и дело, что не хочу, как всем.

* * *

Как часто мы слышим это беспечно успокаивающее: «как все». Что-то созвучное русскому «авось» есть в нем. Как-нибудь, чего гадать, все там будем, оттуда еще никто не возвращался – вот такие фразы-«костыли»

поддерживают нас в упорной безответственности перед жизнью, даже до последней черты. Совершая легкомысленные поступки, идя на поводу у своих прихотей и похотей, не желая расставаться со своими капризами и грехами, мы как мантру повторяем слова: «все так живут». Все так лгут, все так изменяют супружескому обету, все так злословят, все так подворовывают, все так льстят, все так лицемерят. «Все мы люди грешны». Весь мир живет этой «спасительной» формулой. Если «как у всех», тогда можно предательством ответить на предательство, интригой – на интригу, злобой – на злобу. Можно не бороться за семью, за детей. Можно не уступать, не прощать. Можно мстить и выжидать момент для удара. Можно сплетничать, можно доносить и осуждать.

Удивительно мыслит человек, парадоксально: счастье мое, личное; богатство мое, неделимое; здоровье мое, собственное; удовольствие мое, индивидуальное; грехи наши, общие. Как у всех.

* * *

Мир наполнен горем, проблемами, переживаниями и тупиковыми ситуациями до краев, до предела. Слезы и обиды плещутся в обществе, как в гигантском аквариуме. Не случайно на телевидении, на радио так много передач, которые ведут психологи. Сколько различных ток-шоу посвящено страшным и больным темам: развод, раздел детей (что-то мясницкое слышится в этом, да и неудивительно, режут-то по живому), одиночество, склоки, зависть, клевета, бесконечные судебные тяжбы. Часто там выступают люди, пережившие подобные ситуации, делятся своим опытом. И всегда возвышенно-светлым аккордом

звучат в конце «правильные» слова о прощении. О прощении себя (это всегда на первом месте), врагов, близких, далеких, всех грехов и подлостей. И зрители счастливо смахивают набежавшую слезу умиления.

Но это «кино». А в жизни, после того как схлынут эмоции, остается человек с разбитым сердцем, растерзанной душой и разумом, потерявший ориентиры. Мы идем за советами к друзьям, знакомым. Они опираются на свой опыт, на свои наработки. А опыт трагичен и греховен. И часто их помощь и поддержка, как трость надломленная, «которая, если кто обопрется на нее, войдет ему в руку и проколет ее» (4 Цар. 18:21).

Что посоветует разведенный человек? Развестись. У него был такой путь решения некогда возникшей проблемы, и теперь он его тиражирует направо и налево. Что посоветует предатель? Предать. Это его метод идти по жизни. Что посоветует взяточник? Решить все вопросы с помощью взятки, поскольку его вопросы решаются именно так.

И их советы нам подходят. Они нравятся. Мы страдаем, и нам предлагают: «Ты достоин утешения, возьми его». И уже неважно, каким образом это утешение взять. Как все.

Так что ж, теперь и совета не спросить? Спросить, обязательно. Житейский опыт, духовный путь, прожитые годы у всех народов и во все времена пользовались заслуженным уважением. Но каждое слово, сказанное человеком, требует проверки Словом Божиим.

* * *

Помимо проблем, есть и повседневная рутина, заедающий быт, вялотекущие «болячки». Короче, все, как у всех. И можно позволить себе слабости.

– Жили, как все, зато есть что вспомнить, – говорит уходящее поколение, затягиваясь папиросой, зажатой беззубым морщинистым ртом.

– Живем, как все, зато будет что вспомнить, – вторит им приходящее поколение, опухшее после бурной ночи.

Конечно, будет. Только захочется ли это вспомнить? А придется. Всем.

Люди ищут счастья. Как все. А их нет, этих составляющих: мира и любви, покоя и стабильности. Вот и собирает человек осколки счастья – своего, чужого. Осколки, разные по форме, размеру, цвету. Пытается человек из этой мозаики сложить картину счастливой жизни, а получается картина абсурда. А в конце жизни и того страшней – обращаются осколки в битое бутылочное стекло, которое только и остается, что перебирать с бесконечной мантрой:

– Есть что вспомнить... Как у всех...

* * *

Жизнь трудна и тяжела – банальная истина. С годами постигаешь ее все больше и больше. Приходит опыт, накапливаются способы и методы преодоления кризисов. И так важно, на чем они основываются. Словам «как всегда» и «как все» есть альтернатива: опыт этого мира и опыт Библии. Первый более приятный, как правило, лелеет наши обиды, гладит самолюбие, утишает совесть. Второй зачастую труднее принять, поскольку требует он смирения, честного взгляда на себя и окружающую действительность.

И выбор, как всегда и у всех, за самим человеком.



КУКЛОВОД

*Фальшивых людей опаснее
иметь друзьями, чем врагами.*

Ж. Ж. Руссо

*Это был хозяин кукольного театра, доктор
кукольных наук синьор Карабас-Барабас.*

А. Толстой, «Золотой ключик,
или Приключения Буратино»

Всегда удивлялась тому, как они узнают друг друга с первого взгляда. Им не нужны долгие совместные вечера, годы дружбы и сотрудничества, знание семейных отношений и домашней обстановки. Им достаточно лишь взгляда, лишь нескольких фраз – и сразу все понятно. Характеристики точны, взгляды насмешливо-понимающие, определение намерений собеседника безошибочно.

– Наш пострел везде поспел... – за линзами модных очков смеются глаза.

– Ваша цель – власть, не так ли? – прищур, ухмылка.

– А вот этого не надо, – холодный и твердый взгляд, его обладателю объяснять ничего не нужно, не к чему.

Они никогда не становятся друзьями, они никогда не становятся сотрудниками. Одного поля ягоды, одиночки, держащиеся каждый своей территории, которую яростно охраняют от себе подобных.

Вот уж поистине, «рыбак рыбака...»

Периодически они встречаются на нашем жизненном пути и даже становятся друзьями. Самыми лучшими. Тем горше разочарование, тем сильнее боль. И когда время и обстоятельства раскрывают образ «друга» в полной мере, когда кусочки мозаики встают на свои места, когда, оглядываясь назад, находишь объяснение многим «непоняткам», что были прежде, когда становишься «задним умом крепок», тогда удивляешься сам себе: как можно было быть таким слепым? Как можно было быть использованным? Как можно было беспрекословно выполнять чужую волю? Как можно не разглядеть истинного смысла, прикрытого благочестивыми фразами?

Человека легко поймать на крючок, например, общения (в нашем-то мире одиночек) или на крючок развлечений (в нашей-то жизни, полной суеты и бесконечных проблем). Христианина легко поймать на приманку единства (в нашем-то мире многочисленных конфессий) или доверия (в нашей-то жизни, полной разочарований). Человека легко обмануть, сыграв на чувстве нереализованности, комплексах, желании признания. Христианина легко обмануть, сыграв на чувстве долга, совести, ответственности, обязанности. Надо только уметь играть, знать болевые точки, уязвимые места. Вовремя подсуетиться, захватить нишу, организовать, создать, запустить механизм, заставить работать на себя, апеллируя к тому, что «все для Бога».

А потом окажется, что все для него – для кукловода. Власть и престиж, карьера и деньги. Все остальные – лишь куклы, послушные, доверчивые, слабохарактерные, несамостоятельные, жаждущие мягких слов и

твердой руки. Мы зачастую легко срываем раздражение на близких, на тех, кого любим и кем любимы, но будем долго расшаркиваться и раскланиваться с негождем, боясь задеть его чувства, боясь прослыть плохим христианином, искренно страдая от навязанного им чувства вины. «Честные люди всегда имеют дурную привычку со стыдом опускать глаза перед наглою и нахальной подлостью» (В. Г. Белинский). Вот и дергают нас за многочисленные ниточки-«управлялки».

У кукловода всегда есть своя маска глубокоуважаемого человека, полного терпеливого достоинства тонкого психолога и внимательного друга, рубахи-парня, простого и веселого, неутомимого труженика, неоцененного и гонимого, но упорного и преданного делу.

Увидеть истинное лицо может только такой же кукловод, поскольку оно для него не тайна. Только мы ему не поверим, потому что любим своего кукловода. Откровение об истинной сущности может прийти только от Господа. Лишь Он создаст такие условия, когда кукловод будет вынужден снять свою маску. Чаще всего подобное происходит, когда он стоит перед выбором: или показать настоящий лик, или отказаться от выгоды-наживы. И никогда еще такой лицедей не устоял перед искушением выбрать второе. Не может он пожертвовать своими материальными ценностями даже ради сохранения кукол. Да и надо ли их сохранять? Приходят, подрастают другие. Наивные и горячие, открытые и искренние, новые поколения вступают в активную жизнь. И кукловоды ждут их.

У кукловодов есть специализации: кто-то выбирает только молодых, кто-то – пожилых, певцов и

музыкантов, людей замкнутых и стеснительных, одиноких или семейных.

Быть рабом кукловода, который является рабом своих страстей, можно годами. Защищать его, горячо отстаивать, сохранять верность. А потом наступает горечь от предательства. Не каждый сможет пережить подобное. Люди ломаются, обижаются на церковь, на Бога. Уходят, пропадают, тонут в омуте отчаяния и разочарования. Но выжившие приобретают бесценный опыт, мощный иммунитет. Как тот, который пережил бубонную чуму. И вот тогда может сказать, «что ни смерть, ни жизнь, ни ангелы, ни начала, ни силы, ни настоящее, ни будущее, ни высота, ни глубина, ни другая какая власть не может отлучить нас от любви Божией во Христе Иисусе, Господе нашем» (Рим. 8:38–39).

А кукловоды... Они рискуют услышать: «Не знаю вас, откуда вы» (Лк. 13:25).



ЛАБИРИНТ

Вам снились когда-нибудь бесконечные серые лабиринты? Наверное, да. Когда в течение дня было много забот, проблем, требующих решения, поездок сквозь городские пробки, множество встреч, разговоров, тогда ночью утомленный мозг не в состоянии полностью погрузиться в покой и продолжает деятельно хлопотать о том, что уже решено или отложено до срока. И вот во сне мы бежим по длинным улицам в окружении огромных безликих домов, опаздываем на поезда, пытаемся запрыгнуть в автобусы, переходим из вагона в вагон бесконечного состава, поднимаемся по лестницам и бродим по запутанным коридорам и этажам гигантского небоскреба. Просыпаешься с чувством, что цель была близка, что «еще немного, еще чуть-чуть» – и найдешь то, что искал в ночном лабиринте. Осознаешь, что это лишь сон, но новый день приносит те же проблемы. Опять встречи, поездки, вопросы, поиски. Круг замыкается: сон и явь, сменяясь, являются продолжением друг друга. Бег по лабиринту.

То, что происходит с отдельной личностью, часто совершается и с обществом, с народом, с государством. Например, жизнь народа Божьего, описанная в Книге судей, – бесконечный замкнутый лабиринт. Помню замечание одного участника библейского кружка, когда мы изучали эту книгу: «И долго они так одно и то же проходили?» Долго, очень долго. Народ ищет выход из лабиринта, кажется, что находит, движется к нему, но вдруг сворачивает в сторону и снова начинает бег.

Лет десять назад мне бы не пришло на ум сравнить путь России с лабиринтом. Сейчас приходит. Перестройка в конце восьмидесятых-девяностых годах. Помните атмосферу радости до восторга, счастья до экзальтации, свежести до головокружения? На центральной площади города прямо с грузовика продают книги: Солженицын, Цветаева, Булгаков, Пастернак. Люди хватают все, не уходят, пока не кончатся деньги. Толпа. Трудно близко подойти к импровизированному прилавку. Вдруг разноголосый гвалт перекрывает голос: «А Библия, Библия есть?» С виноватым сожалением продавец отвечает отказом. В этом вопросе был выход из лабиринта. А в ответе был символический выбор нации. Все есть, нет только Библии.

Израильтян из лабиринта мог вывести только Бог. Однако люди увидели свой выход и выбрали его. Теократия была заменена монархией. Этот выход оказался тупиком – государство было уничтожено, а истинный Царь отвергнут.

Россия тоже выбрала свой путь из духовного лабиринта. Официальная обрядовая религия «успокаивает» совесть, моральная разнузданность и оккультизм «удовлетворяют» духовный голод. К сожалению, веш-

ние воды свободы влились в эти два русла и костенеют в них. Не начался ли новый бег по старым путям, которые в свое время привели к 1917 году и массовому террору? Меня всегда поражал тот факт, что священников расстреливали те, кого эти священники крестили. Только в России православный люд громил свои святыни, взрывал свои храмы. Тогда ВСЕ были верующими, хотя бы на словах! Понятно, почему в религиозных войнах крестоносцы сносили мечети, а мусульмане – церкви. Но вы можете себе представить, что приверженец ислама взрывает минарет? Католик бульдозером ровняет костел с землей? Иудей поджигает синагогу? В те годы наша страна нашла такой выход из лабиринта войны и государственного кризиса. Потом пришлось восстанавливать соборы, говорить о 70-летнем опоздании, с завистью смотреть на экономическое благополучие других держав.

Кажется, что сейчас выход найден, что лабиринт вот-вот должен остаться в прошлом и в снах. Однако наша надежда, что это действительно так, может осуществиться, если путеводителем служит Библия.

Человек и государство будут совершать бессмысленный бег в поисках истины и счастья до тех пор, пока не изберут путь Бога. Только Он в состоянии прервать замкнутый круг и вывести из длинных улиц с безликими домами, из бесконечного поезда, из гигантского небоскреба. Но люди должны принять Божий путь. А до тех пор они будут гнаться за мечтой днем и ночью, испытывая неудовлетворенность и разочарование.



ЛЕГКИЙ СПОСОБ ИЗБАВИТЬСЯ ОТ НОСТАЛЬГИИ

В начале 80-х прошлого века это был очень перспективный поселок городского (!) типа. Крупный машиностроительный завод, узловая станция с красивым «сталинским» вокзалом, развитая инфраструктура – две средние школы, больница с поликлиникой и многочисленными отделениями, детский садик и ясли, два Дома культуры (старый и новый), несколько довольно больших магазинов, один из которых гордо именовался «универмаг» и светился темными вечерами неоновыми буквами. Под их холодным светом прогуливалась молодежь, направляясь в глубь небольшого сквера, где на ступеньках памятника, под сенью кепки дедушки Ленина, распивала портвейн и курила «Астру».

Дома были в основном частными, с огородами и садами, но на окраинах уже высились первые пятиэтажки с детскими качелями и песочницами во дворах. Были две библиотеки, взрослая и детская, а еще военкомат, почта, небольшая гостиница, отделение сбербанка, призывавшего хранить деньги именно в нем.

На площади, где проходили обязательные два раза в год – 1 мая и 7 ноября – демонстрации и где располагалось здание райкома КПСС, был еще один памятник вождю мирового пролетариата, побольше, но все с той же зажатой в кулаке кепкой.

В те времена назревали события, позволявшие надеяться, что перспективы поселка расширятся еще больше: через него проходил знаменитый газопровод Уренгой – Помары – Ужгород, предназначенный для транспортировки газа в страны соцлагеря. Поэтому местные жители в волнении и трепете ожидали приезда рабочих из ГДР. А когда те прибыли, то реальность превзошла самые смелые предположения. Во-первых, все они были немцами, из-за границы, самой всамделишной! Во-вторых, носили умопомрачительные рабочие комбинезоны удивительного синего цвета, в-третьих, на всех экскаваторах и мини-карах были наклейки с тремя буквами – «DDR», что вызывало удивление (почему не «ГДР»?), а в-четвертых, конфеты, оказывается, по-немецки назывались «бон-бон».

Оживление чувствовалось во всем. В школах прошли классные часы на тему «ГДР – родина Карла Маркса», а очередные выпуски стенгазеты были посвящены немецким пионерам. Трудовые коллективы вызывали строителей газопровода на социалистическое соревнование. Сельсовет быстренько переименовал улицу Колхозную в улицу имени Тельмана, а Совхозную – в улицу Дружбы.

Дородные продавщицы в продовольственных отделах, жеманно отводя в сторону свисающую с потолка прямо над головой покупателей ленту-ловушку, всю облепленную мухами, улыбались золотозубыми ртами и отвешивали заграничным клиентам дорожающую

копченую колбасу по 7 р. 20 коп., также слегка засиженную мухами по причине долгого пребывания на витрине, – местные ее не брали из-за дороговизны. На субботних дискотеках девушки были необыкновенно нарядны: высота каблуков туфель стремительно увеличивалась, а длина юбок стремительно уменьшалась. Местные парни ходили по улицам сплоченными группами, пьяные и решительные, готовые в любой момент вступить в международный конфликт. В общем, жизнь бурлила, кипела и переливалась разноцветными красками радужных надежд. Как это было давно! Однако, отдаляясь во времени, картинка детства не тускнеет, наоборот, приобретает новые оттенки, которые с каждым годом добавляет ностальгия.

* * *

Электричка останавливалась на всех полустанках, имевших «оригинальные» названия: «78-й километр», «82-й километр», «85-й километр». Входящие пассажиры здоровались с уже сидящими, поскольку на этом маршруте все друг друга знали. Ехали с ночной смены обходчики путей и стрелочники. Женщины средних лет, загорелые, в летних сарафанах, везли на рынок корзины с малиной и куриные яйца в эмалированных ведрах. Несколько мужчин в болотных сапогах и с удочками в руках шумно обсуждали предстоящую рыбалку. Чистенькие старушки в беленьких платочках ехали в «район» по своим собесовским делам.

Бесстрастный голос объявил мою остановку.

Я вышла на нагретый солнцем перрон и, пройдя через прохладный полумрак «сталинского» вокзала, оказалась на пыльной улочке, где все знакомо и незнакомо: вот обветшавшее здание местной гостиницы,

а вот яркая новостройка магазина с кричащей надписью, за ней стадион, куда мы бегали зимой на каток. А вот булочная, где также над головами покупателей свисает засиженная мухами лента, а под модным козырьком развеивается пожелтевший тюль, прикрывающий вход. Вот заколоченные окна старого корпуса больницы с желтыми кирпичами, с детства памятными, а вот ворота новой поликлиники.

Все также на тротуаре торгуют семечками и ранними яблоками, а мимо проносятся старые «москвичи» и престижные «джипы». Все также Ленин машет кепкой, осеняя теперь ею пивные зонтики с надписью «Три медведя». Вот парк, где мы в пятом классе высаживали деревца. Теперь он суров и темен от огромных кленов и тополей, а посередине – памятник погибшим в Афганистане и Чечне. Подхожу ближе и вижу знакомые фамилии – я знала этих людей тогда, в «светлом» прошлом.

Школа... «Как много в этом звуке» каждому слышится свое. Слышится звонок на урок или на перемену, скрип мела по коричневой доске, смех одноклассников, строгая речь учительницы, плач обиженного первоклашки, обзывалки и дразнилки, ожесточенное пыхтение молчаливой драки.

Школа по-летнему пустынна и темна, шагаю по ее скрипучим деревянным полам, прохожу дальше, касаясь рукой старых перил лестницы на второй этаж. Нет уже пионерской и комсомольской символики, нет плаката «Мы рождены, чтоб сказку сделать былью» и картины Василия Пукирева «Неравный брак». Двуглавый орел сменил серп и молот. Из открытых окон доносятся детские голоса со школьного стадиона. Останавливаюсь перед запертой дверью своего класса, слегка толкаю ее и захожу в детство.

– Ну что, прокатимся по родным просторам? – широким приглашающим жестом он распахнул дверцу «шевроле».

– Саша, привет! – радостно протягиваю руку.

Мальчик, с которым все школьные годы сидела за одной партой, стал большим начальником в поселке. Все уважительно называют его по имени-отчеству, заискивающе заглядывая в глаза. Помню его увлечение математикой и рисованием, аккуратность, больше свойственную девочкам, точные, основательные ответы у доски.

Он протягивает мне руку. Она дрожит, хотя он и пытается скрыть это. Бесполезно. Как бесполезно спрятать тяжелые мешки под глазами, какие-то мутноватые зрачки. Потрясенно молчу. «Это же алкоголизм», – панически проносится в голове.

– Как жизнь? Удалась?

– В общем-то, да. Женат, две дочери. Правда, с женой сейчас не очень отношения, ругается, что выпиваю. Но я же имею право – работа нервная, ответственность.

Дрожащие пальцы пытаются зажечь позолоченной зажигалкой дорогую сигарету. Он жадно затягивается дымом:

– Ну что? Сначала на кладбище?

– Давай на кладбище...

Жарко – ужас как. Заросшее кустами и деревьями сельское кладбище привольно раскинулось на окраине. Ни ветерка, ни малейшего движения воздуха. Все застыло в этом городе мертвых. Только треск

кузнечиков, полеты шмеля и карканье ворон. Я спотыкаюсь о корни, цепляясь руками за оградки, чтобы не упасть. Подол платья усыпан репьями, на которые уже не обращаю внимания. Больше часа мы бродим в поисках одноклассников. Четверых уже нашли, остались двое.

– Вот здесь Юлька лежит, – рассказывает Саша. – В начале 90-х работала у нас на шоссе, ну, ты понимаешь...

Он косится на меня. Я понимаю.

– Однажды нашли ее на обочине, несколько дней пролежала, видно, выбросили из машины.

Смотрю на полустертую фотографию девушки. Она совсем не изменилась, как я ее помню в подростковом возрасте. Она не успела измениться.

– А вот Светка. Дежурила на переезде, заснула ночью. А морозы в том январе стояли за тридцать. Она печку растопила сильно. А дело было под старый Новый год. Шутники из поселка и заткнули трубу старой елкой. Угорела. Утром сменщица нашла, не откачали. Пацану ее сейчас, наверное, уже лет двадцать. Тогда годовалым был. Бабушка воспитала, с мужем-то она толком и не жила.

Ее я тоже хорошо помню. Кудрявые светлые волосы, застенчивая улыбка, слегка забитая девчушка в нашем передовом, правофланговом отряде пионеров.

– А вот Серега. Всего четыре года назад умер. Воевал в Чечне. Вернулся какой-то странный. Ни с кем не общался, молчаливый, замкнутый, все на дачу ходил. Так и не женился. Умер как-то тихо. Оказалось – лейкоз.

Вот его я помню плохо. Действительно, какой-то тихий был, незаметный.

– Ну что, красавица, все улыбаешься? Здравствуй, здравствуй, Лика!

Мы приближаемся к свежей могиле, буквально заваленной цветами. Памятника еще нет, деревянный крест с яркой фотографией эффектной женщины.

– Окунулась в прорубь на Крещение. Гнойный плеврит, не спасли.

Помню, помню Анжелику. Красавица была. Учеба не занимала главное место в ее жизни. Дискотеки, мальчишки, магнитофонные записи – шик, блеск. Бредем дальше.

– Еще один Серега. Убили его за бутылку водки. Пил по-черному. Как-то отправили в магазин за «догонкой», а он не донес. Дружки рассердились и забили. Я тогда еще в институте учился, на похоронах не был.

Фотографии нет, пытаюсь воскресить в памяти его образ. Получается плохо. Вот маму его помню. Тихая, замученная бытом женщина, она работала на заводе. Вдруг становится очень ее жалко, и на глаза наворачиваются слезы.

– Ну, где же он? – бормочет Сашка, зажав губами очередную сигарету и яростно сражаясь с крапивой. – Где-то здесь лежит... А, вот он! Я же помню, что от входа недалеко.

Володя. На фотографии он как будто испуган. 1970–1997. Сгорел в автомобиле. Пьяная ночная поездка закончилась трагедией.

Выбираемся на асфальтированную площадку, где оставили машину. Сашка торопливо крестится на кладбищенские ворота. Усаживаемся в автомобиль.

– Ну что, в «Алкобренд»?

– Что это?

– Винно-водочный магазин. Встречу-то обмывать будем?

Растерянно смотрю на него:

– Давай, сейчас к Ольге поедем. Она нас уже ждет.

* * *

У Ольги дом большой. Вокруг разросшийся сад, огород, пышные цветники. Проходим по петляющим дорожкам в крытую беседку. Все стены обклеены бумажными иконами с ликами Христа, девы Марии и святых угодников – это вырезки из журналов, репродукции, календари. Старый диван, пара кресел, столик, на котором уже стоит сковорода с шипящей яичницей, тарелка с янтарными кусочками сала, крупно порезанный черный хлеб, помидоры, огурчики.

– Все свое, все свое, – хлопочет хозяйка. – Ой, ну как же ты собралась-то приехать?! Ой, ну ты – молодец! Коньячок будешь?

– Нет, не буду.

– Правильно, я тоже не буду. Нельзя, сейчас Петров пост.

– А мне налей, – говорит Сашка, уже протягивая рюмку.

– Ну, рассказывай, – она устраивается поудобнее в кресле. – Сколько раз замужем?

– Один.

– Ой, а я вот в прошлом году третий раз вышла. Правда, расписались в ноябре, а вот обвенчались только в январе.

– А зачем венчались-то, раз уже третий брак?

– А что ж, во грехе жить? Мне нельзя, у меня сын в семинарии учится. Правда, первые двое батюшек, к которым за благословением обращалась, не дали

его, благословения-то. А третий дал. Юрка, это мой муж нонешний, пожертвовал на приход.

– А чего с первыми разошлась?

– Ну, один пил больно, а второй вообще странный был, какой-то весь праведный. Даже не ругались. Выгнала я его – надоел. Ты поселок-то наш посмотрила?

– Только дорогу до школы и кладбище.

– Вот давай с тобой сходим по старым местам, прогуляемся.

* * *

Мне кажется, что я помню каждую выбоину и трещину в асфальте, каждое дерево и куст, каждый забор и скамейку. Все узнаваемо, все проступает сквозь туман лет. Вот полуразрушенный старый клуб, в котором располагалась музыкальная школа. Рушащееся здание обнесено глухим забором. Вот затененная дорожка, ведущая к заводской проходной. Вот игровая площадка с заржавевшими каруселями и одиноким грибком над песочницей.

Заходим в магазин и покупаем килограмм груш и шоколадку.

Прохладный, темный подъезд, кнопка звонка.

– Первой подходи, пусть сюрприз будет, – шепчет Ольга.

– Здравствуйте, Лидия Ильинична, вы меня узнаете?

– Нет, – растерянно качает головой старушка небольшого роста, со стриженными прямыми волосиками с остатками рыжей краски на концах, в летнем домашнем халате. Конечно, она изменилась. Но с каждой секундой сквозь паутину времени все больше

проступают знакомые черты строгой классной руководительницы: с прямой спиной, испытующим взглядом учителя и с золотыми серьгами, тяжело оттягивающими мочки ушей.

Ахи, охи, вздохи: «замечательно выглядите», «бесконечно рада», «как хорошо, что приехала», «а помни-те»... Пухлые альбомы, выпадающие из них черно-белые фотографии, надписи на память, засушенные цветы выпускных вечеров прошлого века.

– Меня не забывают! – гордо сверкают очки. – Вот ремонт ребятки сделали, сами и мебель двигали, и обои клеили, и потолки белили. Каждую неделю обязательно навещают. И хочу заметить, что так не к каждому учителю относятся, только ко мне!

Зря она это сказала. Вдруг сразу вспомнилось все то, что избирательная память спрятала далеко, прикрыв флером сладкой ностальгии. Вспомнились «разносы» за неактивность в пионерской работе, подозрительные взгляды, длинные классные часы по антирелигиозной тематике, атмосфера нездорового соперничества и фамилии любимчиков. Воспоминания были неожиданными, даже шокирующими своей внезапностью и обидностью.

– Ну, как жизнь сложилась? Машина, квартира, мужья?

Последний вопрос окончательно разрушает тот образ, что был создан тоской по детству. Несколько суетливо прощаемся, ссылаясь на то, что не хотим утомлять своим визитом.

– Давай к детской библиотеке сходим! Я так любила туда бегать. Помню читальный зал, столы в ряд, настольные лампы под маленькими зелеными абажурами. И книги Дюма, Майн Рида, Купера...

– Так нет этой библиотеки. Снесли. Там теперь храм построили, я в него хожу. Кстати, знаешь, кто там поет? Лидия Степановна. Помнишь?

Хорошо помню свою учительницу по скрипке. У нее сильный, красивый голос. Сразу в памяти возникла картинка: актовый зал музыкальной школы, поселковый хор и Лидия Степановна, солистка. И слова: «И Ленин, такой молодой, и юный Октябрь впереди!»

– Тогда зайдём в книжный магазин.

– У нас такого нет. Закрыли лет пятнадцать назад.

* * *

Вечереет, вновь сидим в иконной беседке, пьем чай. Ольга продолжает перечислять одноклассников и их судьбы:

– Олег начальником ГАИ работает, важный, не подойдешь. Наташка тут у нас в парикмахерской. С первым развелась, сейчас вроде бы живет с кем-то. Славка сейчас третий раз женат, в Пермь уехал, причем жену у брата отбил. Владик... Что, не помнишь, какой? Ну, он в третьем классе к нам пришел, полненький такой, так он сидит, вроде за разбой. Танька где-то потерялась. Говорили, что вены себе резала, но никто не знает, спасли или нет. Игорь врачом стал, в нашей поликлинике работал, да с медсестрой любовь закрутил, так жена его в область увезла, а здесь сын растёт. Про Светку и рассказывать нечего. Мужей нет, детей нет. В соседней области в институте преподает, вроде бы профессор...

Ее рассказ бесконечен. Я уже давно не слежу за ним. Усталость сковывает тело, но огромное количество информации, впечатлений лихорадит голову.

Мотыльки летят на свет лампы. Кузнечики надрывают уши свои стрекотом, и на фоне темно-фиолетового неба чертят зигзаги летучие мыши.

* * *

Электричка медленно ползла, останавливаясь на всех полустанках. Молодые мамы пытались резонировать шаливших ребятишек, которым было скучно смотреть в окно вагона. Какой-то парень с длинными волосами и с черными кожаными браслетами на руках, развалившись на сиденье, отбивал ногой в такт музыке, что ревела у него в наушниках плеера. Два глуховатых старичка громко ругали современную жизнь, многозначительно растягивая слова:

– А теперича каждый работает охранником. Кого ни спроси: ты где? В охраане... Никто к станку-то не хоочет...

Чувствую себя разбитой, расстроенной, опустошенной, как будто из меня вытряхнули все нужное, важное. В голове – абсолютная каша из жен, любовников, детей, институтов, предприятий, городов, в которых продолжают жить, трудиться, жениться, гулять, спиваться и умирать мои одноклассники.



СТАРАЯ АЛЬТЕРНАТИВА

Корень всех зол...

1 Тим. 6:10

*Если ты один раз попробуешь мясо
настоящего краба, ты никогда
не сможешь есть крабовые палочки.*

П. Дашкова, автор детективов,
выходящих миллионными тиражами

«На заре туманной юности» человечество создало множество идолов-«небожителей». Все они были богами-«профессионалами», отвечали за самые различные сферы жизни и деятельности: охоту, плодородие, скотоводство, управление царством мертвых, покровительство поэтам и музыкантам, здоровье, семейный очаг и прочая. Зевсы с Юпитерами и Изида с Озирисами порой так плотно оккупировали землю, что и шагу нельзя было ступить, не наткнувшись на капище.

Однако Христос в Нагорной проповеди, говоря о том, что человек не может служить двум господам, противопоставляет Господу не кого-то из этих «специалистов», а мамону. Мог бы произнести фразу, известную со времен древних пророков: «Не можете служить Богу и Ваалу», но Он объединяет всех «узкоспециализированных» кумиров в одном образе, название коему богатство. Именно оно способно конкурировать с Творцом в душе человека. За деньги,

как верят многие, можно приобрести и здоровье, и семью, и служение муз, и скот, и хлеб, и достойное место в царстве мертвых.

Религии мира делят человечество на враждующие группировки, течения, общества. Стремление же к роскоши понятно всем и везде, знакомо каждому, абсолютно межконфессионально и интернационально. Этот бог объединяет людей различных вероисповеданий, всех возрастов и социальных положений. От его притягательной силы не спасает ни образование, ни воспитание, ни культура.

* * *

Размышляя над темой о деньгах, я задала многим людям, как верующим, так и неверующим, один и тот же вопрос:

– Что для вас значат деньги?

И около восьмидесяти процентов ответов можно свести к одному ответу:

– Свободу.

Еще выше показатель такого ответа у людей богатых и знаменитых. Один российский журнал каждый месяц на протяжении нескольких лет спрашивает у звезд эстрады и кино, политиков и бизнесменов, спортсменов и писателей, композиторов и поэтов одно и то же:

– Любите ли вы деньги? Что они для вас значат?

Девяносто девять процентов отвечают:

– Нет, не люблю, но они дают мне свободу.

– Какую свободу?

И люди охотно перечисляют: свободу творчества (не думаю о хлебе насущном, создаю не коммерчески массовые проекты, а интеллектуально-камерные),

свободу передвижения по миру, свободу в приобретении материальных, культурных и духовных ценностей (от пресловутых шестисотых «Мерседесов» и бриллиантов до посещения премьерной оперы в «Ла Скала» и возможности полететь на другой континент, чтобы присутствовать на чемпионате мира по футболу), свободу в выборе образования, свободу в охране своего здоровья и так далее, и тому подобное.

Слова тех, кто выступает за богатство, звучат убедительно и предельно откровенно. Вот широко растиражированный и пользующийся огромным успехом пример из интернета, которому практически никто не смог убедительно возразить, хотя некоторые пытались сделать это в комментариях. Однако попытки эти выглядели бледно и жалко.

«Деньги – это свобода. Они нужны для того, чтобы чувствовать себя уверенно. Чтобы с официантами разговаривать, как с официантами, а не с благодетелями, а с таксистами – как с таксистами, а не „шефами“. Деньги нужны для того, чтобы вам не надо было толкаться на вещевом рынке, пытаясь примерить брюки, стоя на одной ноге на грязной картонке, а другую виновато поджав под себя. Деньги нужны для того, чтобы дважды в день вам не приходилось быть зажатым в троллейбусе между потным толстяком с портфелем и вертлявой старушкой, у которой из авоськи капает подтаявшая рыба. Деньги нужны для того, чтобы у забарахлившей машины не приходилось разыгрывать из себя Кулибина, собственно-ручно пытаясь исправить гнилой термостат; чтобы на бензоколонке не мучиться над смешным вопросом: сколько литров залить – пять или десять? Деньги нужны, чтобы вашей матери не приходилось

все лето кряхтеть над выращиванием картофеля, а потом до следующей весны лечить радикулит и давление в районной поликлинике. Деньги нужны для того, чтобы, когда ваша жена ночью попадет в роддом, ей не говорили: „У нас тут пересменка, ждите следующую бригаду“. Деньги нужны, чтобы в школе вашего ребенка учили не начальной военной подготовке, а языкам, литературе, физике; чтобы он не спрашивал, что такое ананас и где находится город Париж. Деньги нужны каждому для своих целей. Кто-то тратит их на собственное здоровье, то есть вкладывает их в экологически чистую пищу, омолаживающие процедуры, целебные грязи Мертвого моря, минеральные воды Карловых Вар и т. п. Деньги, наконец, нужны для того, чтобы не бояться за свои деньги. За своих родных. За себя. Вообще ни за что не бояться».

Вот такая прокламация.

* * *

Очень похоже на вызов. Нет, не автора этих рассуждений, а «конкурента», о котором говорил Иисус. Это вызов богатства. Причем не того, с маленькой буквы, что присущ выскочке-нуворишу, и не того, каким обладает мегамагнат, и не того, которым владел легендарный Крез или сказочный халиф. На смену кичливому хвастовству, надменности и презрению к тем, кто беднее, приходит спокойная, сытая уверенность, что деньги – это тот материал, из которого надо строить жизнь. Потребности, входящие в обязательный набор современного человека, растут с каждым годом. К этому ведет и развитие техники, и изменяющиеся нормы поведения в обществе,

да и сам экономический уровень развитых стран. И нам надо соответствовать, выглядеть, зарабатывать. Все должны быть обеспеченными. Границы между социальными слоями постепенно стираются, как между городом и деревней.

Безусловно, трудно представить современного европейца или американца, приносящего жертвы славянскому «скотскому» божеству Велесу или «великому духу» индейцев Маниту. Но многочисленные ларечки и лавочки, торгующие ритуальными предметами фэншуй, расплодилось так, что древним богествам впору рыдать от зависти. В любом заведении: офисах и магазинчиках, банках и контролах, больницах и отделениях милиции – над компьютерными столами и рентгеновскими аппаратами, над прилавками с пивом и копировальными машинами висят колокольчики, брелочки-погремушечки, привлекающие удачу, а со стеллажей бухгалтерской документации поглядывают сверху на посетителей фигурки керамической лягушки, держащей во рту монетку – талисман богатства.

Конечно, с последними утверждениями вышеизложенного интернетовского текста о том, что с деньгами ничего не страшно, можно поспорить, да еще как, но, признайтесь, в некоторых описанных ситуациях мы узнали себя. Действительно, хочется получить качественную медицинскую помощь, отдать ребенка в престижную гимназию, будучи на пенсии, не мучиться над «смешным вопросом»: купить буханку хлеба или упаковку лекарства. Да только, достигнув разумных границ, человек не сможет остановиться в своих желаниях. И следующий «смешной» вопрос, который будет жестоко терзать

его, зазвучит так: «Купить еще одну яхту или поучаствовать в торгах на аукционе Christie's?»

Каждый стремится к стабильности, безопасности, уверенности, свободе. И человечество взяло твердый курс на такую вот прагматическую цель – чтобы всем было хорошо. Складывается новая мировая идеология – экономическое благоденствие для каждого. Разве плохо? Разрабатываются меры против бедности, за обеспечение мировой безопасности, за всеобщее медицинское страхование. Политические программы современности невозможно представить без таких тезисов, как защита детства и старости, поддержка безработных и помощь странам «третьего мира». Да уж, не времена какого-то там Нерона, когда главным пунктом была задача убедить всех жителей империи, что ее глава – воплощенное божество.

Люди в очередной раз делают попытку построить царство счастья на земле без Бога. В отличие от предыдущих моделей «общества равенства и справедливости», где в качестве движущей силы выступали национальные идеи или коммунистические теории, сейчас гарантом выступают материальные ценности. И хотя со времен Вавилонской башни все подобные потуги с завидным постоянством терпели крах, они продолжают и будут продолжаться до окончательного падения последнего Вавилона: «И купцы земные будут плакать и рыдать о ней, потому что товаров их никто уже не покупает, товаров золотых и серебряных, и камней драгоценных, и жемчуга, и виссона, и порфиры, и шелка, и багряницы, и всякого благовонного дерева, и всяких изделий из слоновой кости, и всяких изделий из дорогих деревьев,

из меди, и железа, и мрамора, корицы, и фимиама, и мира, и ладана, и вина, и елея, и муки, и пшеницы, и скота, и овец, и коней, и колесниц, и тел и душ человеческих» (Откр. 18:11–13). Вот так, даже души там будут продаваться вместе со стадами крупного рогатого скота и мешками пшеницы... А пресловутое «начертание зверя»? Ведь без него «никому нельзя будет ни покупать, ни продавать» (Откр. 13:17).

И это принципиально новая идеология, представляющая яркую и мощную альтернативу христианству.

* * *

Христос обещает Своим последователям свободу от греха, мир с Богом, покой в сердце, утоление духовного голода и Свою помощь в земном пути; говорит о ценности каждого сотворенного по образу и подобию Божьему, дает талант и возможность его развивать и служить Господу, восполняет нужды людей.

Богатство обещает свободу от всего, от чего хотите, вводит в мир роскоши, дает покой за высокой оградой особняка, обеспечивает безопасность за спинами телохранителей, пытается гарантировать здоровье, дарит интеллектуальное развитие, предлагает утоление физического и духовного голода, поднимает самооценку, представляет возможности для реализации личности и день и ночь удовлетворяет все потребности. Вопрос лишь в сумме.

Вот такая альтернатива, почти зеркальная относительно учения Иисуса.

Спаситель Сам заплатил за то, что предоставляет нам. Заплатил Своей кровью. Он очерчивает

жизненный круг человека, и в этот круг, в первую очередь, входит вечность.

За то, что предлагает богатство, каждый должен платить сам, а жизненный круг будет включать Землю, которая вращается вокруг собственника.

Но дело не в этом. Точнее, не столько в этом. Многим и многим не уловить принципиальную разницу этих двух путей. Многие и многие острее чувствуют боль «смешных» вопросов, чем боль гибнущей души. И что говорить о мире, не читающем Библию, не знакомым со Спасителем, отвергающем Творца, не верящем в вечность бытия, если огромное число тех, кто считает себя чадом Божиим, занимает активно агрессивную позицию в защите сей новой теории.

«Христиане должны быть богатыми» – это доказательство их твердой веры!

«Христиане должны быть здоровыми!»

«Христиане должны быть успешными!»

«Христиане должны стоять во главе государств земных, а не пресмыкаться перед чиновниками-безбожниками!» (То есть разговаривать с официантами, как с официантами, с таксистами, как... ну, вы знаете.)

«Христиане должны вести диалог с сильными мира сего как власть имеющие, а не как презренные сектанты!» (Очень напоминает мантры: «Мы не рабы, рабы не мы», «Вошь ли я дрожащая или право имею» и прочее из подобной серии.)

«Охристианизированная» альтернатива библейского учения на «ура» идет во всем религиозном мире, а для нерелигиозного и вообще ничего подправлять не надо. Ее главная опасность – в кажущейся способности удовлетворить все нужды человека,

в ее «убедительности», «очевидности» и «разумности».

* * *

Не так давно я была на встрече с православным священником одного из калининградских приходов. Ему был задан извечный вопрос:

– Батюшка, когда будет конец света?

– Когда вот такие встречи прекратятся, поскольку станут никому неинтересны.

– ?

– Вы пришли, потому что вас волнует душа, вечность, нравственность. Когда не останется людей, задающих подобные вопросы, тогда и настанет конец. Когда мир утонет в своем комфорте, захлебнется материальными благами, тогда и свет для него померкнет.



ОТ ТРАНСИЛЬВАНИИ ДО ГОЛЛИВУДА

*Всё, всё, что шибелью грозит,
для сердца смертного
таит неизъяснимы наслаждения...*

А. Пушкин

Когда-то в давние времена жили себе спокойно вдали от шумных городов и центров мировых событий (в Валахии и Трансильвании, Сербии и Чехии) вурдалаки. Они жили в народных сказках и фольклорных быличках, подобно лешим и кикиморам из русских сказаний. И вдруг, вырвавшись за пределы местных легенд и границ родины, начали победный марш по странам и континентам, пересекая моря и океаны, преодолевая дремучие леса и высокие горы.

Отвратительные создания, пьющие кровь людей, существовали во всех языческих религиях от Древней Греции и Вавилона до арабских халифатов и экзотической Ганы в Африке. С этим воплощением зла боролись с помощью жертвоприношений, дабы умилостивить жестоких духов, а также заклинаниями, амулетами и священными ритуалами.

В России были свои кровавые чудовища – упыри, омерзительного вида мертвецы, выходящие из могил, чтобы напиться кровью живых. Их описание вызвало страх и отвращение: раздутые, синюшного

цвета, в полуистлевшей одежде, вымазанные могильной землей и кровью жертв, с невидящими глазами, распространяющие вокруг запах тлена. Борьба с ними велась святой водой, крестным знамением, чтением молитв и псалмов, а также и более радикальными способами – осиновым колом, отрубанием головы, сжиганием трупа.

И вдруг, буквально за одно столетие, сей отвратительный мертвец превратился в «юношу бледного со взором горящим». Такая вот эволюция...

* * *

Один из первых литературных кровопийцев, придуманный писателем Джоном Полидори в 1816 году в повести «Вампир», уже вдруг становится благородным лордом по имени Рутвен. Его облик притягателен для дам и мечтательных юношей: он бледен, загадочен, взгляд имеет пронзительный. В общем, способен заинтересовать и увлечь. Однако, несмотря на внешнюю привлекательность, он был воплощением зла: коварен, беспощаден, кровожаден. Его психологический портрет беден, а сам образ соответствующий: он «пришел украсть, убить и погубить», несмотря на высокий титул.

В новелле француза Теофиля Готье «Мертвая красавица» (1836) женщина-вампир, сохраняя весь набор злодейских качеств (развратница, погрязшая в роскоши и чувственных наслаждениях, проводящая дни и ночи напролет в разгульных оргиях, совращающая не только светских щеголей, но и священников), обладает ослепительной красотой и претендует на создание собственной идеологии в противовес христианству: «Идем со мной, мы будем сама любовь. Потому что

я люблю тебя и хочу отнять тебя у твоего Бога, перед лицом Которого столько благородных сердец проливают потоки любви, не достигающие Его». Героиня – одна из первых женщин-вампиров в западноевропейской литературе, навсегда создавшая устойчивый образ коварной оболъстительницы и давшая затертый ныне термин «женщина-вамп».

Наступала эпоха Дарвина и Ницше, которая посылала упреки Богу и противопоставляла Ему человека, наделяя последнего всеми благодетелями, отнятыми у Творца.

В 1872 году Шеридан Ле Фану, «ирландский Эдгар По», как называли его современники, написал повесть «Кармила». Впервые в литературе о вампирах так мощно прозвучала эротическая тема: жажда крови и лесбийские мотивы здесь переплетены столь тесно, что трудно сказать, какая страсть главнее. В произведении четко виден вызов общественной морали, противопоставление «иного» не только миру живых, но и противостояние ниспровергателя устоев и социального общества.

В 1897 году вампир переходит рубеж, количество переходит в качество. Появляется принципиально новый кровопийца. С этого момента человечество забывает грязного деревенского тупого мертвеца. Отныне и навсегда он становится аристократично утонченным, эротично привлекательным, мистически обособленным и сверхъестественно могущественным графом. Это маг, наделенный, в отличие от своих румынских предшественников, новыми сверхвозможностями: некромант и повелитель мертвых, а также противник Бога, исповедующий ритуал «крещения кровью», пародию на причастие. Он

умеет видеть в темноте, перемещаться по отвесным стенам, «может в некоторой степени управлять стихиями: бурей, туманом, громом», повелевать животными и превращаться в них.

Такой герой и имя получает звучное, грозное – Дракула, за сто лет ставшее синонимом слова вампир. Брэм Стокер (а речь, конечно же, идет о его знаменитом романе «Дракула») соединил западноевропейские традиции вампирской литературы и малоизвестную на Западе историческую личность кровавого валашского правителя XV века Влада Цепиша (Колосажателя).

И вот здесь литература передает вампирскую эстафету новому, только что зародившемуся виду искусства – кинематографу.

* * *

Итак, вампир зашагал по экрану: одна экранизация следовала за другой, начиная с 1922 года: «Носферату – симфония ужаса», «Дракула», «Вампир, или Странное приключение Дэвида Грея», «Знак вампира», еще один «Дракула» уже в цвете, «Маска демона», «Три лица страха», «Дракула – князь тьмы» и «Планиета вампиров», «Дракула, восставший из могилы», «Носферату – призрак ночи», «От заката до рассвета», «Ван Хельсинг», «Вампиры», «Тень вампира». И этот список не полон.

Самый знаменитый актер, неоднократно воплощавший образ бессмертного графа на экране, Бела Лугоши, ставший хрестоматийным лицом Дракулы, так и не смог выйти из образа: он завещал похоронить себя в плаще графа Дракулы, что и было исполнено в 1956 году.

В 1976 году выходит книга американской писательницы, пишущей под псевдонимом Энн Райс, «Интервью с вампиром». Здесь перед нами не просто благородный джентльмен, перед нами утонченная, ищущая смысл жизни, бесконечно страдающая натура. Стать вампиром его заставляет смерть горячо любимого брата, убийство ему ненавистно, но оно становится необходимым – таков способ его существования теперь. Давая интервью молодому репортеру, вампир, рожденный более ста лет назад и доживший до наших дней, открывает перед юношей жизнь особого существа, стоящего над всем и всеми: существа свободного, у ног которого лежит весь мир, перед которым нет территориальных и временных ограничений. Книга полна околофилософских размышлений на тему добра и зла: «Зло – абстрактное понятие. Мы бессмертны, и перед нами открыты двери обильных пиров и празднеств, радость которых недоступна человеческому разуму и рождает у смертных скорбь и тоску. Бог берет без разбору богатых и бедных. Так станем поступать и мы, потому что нет на свете существ, стоящих ближе к нему, чем мы – демоны, не заключенные в смердящих кругах ада, но вольные гулять по его царству, где вздувается».

Постепенно от существа, приближенного к Богу, вампир становится по ходу развития сюжета единственным высшим существом вне времени, вне морали, вне суда. А потом уже чуть ли и не воплощением любви. Итог романа – молодой репортер, восхищенный образом существования вампиров, который в начале повествования его пугал, хочет сам стать вампиром и просит сделать его таковым. А это

уже революция: несмотря ни на что, участь всех вампиров в их противостоянии с героями новелл и романов была одна – они должны быть уничтожены. Впервые герой переходит на сторону монстра.

* * *

Конец XX века полностью «очеловечил» вампира, приблизил его к людям, интегрировал в современный мир техники, цивилизации, в мир машин и «Макдональдсов». Это уже не злодей – изгой, вынужденный днем спать в гробу, становясь при этом беспомощным, и могущий являться людям лишь с наступлением темноты. Это уже не воплощение зла, априори смертельный враг человека. Нет, это «свой» парень с соседней улицы, немного странный, немного непохожий на других и, благодаря этому, имеющий все права на уважение, понимание и терпимое отношение. Высшая степень очеловечивания вампира происходит в фильмах 90-х годов XX века – «Дракула Брэма Стокера» Копполы и «Интервью с вампиром» Нила Джордана, экранизация уже упомянутого романа Энн Райс. Последний фильм – изумительная дань современной политкорректности, которая появилась в 80-е и достигла расцвета в 90-е годы. Как и в самом романе, место злобного, коварного и беспощадного убийцы занимает страдающее и нравственно ищущее существо, одолеваемое человеческими заботами и проблемами. Эротизм вампиров – одна из главных составляющих его современного образа, мощная и притягательная. Вампир – это источник смертельно опасной, но непреодолимой страсти.

Итак, вселенский злодей, почти механическая кукла-зомби, превращается в идейного борца, носи-

теля мощной идеологии, идеологии «сверхчеловека». Из жуткой монстроподобной твари он становится утонченной натурой, жаждущей справедливости, доказывающей, что ни в чем не виноват, что сотворен Богом, равен Богу, стоит выше Бога. Образ вампира из классической литературы соединяет лермонтовского демона с его бунтом против Творца, ницшеанского сверхчеловека с его предстоянием над всем миром, пушкинского Дон-Жуана с его утонченной сексуальностью и вызовом сверхъестественным силам.

Век XIX, преддверие революций, мировых войн и эпохи агрессивного атеизма, выпестовал монстра. Век XX принял его в объятия масс-культуры. Дракула, умерщвленный в романе профессором Ван Хельсингом, на самом деле обрел окончательное бессмертие, и его кровавый след потянулся из Трансильвании в Голливуд.



ОЧЕРЕДЬ ЗА СЧАСТЬЕМ

*Не позволяй душе лениться!
Чтоб в ступе воду не толочь...*

Н. Заболоцкий

Вноябре рано темнеет: кажется, что рабочий день уже закончен, а люди продолжают торопиться по делам, глядеть в мониторы офисных компьютеров, толкаться в очередях поликлиник, сберкасс, чиновничьих контор. На улицах привычные пробки и дежурные представители ГИБДД. Я тоже спешу-бегу – дела. Вот и главная площадь города... Останавливаюсь в полном недоумении: вся она заполнена людьми – огромной, темной массой на фоне сереющих сумерек. Митинг? Демонстрация? Протест? Ничего не было слышно накануне, никто никого никуда не приглашал, не агитировал, не убеждал «прийти, поддержать, выразить». Толпа оцеплена милицией, простите, полицией, но нет ни лозунгов, ни флагов, ни трибуны, ни пламенных ораторов. Люди молчаливы и сосредоточены. Вспомнила: это ж пояс Богородицы! В центральный православный храм города привезли греческую реликвию, местное телевидение уже неделю рекламировало данное событие. Усмехнувшись про

себя, мол, стойте, мне-то это не грозит, заторопилась дальше. Не надо было усмехаться.

* * *

Часа через два возвращалась назад. Стоя перед светофором, вновь увидела сурово-торжественную, ставшую еще огромнее, очередь. Загорелся зеленый свет, пешеходы двинулись вперед, привычно спотыкаясь на трамвайных рельсах. Вдруг раздался негромкий голос:

– Помогите, пожалуйста! Помогите перейти!

Посреди проезжей части беспомощно замерла старушка, нащупывая путь обтрепанным зонтиком-тростью. Я уже миновала ее, но, поскольку прохожие продолжали плавно обтекать возникшую на пути преграду и никто не повернул голову в сторону вызывавшей, пришлось вернуться:

– Обопритесь на мою руку, пойдете.

– Спасибо, спасибо, – повторяла бабуля, судорожно вцепившись в рукав моей куртки. – Ничего не вижу почти, боюсь переходить дорогу одна, вдруг упаду. А Вы случайно не на поклонение?

– Нет, но буду проходить мимо храма, могу Вас довести.

– Ох, сделайте милость, не бросайте меня.

И вот вместе со спутницей я бреду сквозь толпу, разыскивая отдельную очередь для инвалидов (старушка уверяла, что о существовании такой очереди говорили по телевизору). Несколько раз нас отсылали в противоположные концы площади. Мы скользили на влажной брусчатке, спотыкались о чьи-то ноги, извинялись, приставали к стражам порядка с вопросами, открывали и закрывали зонтик, в зависимости

от того, моросил ли холодный дождик или временно переставал. Наконец, после получасовых мытарств, обрели свое место среди жаждущих чудес исцеления.

– Ну вот, нашли. До свидания, – стала я прощаться.

Старушка еще сильнее вцепилась мне в рукав.

– Умоляю, не бросайте меня, я пропаду одна, я к Вам уже привыкла! – неожиданно заявила она.

– Но я не могу, я... не могу...

Люди в очереди с интересом глядели на нас: какое-никакое, а развлечение. Вы не поверите, но я... осталась. Зачем, почему? Не знаю. Просто осталась стоять в плотной, по-православному суровой толпе.

* * *

Перед нами стояла бабушка с внуком. Ребенок постоянно кашлял, шмыгал носом и вытирал его мокрой варежкой. За нами пристроились две молодые мамы с детскими сидячими колясками, к которым крепко были привязаны ремнями малыши, приблизительно двухлетнего возраста, одетые в комбинезоны и с сосками во рту. Дети постарше бегали вокруг, постоянно теребя своих застывших в очереди матерей (в основном, конечно, стояли женщины). Чуть впереди тихо ссорилась молодая пара. Юноша сквозь зубы раздраженно уговаривал подругу пойти домой, на что та, не менее раздраженно, возражала, что двинется с места только вместе с очередью. В конце концов парень махнул рукой и, резко развернувшись на каблуках, мрачно ушел в темноту. Подростки периодически клянчили у родителей деньги и убежали в ближайшие ларьки за чипсами и «фантой». Порой кто-нибудь из паломников появлялся с горячим

стаканчиком автоматного кофе из соседнего супермаркета и, обжигаясь, пил его маленькими глотками всем на зависть. Кто-то серьезно подготовился к мероприятию: маялся в очереди в теплых сапогах, перчатках и зимней шапке, несмотря на мокрую погоду. А кто-то проявил непростительное легкомыслие и теперь расплачивался за него: тоненькие сапожки на шпильках, мини-юбки и франтоватые курточки с распахнутым воротом не располагали к многочасовому неподвижному бдению на ноябрьском ветру.

А мы, тесно прижавшись друг к другу, вели неспешную беседу. Собственно, говорила только старушка, а я слушала, порой вставляя вопросы, на которые она тут же начинала благодарно, с мельчайшими подробностями отвечать. Новую знакомую звали Ольга Петровна, всю жизнь она проработала учителем физики. Бабуля была с некоторой претензией. Ее биографию я узнала досконально: начиная от бабушек и дедушек (ясное дело, с дворянскими корнями, тщательно скрывааемыми во времена Советов), первых женихов-курсантов юной Оленьки, жителя в Казахстане, Москве и Прибалтике, партийной работы, высоких званий и постов и заканчивая семейными драмами – собственными и сына, пятидесятилетнего инвалида, с которым она теперь проживала в маленькой квартирке в старом районе города. Многочисленные законные мужья – гражданские жены – незаконнорожденные дети – незнакомые внуки рассеялись по лицу земли. Остались телевизионные сериалы, две радостные даты в месяц – выдачи пенсий ей и ему, редкие звонки еще живых престарелых приятельниц и вот такие необычные мероприятия, как сегодняшнее.

– А Вы в Бога верите, Ольга Петровна?

– Вы, знаете, Наденька, верю.

Произнесла она это таким тоном, будто признавалась, что Первый закон Ньютона не всегда справедлив: несколько с вызовом и тайным страхом.

– А в церковь ходите?

– Нет. Знаете, то некогда, то здоровье подводит.

– А Евангелие читаете? Библия у Вас есть?

– Библия есть – старая, еще от деда сохранилась, на старославянском, этакая, знаете ли (она постоянно вставляла это словечко, оставшееся, видно, от многолетней педагогической деятельности), с буквой «ять», дореволюционного издания. Даже не знаю, как не потерялась в переездах.

Это она произнесла громче обычного, гордо оглядывая полуслепыми глазами окружающих слушателей.

– А читаете ее?

– Ну где же читать? – слегка возмутилась она. – Сами видите, зрение-то какое.

– Ну, телевизор же смотрите...

– Сравнили!

На несколько минут мы замолчали, я посмотрела на часы: прошло два с половиной часа. Мимо, на противоположной улице, неслась жизнь: люди торопились домой с работы, бежали и весело гомонили ученики второй смены, нетерпеливо сигналили застрявшие в пробке автомобили, ярко переливались огни рекламы. А я будто выросла, скорее, вмерзла в эту серую, извивавшуюся гигантскими змеиными кольцами очередь. Продрогла жутко, сырость мостовой, казалось, пропитала не только одежду, но и тело. Порой ловила себя на том, что зубы тихо постукивают, а ноги подергиваются. Но мы продолжали стоять так же...

...Как когда-то стояли на Красной площади. Серые январские сумерки наступающего дня. Невыспавшиеся и уже от этого замерзшие пионеры, прибывшие в столицу на экскурсию во время зимних каникул, выстаивали огромную очередь на поклонение. До места, где покоились самые знаменитые мощи Советского Союза, было еще далеко. В ближайших ларьках не было ни чипсов, ни «фанты», а в соседнем супермаркете нельзя было приобрести горячий стаканчик автоматного кофе. Впрочем, ларьков с супермаркетом тоже не было.

Мы стояли, медленно обрастая инеем по кругу воротника зимнего пальто, и вытирали холодными варежками влажные носы. Через час зубы начали тихо постукивать, а ноги подергиваться. Пацаны пытались бегать и бросаться снежками, но это было расценено сопровождающими учителями, безусловно, как святотатство. После строгого внушения им оставалось развлекаться лишь тем, чтобы незаметно подкидывать снег за ворот впереди стоящего товарища. Тогда казалось, что этому стоянию не будет конца. Однако наступил момент, когда, скользя на влажных гранитных ступеньках мимо торжественно застывших часовых, мы спустились в мавзолей и, не останавливаясь, приоткрыв от удивления и легкого ужаса рот (это ж покойник!), прошли мимо застекленного вождя. Поднимаясь на выходе, долго сворачивали шею, чтобы бросить последний взгляд на святыню страны.

Разговор возобновился.

– А Вы, Надя, верите в Бога?

– Верю... – еле шевеля губами от холода, произнесла я.

– А почему не хотели на поклонение идти?

– Потому что не верю... – еще тише проговорила я.

– Грех это, – укоризненно покачала головой Ольга Петровна.

Окружающие молча согласились. «М-да, – подумалось мне, – все-таки старые учителя хорошо разбираются в том, что такое грех: это – бросаться снежками возле мавзолея Ленина и не ходить на поклонение святым реликвиям».

Чей-то телефонный звонок заставил вздрогнуть оочечневших людей. И зазвучал ответ:

– Ну, я еще не вошла в храм. Ну, еще часа два-три, наверное... Ну, разогрей себе щей, там, в холодильнике... Не ерунда, все стоят, не глупее тебя! Не ори на меня, могу хоть раз на себя время потратить. Так, все, не разгоняй благодать!

Чуть дальше слышался другой телефонный разговор:

– Отпросилась с работы, еле отпустили. Думала, к девяти буду дома, а тут, видно, до утра придется стоять. Нинка говорила, вчера очередь быстрее шла. Что за вопрос? Детей-то у нас с Сашкой нет, а уж три года вместе живем. Вот родится ребенок, тогда, может, и распишемся. Нет, ему не сказала, пусть поревнует.

Ближе ко входу очередь почему-то становилась толще раз в пять. Откуда-то появлялись новые люди, утверждавшие, что «на них занимали» и «они тут стояли». Кое-где вспыхивали короткие, но жаркие «бои местного значения». Естественно, что и концентрация представителей силовых структур здесь была значительно больше.

Мы, казалось, остановились окончательно.

Дети перестали бегать и тормозить родителей, теперь они грустно разгребали лужи носками мокрых ботиночек. Те, что поменьше, безвольно повисли на руках мамаш, а мамыши с тяжелым вздохом периодически поправляли на себе уставших чад. Даже словоохотливой Ольге Петровне, явно впервые за последние десять лет встретившей нового слушателя, было уже не до разговоров.

* * *

По всему периметру храм был окружен металлическим ограждением, состоящим из отдельных переносных секций. В узкую щель между двумя такими секциями, предварительно обшарив паломника металлоискателем, как при входе в аэропорт, два стража порядка пропускали православный люд по одному на первую ступеньку огромной лестницы, уходящей, казалось, в самые тучи, тяжело нависшие над городом (чуть не написала одиозное «Борском»; старшее поколение – поймет, у младшего – будет повод расспросить бабушек и дедушек про их молодость).

Городская жизнь постепенно замирала. Светофоры мигали только желтым светом, пробок на улицах давно уже не было, поскольку все спешащие благополучно добрались домой и теперь наслаждались теплом, уютom, сытным ужином и телевизором. Из прохожих остались лишь стайки молодежи с пивными бутылками в руках (один вид глотающих холодную жидкость людей вызывал судорогу) да припозднившиеся одиночки, зябко кутающиеся в шарфы и воротники.

Казалось, что этому стоянию не будет конца...

Однако наступил момент, когда и мы приблизились к заветной проходной, но ступить на лестницу, ведущую вверх, нам не суждено было. Оказалось, что наше многочасовое ожидание происходило не там, где надо: это была «детская» очередь, а «инвалидная» огибала храм с противоположной стороны. Так вот почему столько детей было вокруг...

* * *

Тишину ночи нарушало лишь хлюпанье моих башмаков. Под размытыми бликами фонарей я шагала домой по пустынной, промозглой улице и думала ни о чем и обо всем сразу. Вспоминались обрывки разговоров и лица людей; длинная, как очередь, биография старой учительницы; столичный мороз тридцатилетней давности; гранитные ступени, ведущие то вниз, то вверх; и такой необыкновенный вечер трудного дня. Еще я думала о том, что человек не может жить без веры. Не может жить без «осуществления ожидаемого». Не может жить без «уверенности в невидимом». Проблема в одном – в бесконечной душевной лени, в наивном уповании на то, что кто-то за нас примет ответственное решение, запроотоколирует его и четко укажет наше место в благодати. Мы непростительно делегируем свои права тем, кто, будучи сам слеп, обещает «по белой лестнице» повести нас «прямо в рай». Мы безвольно соглашаемся верить в то, во что верят «все», и не желаем утруждать себя поиском Истины.

Так и месим веками грязь сапогами в бесконечных очередях за счастьем.



ПОЖИЗНЕННОЕ ОДИНОЧЕСТВО

«**Н**аказание мое больше, нежели снести можно!» – братоубийца смотрит вверх. Он кричит, он протестует. Рядом семья испуганно ждет решения участи. Что будет после жестокого преступления?

В последующих веках это мог быть эшафот, каменные работы на галерах, гильотина, электрический стул, пожизненное заключение, да и много еще чего: уж что-что, а придумывать казни люди умеют! Но человеческое правосудие еще не сформировалось и не обзавелось необходимым штатом сотрудников, и свыше звучит окончательный приговор:

– Ты будешь изгнанником и скитальцем на земле.

Пыль перевозданных троп, чернота далекого неба с холодными звездами, равнодушие гор и долин, непредсказуемость лесов и рек – удел скитальцев. И шепот – сам с собой – у бивачного костра: «Его успех невозможно было терпеть. Авель должен был умереть...»

Однако не в скитаниях весь ужас наказания, не в бесприютности и отсутствии налаженного быта,

а в бесконечном одиночестве, одиночестве и сиротстве изгнанника Земли, чьи родители были изгнанниками Неба. И в знамении, защищавшем убийцу от убийц и до сих пор являющимся предметом богословских споров (что же это такое – в просторечии именуемое «каинова печать»?), возможно, заключалась не только гарантия неприкосновенности личности Каина, но и обеспечение пожизненного одиночества.

* * *

Марк уже проснулся, но продолжает лежать с закрытыми глазами. Глухо слышны привычные звуки просыпающейся тюрьмы: звяканье ключей, скрип открывающихся окошечек, короткие реплики охранников. Вот уже более двадцати лет эти реплики – практически единственная человеческая речь, которую Марк слышит, – он находится в одиночной камере. Распорядок дня – бесменный и монотонный – выучен до безусловного рефлекса, кажется уже, что родился со знанием тюремного расписания. Автоматически глаза открываются, ноги соскальзывают с койки именно в тот момент, когда скрипит дверь его окошечка и в него просовывается рука с миской еды.

Марк медленно жует, глядя в одну точку перед собой. Ему не надо поворачивать голову, не нужно переводить взгляд, чтобы почувствовать его приближение. Ведь Марк знает его много-много лет, он – его единственный друг. Неповторимый. Самый лучший. Все понимающий, все принимающий. С ним можно удариться в воспоминания, впасть в философские рассуждения, пролиться скупыми мужскими слезами или рассыпаться в безумном смехе. И большой вопрос: его молчаливость – это недостаток или достоинство?

Вот он спускается на своей паутине, на тоненьких ниточках-ножках бежит по каменному полу, потом взбирается вверх по ноге на краешек миски, и можно начинать беседу...

И он говорит, говорит... О великом таланте, которому истово поклонялся, на которого всеми силами старался походить, которому страшно, до зубовного скрипа, до судорог в мышцах, завидовал и которого убил...

– Но ты же понимаешь, Джон Леннон не должен был жить, его успех невозможно было терпеть, – губы Марка Чепмена, убийцы знаменитого «битла», почти касаются собеседника, и кажется, тот сейчас свалится вниз. – Но наказание мое больше, нежели снести можно.

И он нежно дышит на паука, своего единственного друга и собеседника, которого приходится периодически спасать от швабры и пылесоса во время генеральной уборки камеры.

* * *

Мужа она никогда не любила. Быть может, была когда-то девичья влюбленность как отклик-благодарность мужчине, что выбрал среди многих других и позвал замуж. Но все быстро прошло: его недостатки были очевидны, все достоинства взяты на учет. Не красавец и невысок ростом, как и она не модель. Оценивая себя объективно, всегда понимала, что вряд ли случится когда-нибудь в ее жизни романтическая страсть шекспировского накала. Но хотелось бы...

Вначале новизна положения замужней дамы, хлопоты по обустройству своего дома, рождение ребенка заслонили, отодвинули все эти мечты о принцах на белых скакунах на задний план, но не уничтожили.

А когда быт прочно вошел в колею обыденности и стало ясно, что это раз и навсегда, тогда мечты одолели с новой силой. Затосковалось...

Да и что прикажете делать в маленьком гарнизонном городке, среди карликовых берез и полугодовой полярной ночи, – только бруснику с костяникой собирать да варенье варить. Скучища и душевная пустота...

С каждым днем заполнять пустоту в душе становилось все труднее. Она пыталась развлекаться. Одно время это был джаз: пластинки, кассеты, диски заполнили квартиру. Потом – театр. Она пересмотрела все постановки местной труппы и не пропускала ни одного выступления приезжих артистов. Когда времена стали поспокойней и на ужин в ресторан стали ходить не только рэкетеры, появилось новое увлечение – ресторанные посиделки с подругами. Но все приелось, наскучило, надоело...

Со временем достоинств у мужа не прибавилось, а вот недостатки почему-то увеличились. Оказалось, что он мелко придирчив и занудно морален, не любит шумных компаний, а гостей согласен видеть лишь на день рождения и на Новый год. Требовал, чтобы к его приходу жена всегда была дома, а на столе – горячий ужин. Иногда на него совсем «накатывало», и он пытался выяснить, на что потрачен за неделю месячный оклад. Противно...

Незаметно год пролетал за годом. Печень стала «пошаливать», в суставах нашли отложение солей. Дочка выросла, муж сделал неплохую карьеру. И жизнь, как песок сквозь пальцы, убегала в никуда...

И бессонными ночами, когда одиночество обнимало своими холодными руками, шепталось в вечность:

«Такая жизнь – просто наказание, и оно больше, чем можно снести...»

* * *

Сколько людей страдает в одиночных камерах. Их стены вырастают, складываются из зависти и ненависти, жадности и отвращения, пренебрежения и гордости. Одиночные камеры греха и порока. Человек в состоянии их построить, но не в состоянии их разрушить. Пусть рядом с каждым таким заключенным окажется тот, кто сможет указать на Дверь, Путь, Жизнь, Истину и Любовь.



ПРИЗРАЧНО ВСЁ В ЭТОМ МИРЕ БУШУЮЩЕМ...

Праздник 9 Мая. С трудом выбравшись за город, поскольку центральные улицы перекрыты из-за праздничного парада, приезжаю на митинг в маленький поселок. Здесь возведен мемориал, посажена тополиная аллея. Каждый год возле братской могилы, где захоронены бойцы Красной армии, погибшие в этой местности в 1945 году, проходят выступления сельской администрации, чествование единственного еще живого ветерана, декламация стихов учащимися местной школы.

Вот и сегодня митинг идет своим чередом, напоминая то время, когда еще школьницей я приходила сюда в окружении пионерских флагов, горнов и красных пилоток. Вдруг (несколько неожиданно) по гранитным ступеням мемориала поднимается православный священник в сопровождении причта, и сельский митинг плавно перетекает в заупокойную службу. Речитатив священника прерывается песнопением женщины, кое-кто неумело крестится. Дым от кадила туманом расплзается между слушателями,

окутывая каждого и создавая иллюзию (или реальность) зыбкости происходящего. Сквозь ладанный морок вспоминается-чудится группа советских курсантников, слышатся залп оружия, барабанный бой и стихи Роберта Рождественского – дань памяти погибшим, как это было принято двадцать лет назад.

Смотрю на своих постаревших учителей-коммунистов, бывших работников колхозного партаппарата, грузно-серьезных нынешних депутатов округа, кокетливую директрису местного клуба, на повзрослевших одноклассников. И думаю: что есть реальность для тех, кто стоит и смотрит в спину батюшки; для тех, кто строил коммунизм, а построил «дикий» капитализм; для тех, кто рос пионером, а вырос «единороссом»? И что реальнее – «со святыми упокой» или «памяти павших будьте достойны»? Реальны ли были те годы, что ушли навсегда, унося с собой идеалы прошлого, или осталось лишь шептать вслед за Есениным: «Жизнь моя, иль ты приснилась мне?»

* * *

Проблема реальности всегда волновала человечество. Нутром чувствуем, что наша реальность не такая уж и реальная, есть где-то пореальнее. Основоположник всего и вся древнегреческий Платон (про что речь ни заведи, обязательно с него начать надо) тоже подозревал, что жизнь наша – тень, а все самое интересное происходит в другом месте. Осталось только найти это место. Создатели античных мифов возражали, утверждая, что земная жизнь и есть настоящая, а по ту сторону гроба лишь мельтешение теней да невнятный стон. Средневековая эпоха сомнения не приветствовала, безапелляционно

распланировав жизнь каждого индивидуума до и после смерти, расставив красные флажки, за которые заходить в поисках иной реальности настоятельно не рекомендовалось. Но дыхание этой, иной, реальности люди чувствовали, тайно искали ее, стремились к ней.

Эпоха Возрождения грянула, как весна. Естественно, потеплело сначала на юге – солнечная Италия первая, расправив художественные крылышки, отправилась на поиски другого пространства. С достигнутого ею горизонта нам до сих пор улыбается Мона Лиза, не оставляя без работы голливудских режиссеров и мастеров исторического детектива. За художниками потянулись поэты, драматурги, актеры и прочий бомонд, отражая окружающую реальность на театральных подмостках и в литературных салонах и, может быть, создавая новую.

Считая, что весь мир – театр, Шекспир в своем «Глобусе» изобразил весь мир, назвав его Эльсинором. Все было вроде бы тихо и мирно, «спокойно, как в гробу». На троне – король, на зубчатых стенах – стража, счастливые подданные трудятся на благо государства. Все было хорошо, пока не явился призрак покойного короля и не объяснил, что «все не так, как надо». Оказывается, на престоле узурпатор, убивший законного владыку с помощью яда, королева – неверная жена, а враги угрожают границам страны. И стабильный мир начинает рушиться: принц Гамлет объявлен сумасшедшим, его возлюбленная Офелия по-настоящему сходит с ума, начинается тотальная слезка всех друг за другом, процветают интриги и заговоры. В итоге окружающая действительность рухнула и, в общем, все умерли.

Призрачная реальность, возвещенная королем-привидением, оказалась реальнее существующего мира.

Да, наступала эпоха призраков, которые прочно заняли место в литературе, живописи, музыке. Все они были загадочными, таинственными и явно что-то скрывали, не иначе, как настоящую реальность. Романтизм, одним словом. Он все куда-то манил, на что-то указывал, но все без толку, человечество топталось на ограниченном пространстве видимого земного мира. И человечеству это надоело: раз не можем найти эту реальность, значит, ее нет. Началась эпоха промышленного развития, дарвинской биологии, ницшеанской философии. Но от себя не убежишь, точнее, от жажды иного. И дверь новому призраку распахнули те, от кого этого совсем не ожидали, – основоположники научного коммунизма, вдруг прооравшие на весь мир, что-де «призрак бродит по Европе» и имя ему – коммунизм. Он-то и построит нам новую реальность, прекрасную, как сон Веры Павловны.

И призрак взялся за дело и построил. Но вышло приблизительно, как у Шекспира: опять все умерли всерьез, несмотря на утверждения, что даже покойники в этой новой жизни «живее всех живых» и мудро управляют народом из-под гробовой доски.

Теперь вот опять в поисках – Индия ли с Тибетом, восстановленные ли храмы или нанотехнологии впустят нас, наконец, в лучший мир из этого, старого, который человечество изрядно подпортило.

* * *

У Айвазовского есть картина на евангельский сюжет – «Хождение по водам». В крошечной ночной

темноте бушуют волны, раскачивая утлый челн с находящимися в нем учениками. Нет ни луны, ни звезд – ненастье застилает небо, но картина освещена – источником света является Христос, идущий по водам. И от Него к гибнущим людям поверху беснующейся стихии простирается световая дорожка. «И ученики, увидев Его идущим по морю, встревожились и говорили: „Это призрак“ – и от страха вскричали» (Мф. 14:26). Удивительно и естественно...

До сих пор, встречая Истину, люди принимают ее за миф, а вот обманные образы греха объявляют смыслом и основой бытия. Трудно человеку, ограниченному временем и пространством, отделить ложь от правды, реальное от кажущегося, свет от тени. Поэтому он обречен на бесконечную гонку за призраком, пока не обретет Реальность.



РОССИЯ НОСТАЛЬГИРУЮЩАЯ

Мы участвовали в праздновании 60-летия образования СССР и смотрели репортаж из Беловежской пуши 1991 года. Составляли конспекты «Манифеста коммунистической партии» и переписывали самиздатовские сборники стихов Владимира Высоцкого. Ходили под красными флагами на демонстрации и субботники и наизусть знали музыку к балету Петра Чайковского «Лебединое озеро», подчас заменявшего выпуски телевизионных новостей. Стояли на пионерских линейках и сидели на комсомольских собраниях. Несли почетный караул у памятника вождю мирового пролетариата и переживали по вечерам за судьбу Штирлица. Провожали старшеклассников в Афганистан и ровесников в Чечню. С упоением тратили студенческую стипендию на книжных развалах в конце 80-х и стояли в очереди за газетой «Совершенно секретно». Мы помним бесконечные похороны генеральных секретарей и горбачевскую борьбу с алкоголизмом. Видели Ельцина на танке и картину «Ходоки у Ленина»

в школьных коридорах. Играли в «Зарницу» и пытались прорваться на фильм «кроме детей до 16». Покупали зимние сапоги за ваучеры и по несколько раз занимали очередь за колбасой в городских гастрономах. Мы родились в 70-х, нам по сорок лет, мы – активная часть населения страны.

Мы стоим на вершухе жизненного пути: уже есть на что оглянуться, еще есть куда всматриваться; виден старт, предчувствован финиш. Радость нового дня сглажена и не так остра, как в юности. Ностальгия же, наоборот, посещает все чаще. Бывшие панки и металлисты, поклонники «Ласкового мая» и «Модерн Токинг», одетые в костюмы, подстриженные и причесанные, в дорогих автомашинах, в офисах и у египетских пирамид осуждающе качают головами вслед тинэйджерам.

В застольных разговорах все чаще звучит тема страны, «которую мы потеряли». Папы и мамы сокрушаются о том, что их дети не были октябрятами и пионерами, пытаются воспитать своих чад на примерах «Электроника» и «Девочки из будущего». Из распахнутых дверей кафе доносятся звуки «советских шлягеров». Телевидение спешно открывает ностальгические каналы: только советских фильмов, только советской эстрады, только советского театра. Радио транслирует бесконечный «городской шансон», под который вспоминаются автоматы с газированной водой, плакаты «Летайте самолетами Аэрофлота» и «Храните деньги в сберегательных кассах», а еще маргаритиновые розочки на заказных тортах. Страницы толстых журналов повествуют о биографиях выдающихся людей Страны Советов. Средства массовой информации, которые, по выражению физика Петра

Капицы, «не менее опасны, чем средства массового уничтожения», уловив настроения (или сформировав их?), взхлеб советуют не разрушать старое доброе прошлое, в котором было не так уж много плохого, как преподносили гласность и перестройка.

«Когда меня приняли в компартию, там была хорошая школа. В партийных органах высокая ответственность, все было по совести» (В. Черномырдин, журнал «Биография», № 5, 2008 г.). Пятнадцать лет назад такие строчки не могли появиться в печати. Теперь они воспринимаются спокойно и серьезно.

«Какая литература сегодня востребована у ваших читателей?»

«Все зависит от аудитории. Да, востребованы Донцова, Маринина и Полякова. Но не меньший спрос и на Улицкую, Пелевина, Ерофеева. А самое примечательное, что в последние годы очень востребована советская литература. Например, „Битва в пути“ Галины Николаевой. А еще – представьте себе! – производственная советская литература 70–80-х годов, своего рода „введение в курс“ современной рыночной экономики» (Из интервью с директором Калининградской централизованной библиотечной системы Е. Александронец, газета «Гражданин», № 19, 2008 год).

Это мы, сорокалетние, – потребители производственной советской литературы.

«При смене двух исторических эпох являются характеры, принадлежащие той и другой, нецельные, раздвоенные. Их убеждения, верования принадлежат новому времени; привычки, темперамент – прошлому. Побеждает в большинстве случаев не разум, а инстинкт; не убеждения, а темперамент; отжившее

торжествует над живым, и человек гибнет жертвой этой борьбы» (Д. Мережковский).

Это сказано и про нас, о поколении «новых мехов со старым вином». Теперь оно, поколение, руководит политикой, экономикой, наукой, искусством. А им руководит ностальгия. По детству, по юности, по СССР.

Почему же так притягательна атмосфера прошедшей эпохи строительства коммунизма? Конечно, это и воспоминание о детстве, но и разочарование в настоящем, которого так ждали двадцать лет назад. Свобода пришла, рынок ворвался в нашу жизнь, пал «железный занавес», но чего-то не хватает. Неясное томление и тревожащая тоска живут в груди сорокалетних. Что же мы упустили? Мимо чего же мы прошли?

Мы объелись псевдодуховности, как дети на празднике, оставленные без присмотра, объедаются сладостями, когда в сумасшедшие 90-е жадно хватали «Бхагават Гиту» и «Теософию» Блаватской, всматривались в мистические пейзажи Рериха и искали в сумерках НЛО над родным городком, расхаживали в желто-оранжевых одеждах индуистов и вступали в «Белое братство», а вечерами заряжали тазики с водой перед телевизионной головой Чумака и пытались уничтожить все шрамы на теле, глядя в глаза Кашпировскому. Но все оказалось обманом, мороком, как «воскресение» мертвеца популярным в те годы колдуном Лонго. Поэтому и тоскуем мы по той атмосфере, где все было четко разделено на черное и белое, наше и не наше. Не по социалистической экономике, не по талонам и карточкам. Нет, мы тоскуем по идеологической стабильности – неважно, какой! По простоте и ясно-

сти: можно – нельзя. Мы так воспитаны, мы так привыкли, у нас темперамент прошлого.

Мы упустили веру. Мы прошли мимо Бога. Как и двадцать лет назад, мы нуждаемся в Евангелии. Нам необходим библейский ликбез. Нам необходима здоровая духовная пища. Нам необходим Хлеб Жизни вместо приторных пирожных сомнительной свежести.

Мы регистрируемся на «Одноклассниках» и создаем форум «Я люблю СССР». Считаем, что лучшие мультфильмы были созданы до 1985 года и говорим цитатами из кинокартин Л. Гайдая. Мы гордимся полетом Ю. Гагарина и «Единой Россией». Мы родились в 70-х, нам по сорок лет, мы – активная часть населения страны. Нам так нужен Бог...



СКРОМНОЕ ОБАЯНИЕ ВЗЯТКИ

Кто из нас не давал взяток?! Не спрашиваю: кто не брал, поскольку неприятно отвечать на такое предположение. Да еще вдруг придется утвердительно кивнуть, тогда уж совсем оскорбительно. Поэтому повторюсь в риторическом вопросе: кто из нас не давал взяток?! Ну, быть может, речь не идет о толстых пачках зеленых банкнот, и разговор даже не о борзых щенках, коих не чурался герой одного из самых антикоррупционных произведений. А вот скромная шоколадка, коробочка конфет, стыдливая «трешка» тридцатилетней давности или современная евровая «двадцатка»? Конечно, не стоит тут вспоминать сотни-пятисотки, отданные на отечественных магистралях и сельских дорогах «друзьям автолюбителей», кто ж сию подать считает за взятку?!

Давайте в памяти воскресим всесильных секретарш больших начальников, как говорят у нас, «власть имеющих»; членов различных комиссий, призванных решать насущные нужды населения; бухгалтеров, выдающих справки для получения кредита;

медицинский персонал, оформляющий документы по медосмотру; представителей военкомата, призывающих наших сыновей в армию; председателей различных экзаменационных комиссий – от сдачи на права по вождению автомобиля до ЕГЭ и выше; любимых всеми таможенников, трясущих наши вещи и души на погранпереходах. И не всегда дело обходится только «трешками» и «двадцатками», не так ли? А техосмотр для транспорта даже не обсуждается.

А еще многочисленные «друзья» и «нужные знакомые», получившие маленькие «презенты» в знак благодарности и «за беспокойство». Можно возразить: ну уж их-то за что включать в сей неприятный список наших компромиссов с законом и совестью? Думаю, они займут достойное место в нем, поскольку все дары, ими полученные, даны не просто так. Они были проводниками в различные учреждения и конторы через черный ход, для своих. А это «дорого стоит», каждый знает. И каждый может продолжить этот перечень, основываясь на собственном богатом опыте.

Пожалуй, нет такой сферы в нашей жизни, где понятие греха было бы настолько снивелировано, сглажено, стерто, как там, где речь идет о взятках. Любых – явных и тайных, открытых и завуалированных, данных «до» и данных «после», за материальные ценности и душевный комфорт, за товары и услуги. А еще за наши грехи и прегрешения, провинности и преступления. Часто мнимые («закон, что дышло...»), а порой и реальные...

Знаю, знаю, знаю. Знаю все возражения, под некоторыми и сама подписывалась не раз: «По-другому нельзя», «Иначе – выхода нет», «У нас страна такая», «Без взятки (липовой справки, подложной подписи)

мы бы ничего не имели (не решили, не добились)». Можете нужное подчеркнуть. И решалось, добивалось, получалось, развивалось, обустроивалось, основывалось что-то, крайне нам необходимое. Кто спорит? И на этом основании наша вера во всемогущество взятки росла и крепла год от года. И кто ее теперь разрушит, эту веру, выстроенную на наших сомнениях (давать – не давать), на нашем страхе (а вдруг не выгорит?), на наших мучениях (кому, где, когда, сколько, а главное, КАК). Короче, почти на крови. Наша вера во взятку несокрушима. Это меткий выстрел снайпера, последний довод королей, решающий аргумент в любом споре, наш запасной подземный ход, козырной туз в рукаве, соломенная надежда утопающего, скальпель хирурга в критической ситуации. И первые наши взятки давались именно с таким ощущением отважной безысходности, с бегущими глазами, с липкими ладошками, с невнятной речью скороговоркой и лихорадочным румянцем на подобострастном лице. Но все прошло благополучно, все удалось, решилось, получилось. Выгорело! И второй шаг был намного легче, а теперь мы уже почти профессионалы в устранении маленьких житейских проблем.

Каждое действие нуждается в обосновании, а практика – в теории, как богатый купец для облагораживания своих капиталов нуждается в дворянском гербе. И мы постепенно выстраиваем свои доктрины, оправдывающие все сомнительные действия. Безусловно, никто из нас не лоббирует интересы торговцев оружием или табачной мафии, не подкупает продажных политиков, не переправляет тонны наркотиков через «оборотней в погонах» за границу.

Это безнравственно и грешно. Это – мир, лежащий во зле. Да и о своих взяточных делах мы рассказываем с возмущением, как об очередном свидетельстве о беззаконии и моральном разложении окружающего общества, вынуждающего нас изредка (очень-очень редко) поступать по его правилам. И чувствуем себя, как Лот, вынужденный жить в Содоме, поскольку ежедневно мучаемся в праведной душе своей.

Так уж устроен человек, что опыт плотской жизни он переносит и в духовную жизнь. И пытается давать взятки Богу. Однажды поймала себя на том, что, чувствуя вину за совершенный грех, вместо обычных трех-четырёх глав из Библии читаю пять-шесть. Стараюсь, заглаживаю, так сказать. Среди знакомых есть брат по вере, который после осознания проступка практикует своеобразный пост: в тот же момент, как понял, что согрешил, отказывается от еды, объясняя так: «Мучаюсь, Господь видит, зачтет». Каждый вспомнит подобные примеры, хотя никто не рассматривает их в качестве подкупа Творца.

* * *

– Не знаю, как решить вопрос, проблема в том...

Выслушав, подруга удивленно поднимает брови:

– Ну ты даешь! Чего ж тут решать? Заходишь в кабинет, протягиваешь паспорт, а в нем... Сейчас узнаю у мужа, сколько в нем на сегодняшний день.

Теперь вот думаю, с духом собираюсь. Может, получится... А вы что посоветуете?



СПИРИТИЧЕСКИЙ СЕАНС В ОЖИДАНИИ АНТИХРИСТА

Вчера меня приняли в масоны.

А. Пушкин. Дневниковые записи

Серебряный век русской литературы: тонкий лик Саристократического Блока, бесшабашно-кудрявая голова Есенина, строгий Бунин, вальяжный Брюсов, порывисто-непостоянный Андреев, римско-греческий профиль Ахматовой. Необыкновенный лиризм, новаторство и традиции, мучительная красота и мученические судьбы. Искусство на изломе, на смене двух эпох, происшедшей через кровавую революцию. Маленький Армагеддон в отдельно взятой стране, маленький антихрист в отдельном государстве победившего социализма.

Начало XX века уже сопровождалось экономическими потрясениями, политическими бурями. Был открыт новый вид войны – мировая. Дело историков – устанавливать экономические и политические факторы, приведшие к Октябрю 17-го. Но есть причины и духовные.

Нигилизм, ожидание чего-то нового, революционного, витало в воздухе. Это веяние кружило головы и будоражило кровь. Хотелось все делать наперекор:

наперекор правительству, наперекор обывателю, наперекор духовенству. Первое усердно делали многочисленные левые партии, второе с успехом осваивала полуреволюционная и полубогемная молодежь, а третью миссию на себя взяла творческая интеллигенция.

В те времена был моден символизм – литературное течение, дань которому отдали практически все поэты. Владислав Ходасевич, сам бывший символистом, в своем «Некрополе» пишет о символизме так: «Символизм не хотел быть только художественным методом... Провозгласив культ личности, символизм не поставил перед нею никаких задач, кроме „саморазвития“. Можно было прославлять и Бога, и дьявола. Глубочайшая опустошенность оказывалась последним следствием этого эмоционального скопидомства. Скупые рыцари символизма умирали от духовного голода...»

Видя символы везде и всюду или создавая их, если таковые напрочь отсутствовали, символисты вовсе использовали Библию. Друг в друге они видели и Жену, облеченную в Солнце, и Зверя, выходящего из бездны. Конечно, книга Откровение больше всего привлекала земных символистов своими небесными символами. И они «играли словами, коверкая смыслы, коверкая жизни» (В. Ходасевич, «Некрополь»).

Увлечение демонизмом, оккультизмом, спиритизмом, черной магией было повальным. Писательница Нина Петровская, бывшая музой и Андрея Белого, и Валерия Брюсова, пыталась решить личные проблемы с помощью нечистой силы; сам Валерий Брюсов периодически устраивал спиритические сеансы, которые посещал и Владислав Ходасевич. Андрей Белый и Александр Блок были мистиками. По пред-

ложению писателя Михаила Булгакова в его квартире устраивались игры по вызыванию духов: «Давай соберемся, столик покрутим».

Прошу прощения за большое количество цитат, но для характеристики того времени лучше представить слово современникам эпохи.

«Поразительно невежество нашей интеллигенции в вопросах религии». «В поголовном почти уходе интеллигенции из церкви и в той культурной изолированности, в которой благодаря этому оказалась эта последняя, заключалось дальнейшее ухудшение исторического положения». «Легион бесов вошел в гигантское тело России и сотрясает его в конвульсиях, мучит и калечит». «Интеллигенция отвергла Христа, она отвернулась от Его лика, исторгла из сердца своего Его образ, лишила себя внутреннего света жизни и платится, вместе со своей родиной, за эту измену, за это религиозное самоубийство» (С. Булгаков, русский философ и богослов).

В одной из статей газеты «Комсомольская правда» от 25 ноября 2006 года есть такие слова: «В начале XX века общество сходило с ума по спиритическим сеансам...»

Можно возразить, что многое было игрой, дурашливостью, пафосом, жаргоном, состоящим из смеси божественного и сатанинского. Однако заигрывание с силами зла, их безответственный призыв не остается не услышанным. Играя с огнем, не понимая всей опасности подобной забавы, они всеми силами готовили и свою гибель, и гибель многих других в «мировом пожаре» с кощунственным возгласом: «Господи, благослови!» Эгоизм и сибаритство шли рядом с этой увлеченностью.

И действительно, очень быстро интеллектуально-окультиные игры 1900–1910 годов переходят в богохульство 1917-го и далее. Например, некоторые стихи Есенина и его друга Мариенгофа невозможно привести здесь из-за их сверхкощунства.

«Когда наступил Октябрь 1917 года, Маяковский заявил: „Моя революция“, и это означало не только то, что он принял ее, но и то, что совершилась именно его революция, которую он предсказывал и которую так страстно ждал для себя и для всех трудящихся людей. Поэт воспринял революцию не просто как планетарный социальный взрыв, но и как новое творение мира и человека, но уже не Богом, а самими людьми. „Сегодня пересматривается миров основа“, – сказал он в поэтохронике „Революция“, написанной в апреле 1917 года» (М. Пьяных, «Серебряный век» русской поэзии).

Страшно читать воспоминания Ивана Бунина, могу процитировать здесь только самые «мягкие» строчки: «Богохульство, кощунство, одно из главных свойств революционных времен, началось еще с самыми первыми дуновениями „ветра из пустыни“». Сологуб уже написал тогда „Литургию мне“, то есть себе самому, молился дьяволу: „Отец мой дьявол!“ и сам притворялся дьяволом. В петербургской „Бродячей собаке“, где Ахматова сказала: „Все мы грешницы тут, все блудницы“, поставлено было однажды „Бегство Богоматери с Младенцем в Египет“, некое „литургическое действо“, для которого Кузьмин написал слова, Сац сочинил музыку, а Судейкин придумал декорацию, костюмы, – „действо“, в котором поэт Потемкин изображал осла, шел, согнувшись под прямым углом, опираясь на два костыля, и нес

на своей спине супругу Судейкина в роли Богоматери. И в этой „Собаке“ уже сидело немало и будущих „большевиков“: Алексей Толстой, тогда еще молодой, крупный, мордастый, являлся туда важным баринoм, помещикoм в енoтoвoй шубе, в бoбрoвoй шапке или в цилиндре, стриженный а-ля мужик; Блок приходил с каменным, непроницаемым лицом красавца и поэта; Маяковский в желтой кофте, с глазами сплошь темными, нагло и мрачно вызывающими, со сжатыми, извилистыми, жабыми губами... Тут надо, кстати, сказать, что умер Кузьмин, – уже при большевиках, – будто бы так: с Евангелием в одной руке и с «Декамероном» Боккаччо в другой».

«Символисты: как старшие (В. Я. Брюсов, Ф. К. Сологуб, З. Н. Гиппиус и др.), так и младшие (А. Белый, А. А. Блок, В. В. Гиппиус и др.) утверждали индивидуальное начало в качестве главного. Они пересмотрели отношения индивида и коллектива. Символисты вывели человека за пределы общества и стали рассматривать его как самостоятельную величину, равную по значению обществу и Богу» (В. Семигин).

*Пусть же гром ударит и в мое жилище,
Пусть я даже буду первой грома пищей!*

Поэт Николай Минский

И гром ударил, и покатались золотисто-кудрявые головы, сброшенные под колеса революционного бронепоезда. А за ними и другие, не такие кудрявые, не такие золотистые... И наступила эпоха государственного богоборчества, тотального уничтожения христианства, геноцида верующих. Жеманные заигрывания с сатаной обернулись его звериным оскалом.

И в других странах искусство далеко не всегда производило на свет картины, подобные «Тайной вечери», или торжественные кантаты Баха, написанные для богослужения. И там возникали потрясения и гражданские войны. Однако нигде они не приняли такого размаха ни по жертвам, ни по временным рамкам, как в СССР.

* * *

Бог каждого наделяет талантом. У кого-то этот талант блещет гением сквозь века для всего человечества, у кого-то скромно освещает узкую жизненную тропку для близких ему людей. Первый вопрос – обнаружить и развивать Господний дар, второй – служить им Творцу. Если же служение талантом направлено не к Богу, то последствия весьма и весьма трагичны. Сколько светочей угасло в рукавах смиренных рубашек, предварительно разрушив изнутри личность гения: Ги де Мопассан, Фридрих Ницше и другие?! Зинаида Гиппиус, та, что называла себя поэтессой и сатанессой, когда-то провозгласила: «Я люблю себя, как Бога!» Она, правда, не попала в психиатрическую лечебницу, но закончила свою жизнь в полном расстройстве разума, сидя целыми днями в кресле с кошкой на руках, которая стала ее единственным собеседником и которую она звала: «Кошшшшшка!»

Нет нужды пересказывать трагические судьбы «буревестников» революции, говорить об их разрушенных семьях. В божественной своей молодости они не ценили верность в супружеской любви, легко заводя романы, случайные связи. Не ценили христианскую этику и идеалы Библии. Разве могли они пред-

положить, что в будущем им стоять по колено в крови у ворот Лубянки, умирать от голода в холодных коммуналках, висеть на темных балках заброшенных чердаков, лежать с прострелянными головами на тюремных дворах?! И не только им, но и детям, и внукам.

И это были не частные трагедии отдельных семей. Это была трагедия многих народов в отдельно взятых республиках. Идеологическая подготовка для 70-летнего террора велась долго, несправедливо было бы обвинять в этом только Серебряный век. Тайные общества всегда притягивали людей, попытки встать над Богом были во все времена, овладеть оккультными знаниями пытались каждое поколение, заигрывание с тьмой не прекращалось никогда. Но когда массовая культура провозглашает своей идеологией нравственную распушенность, насмешку над Творцом, гордость в самом дьявольском ее проявлении, пропаганду насилия и террора, то вскоре эта идеология становится государственной. Умы масс готовы принять участие в избиениях. Выросло поколение, отравленное атмосферой безбожия, чувством безнаказанности свыше. И теория переходит в практику, слово – в дело.

Не правда ли, угадываются знакомые черты современности в истории столетней давности? В Израиле правление Елифана Антиоха, сирийского царя из династии Селевкидов, толкуется как предвозвещение правления антихриста. В маленькой капелке локального тиранства его безграничность жестокости и богоборчества отражает период Великой скорби. Со времен Маккавеев минули века, теперь об этом рассуждают только историки и богословы, но Бог вписал эту страницу в человеческую историю

как предостережение, хотя оно и не отменит роковой Седьмины.

В историю России народ вписал свою кровавую страницу, она также не отменит конца Земли, но сделать выводы, не участвовать в подготовке к пришествию антихриста обязан каждый. Ибо самое страшное безумие – это неумение извлекать уроки из прошлого или забывать их.

Рассматривая Серебряный век с высоты нашего времени, зная уже ожидающие его трагедию и гибель, хочется назвать его веком Хрустальным: обманчивым и хрупким. Начало века прошедшего, как часовня из гоголевского «Вия», – благочестивая форма храма Святой Руси и бесовское содержание. Благовест России закончился в 17-м Серебряным звоном разбившегося Хрусталя, который и возвестил наступление маленького Армагеддона и пришествие маленького антихриста в отдельно взятой стране победившего социализма.



СТАТУС-КВО

*Вот и двадцатый кончается век,
И завершается этот забег.
Кто-то сошел и остался лежать.
Кто-то еще продолжает бежать...
Равные шансы – бегун и беглец.
Где он, наш финиш и он же концы?*

А. Арканов

– Замучили проблемы на дорогах! Это еще ничего, а вот я в прошлом году в Саратове в пробке стоял на мосту через Волгу, вот это да, я вам скажу! Жара, духота, я в машине посреди моста – никуда не деться.

– Так мы с вами земляки, выходит? Вы саратовский? Я там родилась, только родители переехали оттуда, когда мне было два года, ничего не помню, конечно. Рассказывали, что в семидесятых очень тяжело там с продуктами было – в магазинах ничего не достать.

– Ой, да не так уж плохо и было. Вообще, что за манера ругать советские времена? Не одной колбасой жив человек. Духовность зато была!

От растерянности немею на несколько секунд:

– Духовность? Это какая же?

– Всякая. Комсомольская, пионерская, стройотрядовская. Люди во что-то верили, к чему-то стремились.

– Разве сейчас не так же? И верят, и стремятся.

– Нет, теперь все не так. Кругом одно ворье. А с ценами на ЖКХ что творится! Нет, вы видите, что творится с ценами на ЖКХ?

От возмущения он повернулся ко мне и гневно посмотрел в глаза. В это время впереди стоящие автомобили сначала дернулись, а потом тронулись с места и медленно поползли по городской магистрали. Позади раздались нервные сигналы. Таксист схватился за рычаг переключения скоростей и продвинул машину вперед метров на двадцать, затем мы вновь заняли стабильное положение покоя. Длинную автомобильную пробку по тротуару обгоняли прохожие и мальчишки-велосипедисты. Один из них задорно помахал нам рукой, демонстрируя преимущества своего транспортного средства.

– Вот я в пятнадцать лет уехал из дому в другой город, в техникум поступил. Вы отпустите сейчас своего ребенка после девятого класса в чужой город? Нет, не отпустите. И никто не отпустит. Все вокруг только для себя, под себя. Даже в тюрьме порядка нет.

Опять немею от изумления:

– В каком смысле – нет?

– В прямом. Не поверите, даже воровские законы перестали исполнять так, как надо.

Это был убойный аргумент против существующего положения вещей. Возразить было нечего.

Несмотря на то что мы продолжали глотать городскую пыль через открытые окна, буквально задыхаясь в томящем безделье автомобильного затора, водителя просто несло – он говорил быстро, взволнованно, торопясь высказать все, что накопилось. Мне пришлось выслушать целую лекцию об иерархической

тюремной системе, о знакомых депутатах – бывших рэкетирах, о «перекрашенных» полицейских. Поймав мой недоуменный взгляд, он на минутку прервал монолог и спросил:

– Не знаете, кто это?

Я молча помотала головой.

– Ну, это те, которые раньше были бандитами, а теперь стали полицейскими.

И лекция понеслась дальше. Из ее малосвязанных между собой частей удалось понять следующее – человек много чего пережил. Самарский техникум, армейская служба в Афганистане, рыболовецкие суда Балтики, легкая уголовщина времен перестройки, небольшой срок заключения, и вот уже двадцать лет он колесит по улицам нашего города. И через каждое предложение – громкая похвала себе, любимому: «А он мне навстречу прям вышел, руку пожал, телохранители просто остоленели»; «Я с предыдущим губернатором за одним столом сидел»; «К нему домой часто приезжал, его все уголовные авторитеты боялись, а я нет»; «Всего сам достиг, всего сам в жизни добился» (это он про работу таксиста, что ли?); «Моя вторая жена на десять лет меня моложе» (пришлось опустить голову, чтобы не увидел на лице едва сдерживаемый смех). Он разбирался во всем: в политике, экономике, кинематографе, медицине, системе образования, спорте, юриспруденции, сельском хозяйстве, тактическом вооружении и в отрасли тяжелого машиностроения.

Мы медленно двигались к цели поездки в потоке городского транспорта, а маленький человечек, в майке с маслянистыми пятнами, в клетчатых шортах и шлепанцах на босу ногу, все говорил и говорил.

И с каждой минутой все рос и рос в своих глазах. Перескакивая с предмета на предмет в бесконечном разговоре, он периодически возвращался на самую любимую тему – уголовную:

– Бандиту нужно только одно – деньги. А вот мелкой шавке какой-нибудь главное не это, а возможность унижить, раздавить, уничтожить морально. Ему не шмотки с побрякушками нужны, ему нужно забрать ваше достоинство, смешав личность с грязью.

* * *

Забрать чужое достоинство, чтобы восстановить свое, напрочь утраченное. Наверное, на какое-то мгновение, пока длится унижение другого, у истязателя возникает иллюзия собственной значимости, но быстро исчезает, и озлобленное, униженное существо вновь бродит в поисках очередной жертвы. Не так ли и бывший светозарный херувим, некогда утративший свое достоинство, столетиями рыщет по планете, «как рыкающий лев, ища кого поглотить» (1 Пет. 5:8)? И уничтоженные им, в первую очередь, как свободные личности, достойные ранее общения с Богом, а теперь ставшие рабами воплощенного зла, также бродят в поисках потерянного уважения.

Ах, как хочется вернуть ту значимость, восстановить первоначальный статус-кво! Именно оно, это бесконечное в веках томление по разорванной связи с Творцом, по возможности быть личностью рядом с Личностью, и мучит человека, и не дает успокоения ни на каких достигнутых вершинах карьеры, богатства и власти на земле. Всегда это гнетущее чувство неудовлетворенности, ощущение несовершенства и униженности.

Среди людей, наделенных большими полномочиями, занимающих посты и обладающих высокими статусами, а также капиталами: «заводами, газетами, пароходами», – мало найдется тех, кто доброжелателен, приветлив и не пытается каждую секунду вновь и вновь напомнить собеседнику, какая важная персона снизошла до разговора с ним. Как правило, спесь и уничижительно-пренебрежительное отношение – норма в такой беседе.

Диктаторы и тираны древнего мира разработали целые ритуалы, призванные подчеркнуть недосягаемую высоту, на которую вознесен правитель, и ничтожнейшее положение простого смертного. Зверские пытки и казни – это способ не только устрашения, но, в первую очередь, способ забрать достоинство провинившегося: жалок и ничтожен человек, растерзанный палачом и залитый кровью, сломленный страхом и болью. Великолепные дворцы, роскошные одежды, золото и драгоценности, парадные выходы и многочисленная свита – не так уж и нужны они человеку сами по себе. Они нужны как подпорки для поддержания статуса. Автомобили класса «люкс», многометровые яхты, ценники на одежде с названиями ведущих домов моды, кольца и браслеты, которые никогда не одевают, а хранят в подземных сейфах швейцарских банков, членство в закрытых клубах – все это лишь для поддержания имиджа высокоуважаемого человека.

Но зачем эта агрессивная демонстрация власти и богатства, когда всего чересчур? Ведь и так страницы «Forbes» донесут до всего света имена «самых достойных людей мира», экраны телевизоров растиражируют нового идола, а интернет запестрит обсуждениями

и комментариями. А для того, что, даже обладая всеми сокровищами земли, достигнув абсолютной власти, человек будет в глубине души знать, что он прах и в прах возвратится (Быт. 3:19). Поэтому и нет полного удовлетворения и радости от осознания собственного могущества.

Извлечь «из страшного рва, из тинистого болота» (Пс. 39:3) может лишь Господь. Восстановление статуса венца творения возвещается в Библии многократно.

«Кто будет исполнять волю Отца Моего Небесного, тот Мне брат, и сестра, и мать» (Мф. 12:50).

«Я уже не называю вас рабами... но Я назвал вас друзьями...» (Ин. 15:15).

«Но вы – род избранный, царственное священство...» (1 Пет. 2:9).

Верующие прекрасно знают эти слова, эти тексты Священного Писания. Однако многих из них не удовлетворяет то достоинство, которое дает Иисус вместе с даром спасения. И вместе с безумным миром участвуют они в бесполезном забеге под девизом «Кто круче?».

В Эдемском саду сатана растоптал человеческое достоинство, уничтожив его. А взамен дал призрачную, лживую цель – догони сам себя. И вот мы бежим бесцельно, так, чтобы только бить воздух, «для получения венца тленного» (1 Кор. 9:25).

И оно нам надо?



СТОКГОЛЬМСКИЙ СИНДРОМ

– Слушай, а женщин мы тоже будем убивать?

– Ну, Бен Роджерс, если бы я был такой неуч, я бы больше молчал. Убивать женщин! С какой стати, если в книжках ничего подобного нет? Приводишь их в пещеру и обращаешься с ними как можно вежливее, а там они в тебя мало-помалу влюбляются и уже сами больше не хотят домой.

М. Твен, «Приключения Тома Сойера»

В августе 1973 года бежавший из тюрьмы заключенный захватил в центре Стокгольма четырех сотрудников банка: одного мужчину и трех женщин. Затем по требованию преступника туда был доставлен его товарищ. Ультиматум стандартный – оружие, деньги, автомобиль. Захватчики обращались со своими жертвами жестоко: накинутые им на шею веревки не давали возможности присесть – сразу начиналось удушье; двое суток их не кормили, постоянно угрожали расправой и для убедительности тыкали под ребра дулами автоматов. В течение шести дней полиция предпринимала попытки освободить заложников, и их усилия увенчались успехом: операция прошла без жертв.

Каково же было удивление стражей правопорядка, когда вместо благодарности они встретили

агрессивные нападки со стороны освобожденных. Те защищали террористов, пытались помешать полиции, уверяли, что бандиты – «добрые люди, что они их не боялись, что ничего плохого они не делали». Впоследствии бывшие заложники собрали деньги и оплатили адвоката, представлявшего интересы бандитов в суде. А две молодые женщины, из числа все тех же заложников, обручились в тюрьме с этими преступниками.

Именно тогда это явление получило название «стокгольмский синдром», хотя подобное поведение заложников было описано еще в 1930-х годах. Бывает, что, заметив спецназовца, жертвы предупреждают о его появлении, закрывают террористов от пуль. А однажды преступник спрятался в толпе заложников, и его никто не выдал. В наши дни, когда сообщения о подобных трагедиях поступают из всех уголков земного шара, есть примеры проявления стокгольмского синдрома. Например, случай Патти Верст в 1974-м или захват японского посольства в Перу в 1998 году.

Специалисты объясняют появление стокгольмского синдрома стрессовой ситуацией, в которой оказываются заложники, говорят, что это защитная реакция на шок. К тому же, если время заточения длится достаточно долго, между преступниками и их жертвами устанавливается какое-никакое общение, заложники узнают о требованиях и «справедливой борьбе», начинают сочувствовать и отождествлять себя со своими мучителями.

Но для террористов заложники – это всего лишь способ достижения своих целей. Ответных чувств у них нет.

Ко всему-то подлец-человек привыкает!

Ф. Достоевский, «Преступление и наказание»

Стокгольмский синдром проявляется не только в таких масштабных трагедиях, как захват заложников вооруженными бандитами. Мир насилия огромен и разнообразен. Не знаю, кому принадлежит высказывание: «Мы заложники своих детей», но годы подтверждают этот тезис. Сейчас речь не о методах и проблемах воспитания, хотя понятно, что все идет оттуда. Речь о том, что наша старость – время немощи, болезни, угасания – очень сильно зависит от тех, кого мы вырастили. Детские обиды, как правило, справедливы и очень сильны. Сломанное детство отольется в мощный протест на всю жизнь. Немудрое, безответственное отношение, прежде всего, к духовному развитию ребенка даст такие всходы, что пожинающий их прольет много горьких слез. И ладно, если это будет одинокая старость без семейного тепла, помощи и сочувствия. Более жесткий вариант – побои, унижения, издевательства.

О домашнем насилии над детьми и женщинами на протяжении десятилетий говорят все социальные и правоохранительные службы, пишет пресса, вещают телевидение и радио. Созданы центры психологической помощи, открыты горячие линии телефонов доверия. Но все это не ведет к решению проблемы: за закрытыми дверями и глухими стенами льются слезы. Зачастую есть реальные выходы из домашних застенков, есть возможность освободиться, но жертвы остаются верными своим насильникам. И, конечно, у каждого есть «знакомая, которая

много раз разводилась и вновь выходила замуж, но каждый раз за очередного садиста».

* * *

*Он смерил Берлиоза взглядом, как будто соби-
рался сшить ему костюм... – и громко и радостно
объявил:*

– Вам отрежут голову!

...Берлиоз спросил, криво усмехнувшись:

– А кто именно? Враги? Интервенты?

*– Нет, – ответил собеседник, – русская женщи-
на, комсомолка.*

М. Булгаков, «Мастер и Маргарита»

Бывает так, что в заложниках оказываются целые народы. В годы, когда на одной шестой части земной суши строился коммунизм, население было в заложниках у государства. Со Сталиным и сотоварищами – все ясно, но многомиллионные доносы друг на друга писали не они. Отождествление жертвы и мучителя было почти стопроцентным. И головы резали не интервенты и враги, а... (см. эпиграф из романа М. Булгакова). История двадцатого века для СССР как хроника преступления: захват, плен, освобождение. Но...

Заложники в стокгольмском банке были освобождены, но они навсегда остались в плену. Те веревки, что охватывали их шею, затянулись в крепкий узел странной ностальгии по тем дням, которые прошли в смертельной опасности. Конечно, пережив подобный ужас, почти никто и никогда не станет свободным от воспоминаний. Но почему оценка прошлого так неадекватна?

Страшная и великая история исхода Израиля из египетского плена всегда будет потрясать воображение потомков. Сладко ли было в рабстве? Тяжкий труд, удары надсмотрщиков, полное бесправие, незаконное убийство новорожденных еврейских мальчиков. Вопль к Богу. Посланный вождь. Чудеса и казни. Пасха. Чермное море. Свобода. И ропот: «Мы сидели у котлов с мясом, когда мы ели хлеб досыта!» (Исх. 16:3). Это они плен вспоминают. И на протяжении всего пути к земле обетованной не один раз вспоминают. Добрым словом вспоминают! Хорошо там было – всего много, всего досыта. Правда, спина вся в кровотокающих рубцах, правда, сыновей-младенцев убили, но в остальном – «они добрые люди и ничего плохого не делали».

Неадекватная оценка прошлого – это следствие стокгольмского синдрома. И эти бесконечные мантры: «Зато нас уважали (с нами считались, боялись, кормили)!» Правда, не любили.

* * *

Ты восшел на высоту, пленил плен...

Пс. 67:19

Разговор в фойе церкви после богослужения. Пожилая женщина обращается к бывшему наркозависимому, завершающему курс реабилитации и исполняющему обязанности дежурного при входе:

– Сынок, правда, хорошее было сегодня собрание?

– Да, мне первая проповедь очень понравилась.

– Вот видишь, как с Богом-то хорошо. Наверное, прошлую жизнь как страшный сон вспоминаешь?

– Нет, воспоминания сладкие...

Для справки. В реабилитационный центр он пришел после многолетних безуспешных попыток порвать с наркотиками. После кровавых шприцов и грязных подворотен. Со страшными хроническими диагнозами. С разбитой семейной жизнью. Естественно, пришел добровольно. Но с вышеупомянутым синдромом.

Человек рождается грешником. Грех – истязатель и палач. Он приводит к физической и духовной смерти. Люди находятся в вечном плену. Однако Христос пленил плен, дал освобождение, заплатил выкуп за рабов. Но бедные, подневольные, страдающие и вопиющие любят своего страшного хозяина и, даже познав истину, страдают стокгольмским синдромом. Если у нас воспоминания о греховной жизни сладки, если мы можем пойти на компромисс с совестью, если можем позволить себе «чуть-чуть несвятой жизни», то надо молить Господа об освобождении из плена. Пусть у каждого из нас раз и навсегда будет порвана та веревка, что затянулась в крепкий узел странной ностальгии по тем дням, которые прошли в смертельной опасности.

Р. С. Кстати, ностальгирующее поколение израильтян так и не вошло в землю обетованную.



СТОЛБИКИ, КАМЕШКИ, ЗАРУБКИ

Просто удивительно, как по-разному можно смотреть на одни и те же вещи, события, явления. Оценивать их с диаметрально противоположных точек зрения. Трактовать с точностью «до наоборот».

Любители детективов и криминальных историй знают, как часто свидетели повествуют о происшествии настолько отлично друг от друга, что кажется, каждый говорит о своем событии. Любители шуток и иллюзий часто используют эту особенность людей – субъективный взгляд отдельно взятого индивида – для розыгрышей и забав. Все, наверное, знают веселые картинки типа «Сколько лиц вы видите здесь?» И каждый выдает свой результат. Психологи пытаются объяснить и использовать эту характерную черту человека в своих методиках по изучению внутреннего мира людей.

Элементарный пример, хорошо известный по учебникам физики для средних школ. Глядя на чайную ложку, опущенную в стакан с водой, мы видим, что на границе воздух-вода она «сломана». Об этом

свидетельствуют наши глаза. Но это же не так! Обман зрения. Чего уж ждать от загадочного «сознательного-бессознательного», «психодуховного» и «потустороннего», ежели естественная, физическая среда не всегда то, чем представляется, а наши собственные органы чувств, призванные снабжать своего владельца точной и оперативной информацией об окружающей действительности, норовят подвести. И как легко бывает, чуть подправив эту самую действительность, направить человека в то русло, в которое нужно. Лишь подтолкнуть, ненавязчиво, плавненько, как, например, это сделал герой-злодей из романа Жюль Верна «Пятнадцатилетний капитан»: незаметно подложив под компас железный брусок, он отклонил курс судна так, что путешественники оказались не у берегов Америки, а Африки. Или, собрав воедино разношерстные наши впечатления, суждения и откровения, привести их к общему знаменателю, как, например, это сделали отцы-основатели психоанализа.

Итак, далеко не все свидетельства надежны даже в грубой материальной повседневности, тем более нет уверенности, что видимое соответствует реальности, когда сталкиваешься с «тонким» миром.

* * *

Читаем у пророка Иеремии вот такой диалог. На его увещания оставить идолов и обратиться к Господу иудеи, живущие в Египте после бегства из разоренного Иерусалима, отвечают так: «Слова, которое ты говорил нам именем Господа, мы не слушаем от тебя; но непременно будем делать все то, что вышло из уст наших, чтобы кадить богине неба и возливать ей

возлияния, как мы делали, мы и отцы наши, цари наши и князья наши, в городах Иудеи и на улицах Иерусалима, потому что тогда мы были сыты и счастливы и беды не видели. А с того времени, как перестали мы кадить богине неба и возливать ей возлияния, терпим во всем недостаток и гибнем от меча и голода» (Иер. 44:16–18). Пророк возражает: «Не это ли каждое... вспомнил Господь? И не оно ли пришло Ему на сердце? Господь не мог более терпеть злых дел ваших и мерзостей, которые вы делали; поэтому и сделалась земля ваша пустыней, и ужасом, и проклятием, без жителей, как видите ныне» (Иер. 44:21–22).

Абсолютно разное объяснение происходящему. Причина перепутана со следствием. Выросло поколение, воспитанное на идольских образах. Отступничество поразило Богом избранный народ от правителя до раба. Нет ясной и четкой картины мира, объективной оценки событий. Опираясь на ложный духовный опыт, несчастные изгнанники блуждают в поисках выхода и не находят его.

Еще один библейский пример. Сеннахирим, царь Ассирии, осадил Иерусалим. Его посланники явились под стены города с письмом: «На что вы надеетесь и сидите в крепости в Иерусалиме?.. Разве вы не знаете, что сделали я и отцы мои со всеми народами земель? Могли ли боги народов земных спасти землю свою от руки моей? Кто из всех богов народов, истребленных отцами моими, мог спасти народ свой от руки моей? Как же сможет ваш Бог спасти вас от руки моей?.. Если не в силах был ни один бог ни одного народа и царства спасти народ свой от руки моей и от руки отцов моих, то и ваш Бог не спасет вас от руки моей» (2 Пар. 32:10, 13–15).

Логика железная: ни один народ не спасся от ассирийского войска, ни один бог не помог, сколько бы жертв ему ни приносили, значит, и здесь победа будет за Ниневией.

Искать опору своим действиям, доказательство своей правоты и указатели для пути в невидимом духовном мире свойственно человеку всегда, в любые времена и на всех континентах.

Наши дни. Тусклая очередь в поликлинике. Старушки-пензионерки с палочками и амбулаторными карточками коротают долгие часы ожидания под дверью врачебного кабинета в разговорах.

– Вот как пойду на прежнюю работу, бывших коллег навестить, обязательно вернусь с головной болью, – жалуется одна пожилая женщина в платке, повязанном до самых бровей. – А соседка мне и говорит, что сглазил кто-то.

– Да нет, вряд ли, – сомневается другая.

– Как это – нет? – сердится первая. – Сколько раз проверяла: как пойду туда, так головная боль разыграется, не унять.

Объяснение получено, духовный ориентир дан, был принят и укоренился. Ну, и кто теперь убедит, что это не так?

* * *

Каждый человек вместе с житейским опытом в течение жизни приобретает и духовный. И он такой же прочный, выстраданный и прочувствованный. Кто откажется от мудрости своих лет? Ну, если только в самом крайнем случае, под давлением каких-то необыкновенных доказательств-обстоятельств. Так это ж будет крах всей жизни. Кризис.

Кошмар. Потеря ориентации: «Зачем жили, чему служили?»

Так и с духовным опытом. С годами каждый наступал в туманном ином измерении свои столбикориентирчики, свои камушки, на которые ножками опирается. В уголочках памяти рассованы на всякий случай свои приметтики-примечалочки, в шкатулочках-ридикюльчиках запрятаны амулеточки-талисманчики (так, ничего особенного, какой-нибудь брелочек или смешной толстопузенький Будда, за десять рублей купленный в газетном киоске).

И привязаны-повязаны мы к этим столбикам, зарубкам, суеверным сувенирчикам крепко-накрепко. И легонько управляют они нами, ненавязчиво подталкивают к духовному рабству. Ну, вот пока кадили богине неба, жили счастливо, перестали – напасти посыпались. И какой пророк ломает наш духовный опыт? Побеждали силой своей, почему же и дальше не маршировать победно? Опыт-то есть. И никто не переубедит, что не сидит в бывшем родном учреждении злыдня, которая порчу наводит на пенсионерку: и люди знающие подсказали, и сама неоднократно убеждалась – так и есть. Опыт, никуда не деться, да-с...

А сомнений в достоверности опыта не возникает, нет. Чего сомневаться-то? Это ж было (видели, чувствовали, проверяли, осязали)! Самый, конечно, неколебимый – это опыт исцеления. «А за жизнь свою отдаст человек все, что есть у него» (Иов, 2:4). Слова сатаны справедливы для многих и многих. Попробуйте убедить «исцеленного» экстрасенсом человека, что подобная помощь страшнее любого недуга. Но не только «чудо исцеления» поработает. Поразительные

для плотского ума переживания медитации, «вдруг» открывшиеся паранормальные способности, сбывшиеся «откровения» вокзальных гадалок и популярных пророков, «случайно» прочитанный и попавший «в точку» газетный гороскоп, прилетевший в голубом вертолете волшебник – ярчайший опыт. Как от него избавиться? Лишь работа Духа Святого над сердцем несчастного может помочь повернуться в сторону света.

* * *

У каждого христианина также свой путь в жизни, свои обстоятельства, свои испытания и искушения. Свои победы и поражения, свое возрастание в вере. А вот знаменатель у всех должен быть один – Слово, Которое было у Бога и Которое было Бог (Ин. 1:1). И дорожные указатели в духовном мире одни: библейские определения греха и праведности, покаяния и прощения, примирения и наказания. Именно библейские, а не из собственного житейского опыта, не из оккультного загатника, не из убедительных примеров про «тетку двоюродного деда моего старшего кузена», с которой «был случай».

И лишь покаяние перед Творцом способно изменить наше мышление, обновить ум, преобразовать внутреннюю реальность, дабы объективно оценивать внешнюю.

* * *

И в заключение еще один пример разного взгляда на события.

В своих воспоминаниях о муже вдова известного советского поэта-песенника, очень популярного

в СССР и в постперестроечной России, поведала такую историю.

В 1947 году фронтовик и будущий любимец эстрадных звезд был арестован по обвинению в «пропаганде буржуазного образа жизни». Молодой человек, закончив войну на Эльбе, прошел, как говорится, всю Европу. Даже разоренная войной, она не могла не поразить советского человека своей ухоженностью, комфортом, разумным обустройством. Вот об этом в впечатлении он часто рассказывал своим товарищам. И вскоре оказался далеко не только от родного города, но и Европы. А в 2000 году в квартире мэтра раздался телефонный звонок. Звонил тот, кто более полувека назад написал донос. Признался, покаялся, попросил прощения. А через месяц трагически погиб.

Мои размышления после чтения: Отец Небесный приготовил человека к вечности. Столько лет он носил в себе груз предательства и подлости, но Господь дал сил для покаяния.

Вывод, данный в рассказе: зло было наказано, как того и заслуживало.

И вы, дорогие читатели, можете подвести собственный итог этой истории. И у каждого он будет свой – в зависимости от ориентиров, знаменателей и верстовых столбиков, отмеряющих наш земной путь в мире небесном. Но главное – это сделать правильный анализ своего опыта, в том числе и духовного.



У КАЖДОГО СВОЯ ЦЕЛЬ

Печаль мирская производит смерть.

2 Кор. 7:10

Внаши дни человечество окончательно пришло к убеждению, что жизнь – это бесценный дар, который надо беречь и охранять. Хотя на фоне происходящих событий странно писать эти слова, но, по крайней мере, так заявляют. И мы живем в эпоху усиленного декларирования необходимости ее защиты и несколько безуспешных усилий по реализации этих деклараций.

Более развитые страны пытаются решить эту проблему, в частности найти способы продления жизни. И, в общем-то, Западной Европе и Северной Америке есть чем хвалиться: все большее количество людей благополучно доживают до 90-летнего юбилея, увеличивается и количество тех, кто достигает более преклонных лет. Цель человечества – долгая жизнь без болезней и старения.

Но вместе с тем растет и число людей, всеми силами старающихся жизнь свою сократить. Официальная статистика сообщает, что миллион человек каждый год добровольно прерывает земное существование.

Эксперты же утверждают, что это число надо умножить на четыре.

Инстинкт самосохранения заложен в каждом живом существе. Тем удивительнее явление суицида. Кто приезжает к неудачным самоубийцам после кареты скорой помощи? Правильно, психиатры, поскольку для подавляющего большинства людей человек, решивший добровольно расстаться с жизнью, однозначно психически нездоров. Его действия противостественны, как и сама смерть. Его надо лечить от нелюбви к жизни, спасать от саморазрушения.

Безусловно, самоубийства совершают под действием алкоголя или наркотиков деградированные и морально подавленные люди. Но эти причины стоят на десятом месте в списке причин суицида.

Самоубийства совершают в состоянии аффекта и истерии, с безумной идеей: «Вот сейчас умру, а потом посмотрю, как они все плакать надо мной станут!» Эти причины занимают восьмое место, и это, как правило, подростковый суицид.

Иногда у людей бывает помрачение разума от великого и тяжелого горя, когда человек вслед за ушедшими в мир иной близкими тоже делает шаг в безвозвратное.

Однако наибольшее количество самоубийств происходит от страха перед разоблачением и наказанием за преступление. На третьем месте те, кто прощается с жизнью из-за финансовых неурядиц. А вот между первыми и последними местами в этом списке располагается самый многоликий класс: нереализованные в жизни, но с лихвой надеющиеся восполнить сей пробел в смерти. Кого здесь только нет: болезненно переживающие бесконечные несправедливости

по отношению к СЕБЕ, страдающие от несчастной любви, от непонимания окружающих и одиночества, испытывающие пренебрежение начальства и крах служебной карьеры.

И еще одна, очень ПРОСТАЯ, причина – потеря смысла жизни. И вот эти-то самоубийства, как правило, совершают спокойно, хладнокровно, с продуманным планом действий, с прощальными записками, составленными четко и ясно, как завещания. Их совершают сильные духом (по человеческим меркам) люди, пришедшие к простому выводу: смысла в жизни нет. И они абсолютно правы, если жизнь по определению есть лишь существование на земле.

Нет, конечно, мы придумали огромное количество смыслов, каждый может выбрать свой лозунг и умиленно размахивать им, шагая из темного прошлого к светлому будущему. Например, любовь (каждый вкладывает свое понятие в это слово, но звучит красиво: смысл жизни – любовь). Или – дети (благородно), или – наслаждения (эпатажно, с вызовом обществу). Можно выбрать – счастье будущих поколений (почти, как про детей, но размах намного шире). А быть может, прогресс и развитие цивилизации (глобально и научноподобно). Ну и совсем простенько, но с претензией на философскую позицию – ради жизни как таковой. Каждый может добавить свои причины, чтобы обусловить земное существование.

Мир, скорее всего, обязан отсутствием эпидемий самоубийств не столько инстинкту самосохранения (желанию жить), сколько человеческому страху перед неизвестностью, которая стоит за смертной чертой. Страх смерти – самый сильный страх. Смерть – это последний враг, противоестественный и жуткий.

В христианской культуре, как и в некоторых других, препятствием является и страх наказания за непрощаемый грех, передаваемый из поколения в поколение религиозными традициями, а также кошмарной историей отношения общества к самоубийцам. Чего только ни делали, чтобы всем наглядно продемонстрировать презрение к суицидальным личностям, а также наказать самоубийц за их смерть здесь, на земле, быстрее, чем это будет сделано на Небе. Например, тела самоубийц выставляли в обнаженном виде на посрамление, конфисковывали имущество, протаскивали по улицам селений, привязав к повозке, лицом вниз, запрещали хоронить на кладбище или вообще хоронить. Для острастки живым! Но все это не останавливало людей сводить счеты с жизнью, поскольку при долге и здравом размышлении все-таки человек должен признать, что смысла в существовании нет.

Венец творения был создан для общения, созидания, самореализации, любви. Все это должно было осуществляться в Божьем присутствии. Однако люди оказались в несколько ином окружении, в окружении себе подобных – грешных, потерянных, духовно слепых, морально неразборчивых, сомневающих, изменяющих. И вот в этой-то компании и надо любить, творить, общаться и реализовываться. Ясное дело, что все приняло форму трагедии и фарса: неудержимые амбиции, зависть, желание подавлять и властвовать, быть впереди (но при этом не перетруждаться), безудержное стяжательство, глянцевая жизнь на виду у завистливой публики.

Лихорадочно существуя, люди крепко-накрепко связаны друг с другом, зависят друг от друга: жена –

от мужа, муж – от жены; дети – от родителей, родители – от детей; больные – от врача, врач – от больных; ученики – от учителя, учитель – от учеников; народ – от власти, власть – от народа; прихожане – от пастора, пастор – от прихожан.

И вот на этих взаимосвязях мы основываем свою жизнь. И, конечно, связи рвутся, оказываются крайне ненадежными в самое неподходящее время (а когда оно будет подходящим для ненадежности?). И в одно прекрасное (или не очень) утро вдруг приходит ясное, почти эйнштейновское, понимание: все относительно и зыбко, неустойчиво и предательно. И наступает «день Помпеи»: казавшиеся мощными каменные истуканы – наши идолы – вдруг рассыпаются, как песчаные фигурки от набежавшей морской волны, фундамент мировоззрения трескается и проваливается в бездну, небеса над головой раскалываются и поражают молниями, красивая и казавшаяся такой надежной, тщательно спланированная и прочно выстроенная жизнь складывается карточным домиком. «И чего я боялся, то и пришло ко мне» (Иов, 3:25).

Из этого первобытного хаоса есть два выхода: либо освобождение от ложных ценностей и начало новой жизни, либо окончательная гибель и полное уничтожение. Именно сейчас, когда все, что было смыслом жизни, вдруг исчезло, наступает «момент истины»: либо человек уходит вслед исчезнувшему миру, либо ищет и обретает новую цель. Легко написать такую пафосную фразу: «освобождение, обретение», но реальная жизнь намного сложнее, большее, страшнее. И для многих страшнее и больнее, чем смерть.

Есть сильные личности, которые поражают примерами жизнелюбия, душевной стойкости, победы

над обстоятельствами. О таких людях пишут в газетах, снимают фильмы. У них берут интервью, тиражируют их опыт. Но их можно по пальцам перечесть. На каждый такой «палец» приходится тысячи и тысячи тех, кто не преодолел, не нашел, не смог. И все призывы «взять себя в руки», «собраться» и «успокоиться» бессильны.

И тогда приходит мысль о том, что после смерти будет мир, тишина и полный покой. Посеянная дьяволом идея находит благодатную почву и прорастает смертями – физической и духовной. И сатана вполне достигает своей цели.

Однако у человека другие цели. Его цель – возвращение в рай, который он когда-то потерял, воссоединение с Творцом, от Которого когда-то отвернулся. Его цель – вечная жизнь с Христом, его Спасителем.

Даже если у человека на протяжении всей жизни ни разу не возникли суицидальные мысли, если самостоятельное прерывание жизни ему представляется дикостью и невозможным поступком, тем не менее он является духовным самоубийцей, если его цель – долгая и счастливая жизнь ТОЛЬКО на земле.

Правильно выбирайте свои цели, друзья!



ЭПОХА МАТРЕШЕК

Мир изменился. Ну, не то чтобы очень сильно. Грех остался, зависть и ненависть никуда не делись. Любовь, как и прежде, удивляет и радует. Сеяние и жатва не прекратились, а в городах и селениях слышен голос жениха и невесты. На смену зиме приходит весна, гремят грозы, а после дождя на небе появляется радуга. Однако мир все же изменился (впрочем, это происходит с каждым поколением): в мировой экономике, культуре, общественных отношениях, структуре поведения. Особенно заметно это после масштабных катастроф, мировых событий: революций, войн, кризисов.

После всего того, что человечество наворочало в XX веке, мы плавно перешли в новую эпоху под названием постмодернизм. Именно так охарактеризовал в 70-е годы прошлого века состояние науки, культуры и общества в целом французский философ и теоретик литературы Жан-Франсуа Лиотар. Некоторые современные мыслители идут еще дальше: они называют наше время временем «ничто» или

«постэпоха». То есть «все позади», «все в прошлом»: постиндустриальная, посткапиталистическая, постлиберальная, посттеологическая, постгуманистическая. Этакий постскрипtum.

Главное, чем отличается постмодернизм, – это отсутствие официальной теории общества и отсутствие официальной идеологии. Люди в них разочаровались. Ныне живущее поколение еще наблюдало крах теорий национального и интернационального единства, исторически ранее потеряли актуальность различные учения о государственности и идеалы утопистов. Поэтому мы и пришли к тому, что нет единой, претендующей на верное описание мира установки. Все относительно, нет абсолюта, нет авторитетов. Это основная тенденция, которая на Западе наступила 40 лет назад, а у нас, как всегда, на этот срок задержалась, зато сейчас процветает бурно и безудержно – всё и все имеют право на существование: от клубов по игре в шахматы до гей-парадов.

Однако никто и ничто не может существовать в подвешенном состоянии, без ориентиров, без примеров для подражания, без точки отсчета, без системы ценностей, без координат, без опоры, без основы. И они есть. В великом множестве. У каждого – СВОИ, заполонившие мир, накладывающиеся друг на друга, пересекающиеся и сталкивающиеся. Они дробятся, ломаются, мельтешат и мельчают. Разрушают внутренний мир человека, обедняют его, опустошают, примитизируют, оглупляют. Примета времени – у каждого СВОЯ правда. Маленькая, скукоженная, непризнанная другими, противоречащая здравому смыслу и словам Творца. Зато родная и любимая. А это и есть официальная идеология эпохи, которая

так точно выражена в словах актрисы Тильды Суинтон, сыгравшей в фильме «Хроники Нарнии» роль Белой Колдуньи: «В наше время и культура, и политика подталкивают нас к тому, чтобы быть свободными от каких бы то ни было сомнений. А сомневаться нехорошо. Это ересь, язычество, грех. Сомнение не приведет ни к чему хорошему... Если ты в чем-то сомневаешься, значит, ты слаб, а слабости полагается стыдиться. Отсюда повсеместно случаются депрессии. И кажется, я нашла способ, как этого избежать. Быть бесконечно самоуверенной, а значит – свободной».

Не сомневайтесь, не переживайте ни о чем, любите себя, простите сами себя (в прощении других не нуждаетесь), не мучайтесь от чувства вины. Помните, что вы всегда правы, что имеете право на самореализацию, на ошибку, на подлость, на предательство (с кем не бывает), на измену (все так живут). Вы этого достойны (денег, власти, красоты, комфорта, косметики «Л'Этуаль», кусочка счастья, украденного у других, да и Куршавеля достойны, в конце концов). Вам простительны «маленькие» слабости (эгоизм, капризы, моральная нечистота и этическое слабоумие). И пусть никто не смеет вас поучать, наставлять, критиковать, давить на психику и лишать индивидуальности.

Удивительное дело: то, что не удалось эпохе тоталитаризма, удалось эпохе плюрализма. Строители коммунизма были все одинаково одеты, причесаны, говорили одинаковыми словами-штампами, пели одни песни, маршировали с одинаковыми плакатами. Нерасполагали к разнообразию в быту и скудные магазинные полки, к тому же деспотичные режимы вообще тяготеют к униформе, поэтому при них все на редкость единообразны. Как матрешки. Но! При всей уравниловке

и тотальном формализме люди 30 лет назад сохраняли внутреннюю индивидуальность. Именно она ценилась больше всего: собственное мнение, героико-романтическое стремление отстаивать его перед лицом агрессивного государственного контроля, преданность высоким идеалам. Конечно, и тогда подобных людей было меньшинство, но примером были именно они: погибшие в тюрьмах, прошедшие ГУЛаг, депортированные из страны. Были и остались.

Сегодня люди тоже готовы отстаивать свои убеждения: карьеру, деньги, свечной заводик или личную мясохладобойню. Пестрота товарных рядов слепит глаза. Наверное, это неплохо. Постмодернизм, достигнув берегов Страны Советов, освободил внешнего человека, но полностью поработил внутреннего: люди стали, как никогда, зависимы от мнения окружающей среды и ее идеологии – идеологии гламура. Вот теперь и формируется настоящее поколение матрешек: румяно-веселых, успешно-спортивных, загорело-худощавых, в футболках с тигровыми принтами, в лохматых сапогах а-ля Сергей Зверев (не знаете такого? Счастливые вы люди), с надписью «Dolce & Gabbana» на высокой красивой груди и, главное, вечно молодых («кукольный» век недолог, поэтому они так боятся и стыдятся старости). А вот и герои нашего времени: Перис Хилтон, Ксюша Собчак, какой-нибудь Тарзан или Децл (если эти имена вам ничего не говорят – радуйтесь). Для 26 % сегодняшних российских старшеклассников идеалом становятся именно они, а также образы, созданные киноэкраном (для еще 15,5 % молодежи). Именно эти «носители культуры» рассуждают в ток-шоу о высоких материях и «вечных» ценностях, а не академики и профессора-философы.

При наличии таких идеалов было бы лучше, если бы их вовсе не было.

Наше время избыточествует людьми, начисто лишенными какого бы то ни было личного мировоззрения. Они, как пустой сосуд, готовы вобрать в себя любое содержание. Копируя, перенимая чьи-то манеры говорить, привычки, стиль одежды и даже каждодневное меню, набивают свой внутренний мир подобием чужой жизни. И эта чужая жизнь выскакивает порой из них, как из большой матрешки ее маленькая копия. И дело даже не во внешнем подражании! Дело в том, что за философски оформленными постулатами о том, что все относительно и нет авторитетов, стоит постулат о вседозволенности и откровенной пропаганде греха. Если очистить от всех фиговых листков рассуждения постмодернистских агитаторов, то мы получим в чистом виде моду на грех. Распущенную сексуальность называют свободой любви, бесконечную смену партнеров – уважением к себе, агрессивно-нахрапистое поведение – освобождением от комплексов. Любой наш грех объяснят вывихом тазобедренных суставов при рождении, агрессивной средой в детском саду, что посещали в 5-летнем возрасте, или отсутствием игрушечной железной дороги, которую так хотелось иметь в нежном возрасте. Мы с вами ни в чем не виноваты. Это все обстоятельства и плохая наследственность. А наш необузданный эгоизм – нормальное поведение относительно нашей же системы координат, на которую имеем право. Человечество, греховное по своей сути, наконец-то дожило до эпохи, когда преступлений перед Творцом не надо бояться и стыдиться, поскольку подобраны «правильные» термины и «отменена» высшая точка отсчета.

Ползучий синдром политкорректности, как ядовитый туман, просачивается и в двери церкви, нивелируя грех. И мы слышим стройный хор голосов: «Надо добрее быть к людям, прощать недостатки и отступления». Но на практике это означает терпимость к греху и примирение с ним.

Происходит процесс дехристианизации, и это связывается с завоеваниями демократии и мерами по недопущению каких бы то ни было форм дискриминации. Распад семей в общинах приобретает катастрофический характер, и самое ужасное, что это только начало подобной ситуации; озабоченность материальными благами проникает в церковь: 20 лет назад предложить брату или сестре деньги за помощь было оскорблением, теперь обратная ситуация является оскорблением. Корысть сквозит изо всех щелей, разводы и второй или третий брак стали почти нормой, во всяком случае, никого не удивляют, не возмущают, не пугают. И все чаще общины тщательно цедят комара и проглатывают верблюда.

Быть может, это приметы времени. Последнего времени, о котором Христос не только не говорил, что в оное будет достигнут высокий моральный уровень и необыкновенный духовный расцвет, а наоборот: *«Но Сын Человеческий, придя, найдет ли веру на земле?»* Однако у нас есть возможность отказаться от своей основы, построенной на человеческих прихотах и сиюминутных желаниях, и идти по жизни с ориентирами Бога. Потому что всегда есть те, кто не стал матрешкой своей эпохи.

СЧАСТЬЕ
НА БОЛОТНОЙ
КОЧКЕ





ЗМЕЙ-ГОРЫНЫЧ

*А говорил в сердце своем: «Взойду на небо,
выше звезд Божиих вознесу престол мой
и сяду на горе в сонме богов, на краю севера;
взойду на высоты облачные, буду подобен Всевышнему».
Но ты низвержен в ад, в глубины преисподней.*

Ис. 14:13–15

Эти стихи Библии открывают весь вертикальный размер Вселенной, видимой и невидимой: нет точки выше и нет точки ниже. Самый верх и самый низ, максимум и минимум вечности. Вчитайтесь в эти строки, и испытаете ощущение, как на качелях, когда дух захватывает при падении со сверкающей высоты в зияющую бездну.

Отражение гор в неподвижном водоеме дает перевернутый вид, который кажется идентичным реальному объекту, как будто линия горизонта разделяет две одинаковые картинки, и только некоторая замутненность отображаемого в воде выдает подлинное положение вещей, указывая, где истина. Так и стремления Люцифера осуществились, но только в перевернутом виде: престол он получил, сонм подчиненных тоже. Другой вопрос – где.

У иного человека жизнь, как горный хребет, что состоит из громадин-пирамид. Пирамид АМБИЦИЙ. И кажется, что пик его достижений упирается в голубизну неба, а на деле – в илистое дно топкого болота.

Латинское слово «ambitio» означает тщеславие, честолюбие, суетность. Практически во всех европейских языках слово «амбиция» имеет отрицательную окраску. Синонимы – спесь, чванство, властолюбие, обостренное чувство собственного достоинства, гонор, апломб, зазнайство.

В письме к Тимофею Павел писал, что великим приобретением для человека является состояние, когда он благочестив и всем доволен (1 Тим. 6:6). Обычно эти слова цитируют, когда рассуждают об отношении человека, христианина, к материальным благам. Но, помимо этого, у нас есть и духовные потребности, к рассуждению о которых также актуально это место Священного Писания. Каждый человек, помимо хлеба насущного, нуждается в любви и признании, стремится быть значимым и состоявшимся, реализованным и принятым. Бог предлагает все это Своему творению. Библия говорит: отверженные и угнетенные, разочарованные и поработанные, трудящиеся и обремененные найдут покой и мир у ног Христа. Что еще надо? Оказывается, что еще много чего. Например, чтобы у моих ног (не у плеча, не на груди и не в жилетке) находили утешение страждущие. Например, чтобы быть в центре постоянного внимания; развивать свои способности, а другие при этом становятся рабочим материалом. И легче всего это сделать именно в церкви, в религиозных кругах. Окружающий мир жесток, коварен, беспощаден. Каждый сам за себя. На поверхность выбиваются единицы, становясь символами успеха. На них смотрят с восторгом и завистью, следя за взлетами и падениями, радуясь неудачам и гибели. Трудно и страшно быть одному, когда за тобой не стоит сообщество, к которому ты

принадлежишь. И многие приходят в церковь, как в социальную нишу: я не один, нас много, меня сначала выслушивают, а потом и слушают. Иногда только меня. Церковь дает не только защиту и уверенность, но и возможность реализовать свои амбиции.

«Кто учит иному и не следует здоровым словам Господа нашего Иисуса Христа и учению о благочестии, тот горд, ничего не знает, но заражен страстью к спорам и словопрениям, от которых происходят зависть, распри, злоречия, лукавые подозрения, пустые споры между людьми развращенного ума, чуждыми истины, которые думают, будто благочестие служит для прибытка. Удаляйся от таких. Великое приобретение – быть благочестивым и довольным» (1 Тим. 6:3–6). В этом тексте апостол предостерегает Тимофея от влияния бродячих философов и риторов, зарабатывающих на хлеб своим краснобайством. Однако это ремесло привлекало не только и не столько материальными благами, сколько славой и поклонением, которые доставались разглагольствующему софисту. Дион Хризостом писал: «Бормотание толпы приводит их в восторг... Подобно людям, бредущим в темноте, они всегда идут туда, где аплодируют и кричат». Эти говоруны сразу почувствовали все преимущества церкви – есть где развернуться, сыпля громкими фразами, по-хамелеонски подстраиваясь под атмосферу доверия и поддержки. Усердные последователи будущих веков активно эксплуатировали христианство для удовлетворения своих амбиций, достигая богатства, славы, власти.

«Если есть на земле дьявол, то он не козлоногий рогач, а трехголовый дракон, и башки эти его – трусость, жадность и предательство. Если одна прикусит

человека, то уж остальные его доедят дотла». Эти слова произносит герой романа братьев Вайнеров знаменитый капитан Глеб Жеглов. Список драконьих голов коротковат, да и самая главная голова отсутствует – зависть. Но заимствованный образ верно передает суть: хвост древнего змея нет-нет да и выглянет из-под нарочитой скромности, что паче гордости, из-под фарисейской набожности, что хуже безбожия, из-под фанатичной ревности, что страшнее бездействия. И в лучах славы и власти скользит тень отца гордости, по горам спеси бродит Змей-горыныч.

Амбиции не терпят рядом с собой человека более одаренного, более целеустремленного, более трудолюбивого. Присутствие конкурента физически невыносимо. Неудовлетворенное тщеславие ноет, как гнилой зуб. Глаза суживаются до щелочек, через которые сочится ненависть, губы вытягиваются в ниточку – змеиный облик проступает. И тогда предательство и подлость, как громилы-телохранители, выступают вперед и наносят поражающий удар: «Всякий как будто хочет отмстить кому-то за свое ничтожество» (Федор Достоевский, «Дневник писателя»). Гордость и спесь не в состоянии понять и принять, что за любым успехом стоит хотя бы маломальский труд, посвящение делу. Они хотят все сразу, здесь и сейчас, без затрат и усилий. А вопли ущемленного самолюбия воспринимаются за страдания и тяготы и на основании этого уже требуют славы и почестей.

Человек, написавший биографию Владимира Высоцкого и хорошо знающий актерскую среду, говорит о вопросе амбиций и зависти следующее: «Люди не умеют отвести проблеме успеха, карьеры определенное и конкретное место в своей жизни, не умеют

загнать эту проблему в изолированный отсек, не смешивая со всем остальным. В результате ущемленное честолюбие разъедает душу изнутри, яд обиды отравляет все на свете, и ничто уже не радует: ни любовь, ни встреча с новыми людьми, ни солнечный день. И творческая энергия иссякает, поскольку она неразумно израсходована на бессмысленные страдания» (Владимир Новиков).

Амбициозный человек всегда коварен, его палец – на спусковом крючке, патрон – в патроннике. Настал момент – и кнопку нажали, давно приготовленная программа пошла. Он не остановится ни перед шантажом, ни перед предательством, ни перед доношением. Он извратит всю информацию, он вынесет все интимные подробности на потребу толпы, он использует все промахи близких ему людей, он не пощадит ни младости, ни старости. Будет дергать за все нужные нити, как паук, чтобы опутать и не упустить жертву. Для него нет рубежей, для него нет границ, через которые не смог бы переступить. В кармане всегда есть камень или тридцать сребреников. Для всех – полная неожиданность: «Ах, вот он какой!» А это просто изменились обстоятельства, под натиском которых привычная маска благолепия падает. Или мгновенная реакция в критической обстановке, когда не успевают сработать актерские способности, открывает настоящее лицо. Или борьба за вожаемую высоту, когда она переходит в стадию «не на жизнь, а на смерть», приводит к тому же результату. Спасая себя, свои цели, добываясь результата, он всегда пойдет на подлость, на продажу близкого друга, на попрание всех принципов, всех норм. О таких говорят: идет по трупам.

Не менее опасно остановить такого человека на его пути. Боль уязвленного самолюбия будет ужасна, а месть – страшна! Превращение Люцифера в сатану началось, когда кощунственные амбиции потерпели крах: всегда второй. Ненависть Каина к Авелю разгорелась, когда религиозные амбиции потерпели крах: Бог не принял форму поклонения, потому что не было содержания. Саул начал преследовать Давида, когда честолюбивые амбиции потерпели крах: он не единственный народный герой. Иуда предал Иисуса, когда алчные амбиции потерпели крах: ни богатства, ни славы, ни власти. Фарисеи осуждают Бога на смерть, когда властолюбивые амбиции потерпели крах: Его авторитет больше их. Толпа поддержала распятие Христа, когда национальные амбиции потерпели крах: много разговоров о Царстве Небесном, а возрождения великой империи Соломона все нет и нет.

Человека легче всего зацепить крючком гордости. Несколько раз в жизни я здорово попадала на эту приманку, когда кто-то бросал подобный вызов моему тщеславию. Последствия бывали самые печальные, а вынесенные уроки – болезненными. Да простят меня мужчины, но порой кажется, что при умелом подходе девяносто процентов сильного пола легко подчиняются гипнотическому слову: «Слабо?» И добропорядочные отцы семейств, закусив удила, как новорожденные жеребята, взбрыкнут и побегут доказывать, что «не слабо». Именно на это слово сатана пытался поймать Христа при искушении в пустыне. Фактически все его вопросы можно передать именно так: «Слабо?» Через время и пространство слышим: «Докажи, что Ты – Сын Божий. Прояви Свою силу. Похвастайся, удиви, порази».

«А можешь сделать камни хлебом?»

«А можешь поклониться мне? А за это...»

«А можешь броситься с высоты храма вниз?»

Кто из нас лишен притязаний и целей? Никто. Кто не хочет быть лидером, победителем? Все хотят. Но для достижения этого существуют два противоположных пути: путь усилий и терпения, политый собственным потом, и путь интриг и лени, политый чужой кровью.

Есть мудрое рассуждение, кто есть трус. Страх присущ каждому, страх – это инстинктивная защита. Трус тот, кто является рабом своих страхов. Храбр тот, кто господствует над страхом. Так обстоит дело и со спесью, что досталась человечеству как оскомина от плода с дерева познания добра и зла. Можно быть рабом своих амбиций, а можно реально оценивать свои способности и, самое главное, объективно оценивать приложенные усилия. «Амбиции хороши, когда они такого же роста, как и сам человек» (неизвестный автор).

Мы живем в век тотального рабства. Наверное, человечество никогда не было так поработано, как сейчас. Флотилии кораблей с невольниками на борту, рынки с живым товаром прошлых эпох – ничто перед чудовищной массой современных рабов алкоголя, наркотиков, азартных игр, табака, поп-культуры, моды, вещей. А еще все и всегда являются рабами своих амбиций, и от них освободиться намного труднее, чем от самой вредной привычки. Амбициозный человек – слабый человек. Он зависим от своего большого самолюбия, делает и сделает все, чтобы его удовлетворить. Он не имеет внутреннего стержня, подвержен внешнему влиянию, склонен к слепому

копированию своего кумира, пытаюсь всегда соответствовать, быть похожим, он зависит от чужого мнения – работает только на него: «Ах, мне сорок лет, мой бывший одноклассник ездит на „джипе“, а я все еще на велосипеде!»; «Ах, мне сорок пять, а я все еще клерк в фирме, а мой сосед уже давно босс!»; «Ах, все уже носят одежду от „Армани“, а я все в отечественном свитере!»

Из подобных восклицаний состоит вся его жизнь. Гонка за внешним престижем никогда не заканчивается. Нет уверенности внутренней, нет спокойствия и рассудительности, что дает Божий мир.

«Ничто так не тянет на дно, как берущие верх амбиции» (Леонид Сухоруков).

Достигнутые за чужой счет высоты не опираются на труд и способности, поэтому подобны мыльному пузырю: огромные, радужные и пустые. Чем больше становятся, тем тоньше стенки, которые когда-нибудь да лопнут. И вот тогда раздается чавканье – это многоголовый Змей-горыныч завершает трапезу, круша последние остатки совести, чести, морали, круша дружбу, доверие, братство, любовь.

«Погибели предшествует гордость, и падению – надменность» (Притч. 16:18). И не так страшно падение карьерное или материальное, как падение духовное: «В преисподнюю низвержена гордыня твоя со всем шумом твоим; под тобой подстиляется червь, и черви – покров твой» (Ис. 14:11).

* * *

В сказках, легендах, эпосах «старины глубокой» созданы образы героев-змееборцев. С приходом христианства перешли они в жития святых и церков-

ные предания. Филологи-этнографы рассказывают нам о противостоянии славян и кочевников-степняков, которое отражают эти сказы, но мы можем увидеть в них образ Воина, победившего древнего змея. И борьба с ним началась не во время Великого переселения народов и не с битв Владимира Святославовича с печенегами, а с того сражения, что было проиграно человечеством в Эдемском саду, и с той надежды, что звучала в словах библейских пророков, обещавших приход Избавителя.

И в свое время Он пришел: «Дух Господен на Мне; ибо Он помазал Меня благовествовать нищим и послал Меня исцелять сокрушенных сердцем, проповедовать пленным освобождение, слепым – прозрение, отпустить измученных на свободу, проповедовать лето Господне благоприятное» (Лк. 4:18–19).

У каждого есть возможность вырваться из когтистых объятий, выйти из темных пещер заключения, спуститься с амбициозных вершин. Самое трудное – это понять и признать, что нуждаешься в таком освобождении. И здесь молитва наша сливается с псалмом: «Испытай меня, Боже, и узнай сердце мое; испытай меня и узнай помышления мои; и зри, не на опасном ли я пути, и направь меня на путь вечный» (Пс. 138:23–24).



КОТ В МЕШКЕ, ИЛИ ПОЧЕМ РЕЙШИ ДЛЯ НАРОДА?

Вдверь позвонили. Бдительно глянув в глазок, оторопела: на лестничной площадке стоял молодой парень в белоснежной рубашке с галстуком, несмотря на тридцатиградусную жару, и, широко улыбаясь, приветственно махал рукой. Как не открыть человеку, так радующемуся встрече со мной?!

– Вам очень повезло, – объявил он сразу. – У нас рекламная акция. Обходим квартиры, и тем, кто оказывается дома, дарим подарки. Вот!

И он быстро сунул мне в руки коробку с «удивительно уникальной» теркой, «которая все трет и не ржавеет». Следом я получила «шикарный» нож из «титанового сплава, изготовленный по космическим технологиям». Сверху на эти две коробки он водрузил электродрель с «неперегорающими батарейками и нестирающимися сверлами». Под конец, где-то уже на моей голове, поместился набор столовых ложек из «высококачественной» стали, «удобных в использовании и не имеющих аналогов даже в Букингемском дворце». Последнему утверждению поверила сразу.

– Все бесплатно, абсолютно бесплатно, это акция, это подарок! – не переставал вещать парень, периодически пожимая мне руку с поздравлением, что мне так повезло.

– Вам осталось только заплатить пять тысяч, это налог на выигрыш, – заявил он в конце.

Заявление не было неожиданным: во время всего его монолога-выступления я ждала этой сакраментальной фразы. Уж нам ли, пережившим становление капитализма в России в 90-х, не понаслышке знающим про МММ, «Канадскую кампанию» и прочие пирамиды – сетевые маркетинги – беспроигрышные лотереи, не знать финала подобных «счастливых» встреч?!

– У меня нет таких денег.

– А сколько есть? – деловито осведомился молодой человек.

– Нисколько.

– Дайте хотя бы сто рублей.

Вдруг стало его так жалко...

– Сколько вам лет?

– Двадцать один.

– Вам бы учиться пойти или достойную работу найти, в смысле человеческого достоинства. Что ж Вы старьем торгуете?..

Я показала на замусоленные коробки, безвозвратно потерявшие белоснежный цвет, который когда-то у них был. Углы обшарпались и лохматились картонным нутром. Было ясно, что их давно таскают по подъездам, перекладывают из рук в руки и ведут бесконечный радостно-напряженный диалог с фальшивой улыбкой на лице и глухим раздражением в душе против клиента, который никак не хочет быть облапошенным.

- Я не торгаш!
- Конечно, нет. Давайте назовем вас коммивояжером.
- Кто это? – удивился парень.
- Да, не поклонник Вы классической литературы...
- Мне некогда читать, я работаю!

* * *

Они давно вошли в нашу повседневную жизнь и стали обыденным явлением. Мы привычно отбиваемся, отмахиваемся, отключаемся, отгораживаемся, механически сминаем в кулаке очередную бумажку-рекламку из почтового ящика. Или заинтересованно слушаем, делаем заказы и покупки, пользуемся услугами и принимаем предложения. И не всегда это плохо, и порой очень даже нужно, и важно, и удачно. Реалии современного мира, ничего не сделаешь, никуда не денешься.

Телефонные звонки операторов мобильной связи и провайдеров интернета, продавцов пылесосов и сотрудников салонов красоты, страховых компаний и различных банков – все предлагают, требуют, настаивают: «выбери меня». Объявления о курсах по подготовке «высококвалифицированных» предпринимателей, в ряды которых предлагается незамедлительно влиться; семинары для тех, «кто хочет быть успешным и реализованным»; работа для «коммуникабельных и амбициозных». Зарплата – «от...», рабочий день – «до...», возраст, пол и социальное положение – «значения не имеют», образование – «можно без». Шикарные условия. Здесь все всегда шикарно на начальном этапе. Бесплатные консультации,

установки, презентации, демонстрации. Увлекательное шоу, в конце которого попросят заплатить. Однако не деньги главная ценность, хотя и конечная цель.

Главная ценность – люди, которые принесут эти деньги. Поэтому так важно собрать базу данных – друзей, знакомых, друзей наших знакомых, знакомых наших друзей. Родственники, родственники родственников, друзья родственников наших родственников – все сгодятся, все получают СМС-сообщения, все услышат телефонные звонки, все будут настойчиво, многократно приглашены.

* * *

Конечно, по количеству знакомых и друзей никто не может сравниться с верующим человеком, членом церкви. Поэтому поместные общины всегда представлялись лакомым кусочком для сетевого маркетинга и иже с ним.

Волна повальной капитализации докатилась до христиан с некоторым опозданием, что вполне естественно – традиции старых и период становления новых церквей явились сдерживающим фактором. Однако пришел праздник коммерции и на наши улицы.

За последние десять лет многие из нас стали очевидцами и непосредственными участниками процесса проникновения MLM (так «по-научному» называется распространение товара через друзей и знакомых) в общины. MLM – это многоуровневый маркетинг от английского multilevel marketing. Вот что пишет по данному поводу всезнающая Википедия: «Сетевой маркетинг может рассматриваться как форма внемагазинной розничной торговли, особый

вид прямых (персональных) продаж, при которой сбытовые агенты (дистрибьюторы) фирмы-производителя самостоятельно устанавливают, в первую очередь на основе личных связей, прямые контакты с потенциальными покупателями. Продажи обычно осуществляются на дому у покупателя. Продавец покупателю определенный товар, дистрибьютор предлагает ему за установленный процент от объема продаж найти новых покупателей; тем, в свою очередь, предлагают на тех же условиях найти очередных покупателей и т. д. Таким образом создается многоуровневая сеть покупателей-продавцов (в различных сетевых компаниях их называют по-разному – партнерами, независимыми владельцами бизнеса, дилерами, консультантами, консультантами по продажам, независимыми агентами и т. д.)». То есть создается разветвленная сеть, для которой чем больше продавцов-покупателей, тем лучше.

* * *

Зима выдалась затяжной. На фоне серого неба, мокрого снега и унылой промозглости замучили гриппы и ОРЗ. Но даже посреди холодных будней есть теплые вечера и приятные встречи.

Нет ничего лучше, как устроиться в уютной кухне с чашкой горячего чая, вазочкой с конфетами и душевными разговорами с друзьями обо всем: о детях, о книгах, о службе, о последней услышанной проповеди, о прошлом, о планах на будущее, о долгой зиме, о далеком лете.

– Попробуй-ка вот этот чай...

Очередной пакетик залит кипятком, напиток настоялся и приятно пахнет какими-то травами.

– Ну, как? Он очень полезен, поскольку содержит измельченный гриб рейши. У меня есть знакомые, продают самые разные виды чая. Есть и для укрепления иммунитета. Правда, он в четыре-пять раз дороже, чем обычный, но стоит того. И раз уж речь зашла о продуктах, попробуй вот этот грибной суп. Он содержит витамины, минералы и необходимые нашему организму микроэлементы. Покупаю там же. Готовить не надо, достаточно развести порошок в теплом молоке и взболтать. Удобно, вкусно, полезно. И вес не прибавляется!

Как же приятно вот так неспешно болтать о супах и диетах, зеленом чае и витаминах под свист закипающего чайника, под дробь холодного дождя за окном, под тихую музыку Вивальди!

* * *

– Привет, у меня для тебя сюрприз! Встречаемся завтра в четыре!

– Что за сюрприз?

– Не скажу! Кот в мешке!

Слова оказались пророческими.

* * *

Современное здание в центре города из стекла и бетона. Бизнес-центр. В длинных коридорах множество фирм, офисов, компаний.

«БЕТА-ТУР: почувствуй вкус отдыха вместе с нами».

«ЭКСПРЕСС СТРАХОВАНИЕ: жизнь или кошелек».

«ОХРАННОЕ ПРЕДПРИЯТИЕ „ЛЕТУЧАЯ МЫШЬ“: мы видим в темноте».

«БАНК „ТРИ КРЕДИТКИ“: заем без залога и поручителей».

Останавливаемся у дверей без всяких опознавательных знаков, заходим в полупустую комнату с круглым столиком посредине и несколькими пластиковыми стульями. Вдоль стены пустые офисные шкафы. Навстречу поднимаются двое: мужчина лет сорока с асимметричным лицом (нос слегка сдвинут вбок, одна скула явно больше другой) и женщина-вамп, лет тридцати пяти, в черном коротком платье, красных колготках и высоких сапогах-ботфортах. На застывшем лице-маске, обрамленном черными распущенными волосами, крутыми дугами выведены брови, ярко-красные губы имеют явно искусственное происхождение, глаза выражают слегка презрительный интерес к вошедшим и непоколебимую уверенность в собственной неотразимости.

– Проходите, проходите, здесь будет удобно. Нашего фирменного чаю? Какой желаете – малиновый, смородиновый, ромашковый? – Алексей (так представился мужчина) услужливо-предупредителен. – А мы только что переехали, вот расширяемся.

Пакетики в пластиковых стаканчиках, чайник уже закипел. Мы размешиваем сахар алюминиевыми ложечками, представление начинается...

– Вы относите свои деньги в супермаркеты, покупая синтетические продукты, отравленные модифицированным крахмалом и вредными консервантами. Зачем?! – патетика в голосе нарастает. – А врачи?! Они выписывают нам бесконечное количество химии, за которой мы бежим в аптеки! Это просто ужас! Но есть, есть выход из этого порочного круга! Это наша продукция! Наши уникальные чаи и грибные

супы, наш кофе и шоколад с микроэлементами, витаминами, протеинами, белками, углеводами, сахарами, глюкозидами и алкалоидами! Все сбалансировано, легко усваивается, жизненно необходимо и относительно дешево – всего-то полторы тысячи за двести пятьдесят граммов!

Да-а, не так я представляла поход за чаем...

На смену уставшему Алексею пришла боевая подруга. Манерно растягивая слова (неотразимость обязывала), она поведала пару удивительнейших историй об исцелении их продуктами от самых страшных заболеваний типа плоскостопия и псориаза, а уж как худели и стройнели на глазах потрепавшие чай женщины, так и поведать нельзя – слов нет.

И тут у меня началась шизофрения.

* * *

Шизофрения (от древнегреч. – раскалываю ум, рассудок) – полиморфное психическое расстройство (или группа психических расстройств), связанное с распадом процессов мышления и эмоциональных реакций (все та же всезнающая Википедия).

Действительно, ум раскололся напополам, процесс мышления распался, эмоциональные реакции перестали соответствовать моменту. С одной стороны – классический развод, хорошо знакомый нам по тем же пресловутым 90-м. Продавцы сомнительного товара даже не удосужились придумать с тех времен что-нибудь поумнее (а может быть, я так глупо выгляжу, что можно всякую ерунду говорить). С другой – меня сюда привели друзья из церкви, брат и сестра (то есть муж и жена, ну, вы поняли). И то доверие, что мы испытываем к родным нам во Христе, авто-

матически распространилось и на торговцев чудодейственным товаром: ну не могут служители Божьи посоветовать плохого, привести в нехорошее место, отдать на растерзание акулам империализма, то есть неутомимым труженикам сетевого маркетинга. Полная растерянность, потеря реальности и ориентации в пространстве, туман в голове и перед глазами – так приблизительно можно описать мое состояние. Мысли сбивчиво теснились в голове, воспоминания толпились и смешивались. Зимний вечер, закипающий чайник, задушевные разговоры – все это было лишь «прикормкой» очередного клиента? И так стало обидно, так жалко себя – до наворачивающихся на глаза слез, до ватности в ногах, до звона в ушах.

...А вамп и Алексей продолжали по очереди что-то толковать про силу кофе, сдобренного сушеными грибами...

* * *

«Никто не может служить двум господам: ибо или одного будет ненавидеть, а другого любить; или одному будет усердствовать, а другим – пренебрегать. Не можете служить Богу и мамоне» (Мф. 6:24). Конечно, это первое, что приходит на ум при рассуждении на такую тему. Отношение христиан к бизнесу, к различным способам зарабатывания денег менялось во времени, да и сейчас оно разнится в зависимости от конфессии. И, в общем-то, трудно дать однозначную оценку тому же сетевому маркетингу. Есть бренды с мировой известностью, чей путь по рынку начинался со структуры МЛМ, а некоторые так и остались в этом формате, насчитывая уже не один десяток лет своей истории успеха и процветания. И там трудятся

честные производители и продавцы, адекватно сопоставляющие качество и цену товара. Конечно, и отечественный рынок приближается к западному, хотя привкус обмана все еще ощущается в «уникальной» продукции родных коробейников. Есть хорошее, есть и плохое в этом явлении, но речь не об этом.

Речь о том, что невозможно, нельзя смешивать бизнес и веру, зарабатывание денег и служение. Перед дилером в церкви всегда будет стоять труднейшая дилемма – кто сидит рядом с тобой: клиент или брат? И велик соблазн видеть в ближнем клиента.

Быть может, у читателей есть положительный пример, добрый опыт сетевого маркетинга в общине. За полтора десятка лет у меня таких историй нет. Ни одной. Наоборот, как правило, МЛМ разрушал дружбу и доверие, служил соблазном и становился причиной разочарования в вере не только для покупателей, но и для самих продавцов. Возможно, мне просто не везло, как и в этот раз. Или я ошибаюсь? Что думаете вы?



ОДНАЖДЫ Я ПОСПОРИЛА С ПРИЯТЕЛЕМ...

Ну, если называть вещи своими именами, то почти поспорила. Короче, бурно пообсуждала одну проблему. События разворачивались на праздновании чьего-то дня рождения. Гостей было много. После торжественной части наступило время «междусобойчиков»: приглашенные разбились на группы по интересам. Мужчины обсуждали ремонт автомобилей и нетипичные ситуации на дорогах, женщины – школьные программы и состав церковного хора. А мы обсуждали разводы. Теперь уже невозможно вспомнить, что послужило импульсом для такой трепетной темы, но развитие разговора было настолько бурным, что вскоре привлекло внимание всех. В комнате наступила пугающая тишина, столь часто сопровождающая накал страстей, прерываемая лишь нашими возбужденными голосами.

– Ты не имеешь права так говорить, ты не переживала подобной ситуации! – грозно вещал мой оппонент.

– Но Библия говорит по этому поводу... – робко пыталась возразить я.

– Ах, оставь, пожалуйста, – досадливо взмахивал он рукой, – ты не была на его (ее) месте! А вот если бы оказалась, то заговорила бы по-другому.

Мне стало неловко. Я, действительно, до неприличия счастлива в браке, поэтому испытала мгновенный и обжигающий приступ стыда. К моей досаде, в любых, даже самых непростых и взрывоопасных ситуациях, нам удавалось с мужем найти общий язык.

Многое было пережито вместе: и съемные квартиры, и болезни ребенка, и невыплата зарплат в, как теперь говорят, «лихие девяностые», и взаимоотношения с родителями (с обеих сторон), и трудности духовного взросления, и прочая, и прочая, и прочая. Во всех конфликтах, когда отношения обострялись, меня пугало только одно: что-то рухнет в нашей жизни. Страх потерять эту неуловимую, но такую важную сущность, сковывал, и ссоры как-то сами собой увядали, сходя на «нет». Во время «разбора полетов» выяснялось: то же самое чувство потери чего-то жизненно важного охватывало и супруга, являясь и для него сдерживающим началом в разгоравшихся скандалах.

Мгновенно вспомнив все это, я покраснела, растерялась и забыла все аргументы. А речь между тем велась о том, позволительно ли верующим разводиться. При этом не рассматривались случаи садистского обращения, супружеской неверности, хронического алкоголизма и наркотической зависимости (чего уж об этом-то рассуждать?). Разговор шел о трудностях совместного проживания творческих личностей, несхожести характеров и разности взглядов на решение насущных проблем бытия. А также о невнимании одной половины к настроению и чувствам другой,

к непониманию мужских потребностей в браке женщинами и женских – мужчинами. А еще о возможности заключения повторных браков уже по любви-с, поскольку предыдущие были основаны лишь на влюбленности (о, эта изворотливая мудрость определений и терминов!). При этом была приведена такая масса убедительных примеров, что я со своими цитатами выглядела на их фоне бледно и неубедительно. К слову сказать, день рождения был «верующим», поэтому всем вокруг, тем паче моему собеседнику (проповеднику и пр.), были прекрасно известны все стихи и приводимые места Священного Писания. А вот примеры были красочны и интересны в своих подробностях, вызывали глубокое сочувствие и личное сопричастие.

В общем, я была наголову разбита. Мне посоветовали не быть ортодоксальной, смотреть на жизнь шире, помнить, что Библия содержит общие принципы теории, но практика требует специфического подхода. Кое-кто сочувственно успокаивал:

– Не переживай, традиционное воспитание дает себя знать, а так ты – неплохой человек.

Дома, пошмыгав носом, еще раз убедилась, что «не могу поступиться принципами» и ортодоксальным воспитанием.

* * *

Прошло несколько лет. Конец мая, окончание занятий в воскресной школе. Родителям предложили пройти в классы вместе с детьми, дабы торжественно отметить это событие. И вот мы, четыре мамочки, разлив чай и раздав каждому ребенку по печеню, уютно примостились на угловом диванчике,

оставив стол в распоряжении детей. Говорили о важных вещах – школьных программах (ужасные, просто ужасные!) и составе церковного хора (куда смотрит регент?). Незаметно как-то перешли на проблемы воспитания и послушания любимых чад. Открыв рот, чтобы привести какой-то довод о родительском примере и семейных ценностях в свете Библии, поспешно его закрыла, вдруг осознав всю неуместность, а главное, нетактичность своей реплики, готовой вот-вот сорваться с языка: из нас, четверых, трое были разведенными матерями-одиночками, включая учителя воскресной школы, что вела занятия в группе моего ребенка. При этом разводы состоялись тогда, когда все уже были членами церкви, и никто из бывших мужей не был ни садистом, ни вероломным изменником, ни хроническим алкоголиком, ни наркозависимым. Хотя обвинения, выдвигаемые против них деятельно-религиозными женами, были железобетонными: один мало зарабатывал, другой был рохлей и мямлей, третий оставался неверующим, несмотря на все старания супруги привести его в церковь, хотя и не запрещал ей посещать богослужения и активно участвовать в жизни общины.

Щебетанье моих собеседниц еще тревожило слух, но смысл уже не улавливался, поскольку его просто не было во всех этих специфических подходах практики, напрочь оторванных от теоретических принципов Библии. Поток мыслей подхватил мое ортодоксальное сознание и унес его далеко от залитого майским солнцем класса, резвящихся в предвкушении летних каникул детей, озабоченных дисциплиной мамочек, автоматически то и дело поправлявших сбивающиеся с головы косыночки, подобранные

в тон нарядным воскресным кофточкам. Было грустно и одиноко, и навязчивым лейтмотивом звучала пораженческая мысль: «Мы проигрываем, мы в меньшинстве». Кто это «мы»? Я и сама не знала в ту минуту: я и муж? Те, кто не развелся? А быть может, вот эти дети, что пьют чай, едят печенье и посещают воскресную школу?



ПЕТР, ИОАНН, ДИОТРЕФ И ДРУГИЕ

*Призвал учеников Своих и избрал из них
двенадцать, которых и назвал апостолами.*

Лк. 6:13

Трудная эта тема: отпавшие, упавшие, ушедшие, потерявшиеся, заблудившиеся, преткнувшиеся, обидевшиеся, соблазвившиеся (каждый сам может продолжить список). Трудная и скорбная. Нет однозначных ответов и решений. Легко впасть в крайности: от всеобщего осуждения до бесхребетного оправдания. Проблема существует со времен Иуды Искариота. Избран? Избран. Отпал? Отпал...

А сколько проповедей и комментариев прочитано и написано о нем и о Петре, трижды отрекшемся от Учителя?! Сколько рассуждений и сравнений двух этих предательств, их последствий, столь разных?! Последующие поколения продолжают размышлять и об Иуде, что был апостолом, и об Иуде, что есть в их церкви. Будут размышлять и о Петре, и будут принимать своего Петра, ушедшего и вернувшегося.

Дьяконы и регенты, проповедники и певцы, молодежные лидеры и евангелисты, бывшие студенты семинарий и руководители общин, лидеры

прославления и просто прихожане – все те, кто когда-то был членом тела Христова, но перестал им быть, где вы?

Когда человек уходит из церкви, никто не может назвать подлинную причину. Что это? Споткнулся и упал; соблазнился; не был возрожден; тернии заглушили семя истины; обиды и непонимание с пастором; борьба за перемены, казавшиеся такими необходимыми; христианство перестало удовлетворять те потребности, которые когда-то привели в его лоно?..

* * *

И, выйдя вон, горько заплакал.

Лк. 22:62

Порой причина ясна. Например, страх. Кто из ныне живущих осудит того, кто выдохнул из растерзанного тела: «Отрекаюсь...», стоя на арене амфитеатра и глядя в злобные глаза хищного зверя? Кто из ныне живущих осудит того, кто дрожащей рукой подписывает документы в застенках ЧК, а потом судорожно, без слез, давится рыданиями? Иногда на многолюдных богослужениях, особенно в праздничные дни, вдруг придет на ум: «А если бы сейчас было объявлено, что верующих лишают работы (жилья, детей, свободы, жизни), сколько бы нас осталось?» А потом еще страшнее мысль: «А я? Осталась бы?» Мама рассказывала, о чем она молилась перед так называемым «судом чести». Она твердила только одно: «Боже, только бы не отречься!» Кто знает, не наступят ли подобные мгновения для каждого из нас...

Не имеют корня, и некоторое время веруют.

Лк. 8:13

Объяснение притчи о сеятеле дал Сам Господь. Плодородный слой тонок, расположен на камне, толщина этого слоя исчисляется годами. У кого – один-два, у кого – десять-пятнадцать лет. Нам не дано знать, когда корень веры упрется в камень и полетят с бурно развивающегося дерева съезжившиеся плоды и пожелтевшие листья. Но результат мы наблюдаем и восклицаем: «Почему?!» Ничто не предвещало подобного финала, но «некоторое время» закончилось. У кого-то охлаждение наступало постепенно, у кого-то резко, как отрезало человека от тела Христова.

Бурный рост церквей в конце 80-х и начале 90-х помнит каждый. Такое не забывается: половодье весны, буйство мая – всех поэтических штампов не хватит для выражения того чувства восторга и опьянения свободой, что охватило верующих всех церквей. Молодежь и старики, целые семьи в полном составе каялись и крестились. Им никто и ничто не препятствовало. Молитвенные дома не вмещали всех желающих, и тогда строились новые церкви. Чувства были бурными, эмоции – яркими. Появились новые проповедники, новые служители. В церковь влился, стремительно и шумно, новый поток.

Многие из тех, кто принял Христа в свою жизнь в те годы, теперь стали степенными отцами и матерями семейств. Их окружают дети-подростки. Отцы стали пресвитерами или дьяконами, матери много лет поют в хоре. Их чувства спокойны и величавы; незыблема вера в Иисуса Христа.

Однако и многие из тех, кто принял Христа в свою жизнь в те годы, напротив, давно ушли из церкви, след их затерялся, вспоминаются с трудом имена. Их чувства измельчали и исчезли, вылившись в волнуемую чувствительность.

Многое из того, что взошло тогда, а потом быстро засохло, на первых порах обгоняло в росте других. Библейское образование, пламенные проповеди, ночные молитвы, слезы на глазах во время вечера – все влекло, все вдохновляло, все было интересно. Чувствительно все было, оказывается...

* * *

*Вы ищете Меня не потому, что видели чудеса,
но потому, что ели хлеб и насытились.*

Ин. 6:26

Как и вся Библия, эти слова актуальны в любые времена. В начале все тех же 90-х люди приходили в общины, получавшие тогда гуманитарную помощь. Экономическое положение в стране было тяжелым, и продовольственные пакеты, посылки, одежда и обувь оказывали существенную поддержку семьям. Постепенно поток «гуманитарки» ослабевал, и частенько была слышна фраза: «Так ведь помощь-то закончилась, чего ходить-то?»

Люди примыкают к церкви и насыщают не только свои желудки, но и гордость. Используя общину как социальную нишу, как площадку для своей реализации, для самоудовлетворения, они порой этого даже не осознают. И лишь духовный холод и окружающая мертвая зона, распространяющаяся вокруг, настаивают. Тогда часть церкви костенеет, застывает

в раз и навсегда принятой позе «явного благочестия». И идет гонка за внешней формой, идет борьба за одежду и прическу, за риторику и солирование, за первенство и авторитет.

* * *

Они вышли от нас, но не были наши; ибо если бы они были наши, то остались бы с нами; но они вышли, и через это открылось, что не все наши.

1 Ин. 2:19

Иоанн мог так написать. Вот так категорично и определенно.

Встречаю тех, кто был наставником, а теперь «вышел от нас».

Встречаю тех, с кем «верили, вместе молились и пели», а теперь «открылось, что не все наши». Конечно, здесь речь не идет о принадлежности к НАШЕЙ общине или деноминации, не о тех, кто ушел в другие церкви и союзы, и даже не о кочующих прихожанах, год за годом переходящих от одного собрания к другому и уже сделавших не один полный виток по бесконечной спирали. Разговор о тех, кто своей нынешней жизнью попирает крест Христов, яростно перечеркивая предыдущие годы служения и исповедания Евангелия. Осознанно, без угроз и давления, добровольно. Или, оглядываясь на годы своего христианства, не испытывает ничего, кроме ностальгической грусти об ушедшей молодости. Холодно, взвешенно, равнодушно.

И не могу сказать: «Не наши». Как же «не наши»? Наши, наши, ведь были же, были... Были ночные молитвы и слезы умиления и белые одежды со

стекающими каплями воды. Были и руки, простертые к чаше, и пламенные проповеди. Были посвящения и помазания, прославления и посещения. Или прав апостол, видевший того, кому Иисус подал, обмакнув, кусок хлеба? И поэтому мог сказать: «Вышли от нас, но не были наши».

* * *

Диотреф не принимает нас... Напомню о делах, которые он делает, понося нас злыми словами; и не довольствуясь тем, и сам не принимает братьев, и запрещает желающим, и изгоняет из церкви.

3 Ин. 1:9–10

Много раз читала эти строки, и вдруг: «Это кого же не пускают в церковь?! Кого поносят злыми словами? Кого изгоняют из общины?» Очевидный ответ поражает: «Апостола Иоанна, ученика, которого любил Иисус, который возлежал у Его груди, автора Евангелия и посланий, вошедших в канон Нового Завета»! Вот так! Не пускают! Небольшая группка членов церкви, преданная Иоанну, была группой изгоев! И не в царствование «наихристианнейших» монархов, коими так изобиловала история, и не в расцвет безудержной инквизиции, когда церковь оказалась оккупированной схоластами и средневековыми фарисеями. Еще далеко до эпохи государственного христианства, до официоза и духовного ожирения. Еще последователей Иисуса называют «какой-то иудейской сектой», еще живы свидетели великого воскресения, еще нечего делить в церковном приходе: ни земель, ни крестьян, ни драгоценной утвари, ни политического

влияния, ни вещей из гуманитарной помощи. Кроме веры, многих объединяет разве что возможность умереть за нее. Но плевелы уже прорастают на одном поле с пшеницей. Они межконфессиональны, универсальны во все времена и на всех континентах. Их невозможно удалить, вырвать, изгнать. И эти отступники не чета тем, кто вышел вон. Возможно, что последние покинули церковь именно из-за диотрефов, которые остались, точнее, внедрились. Как мерзкие и отвратительные полипы-паразиты, как раковые опухоли, как гнойники. И висят клещами на церкви из века в век, из тысячелетия в тысячелетие. До дня жатвы.

* * *

Отец! Я согрешил против неба и пред тобой.

Лк. 15:21

Человечество постоянно составляет договоры, соглашения, подписывает пакты, договоренности, скрепляет их печатями и клятвенными заверениями в нерушимости и долговечности. И с таким же постоянством их нарушает. Любой договор, как и его нарушение, несет свои последствия и в жизни земной, и в жизни вечной. Последние, быть может, менее заметны, но не менее реальны и значимы.

Мы обещаем Творцу добрую совесть, служение на Его ниве, заключаем с Ним договор, а потом отказываемся от своих обещаний, приходим и уходим, не задумываясь над тем, что несем ответственность перед Богом и людьми за наше служение, за наше рукоположение, за наше согласие, за наше помазание.

Дьяконы и регенты, проповедники и певцы, молодежные лидеры и евангелисты, бывшие студенты

семинарий и руководители общин, лидеры прославления и просто прихожане, где вы? Общины ждут вас. Родные и близкие ждут вас.

Бог ждет вас!

Возвращайтесь!



СОБАКА ВОЗВРАЩАЕТСЯ

Зной летнего деревенского полдня, душистый стог сена, красные ягоды малины. Трехколесный велосипед, облако пыли на проселочной дороге, заросли крапивы и лопуха в канаве. Дошкольное блаженство.

Советское детство, фальшиво-бодрые лозунги пионерии, мальчишеские проказы – умеренно злые – в каменных дворах большого города. Стандартное здание школы с прилегающим стадионом и прогнутым турником в центре. Родители, пребывающие на предприятиях с раннего утра до позднего вечера. Суп в термосе, на замусоленном шнурке ключи, болтающиеся на шее.

Бестолковое времяпрепровождение юности: штабеля деревянных ящиков на задворках винно-водочного магазина, дешевый портвейн вперемежку с подступающей тошнотой, три гитарных аккорда. Торопливые шаги припозднившихся прохожих, папиросная бравада, одноклассница с густыми синюшными тенями из маминой косметички.

Аттестат, училище, армия. Военная часть в глухой провинции срединной России, случайные подружки, дискотечные драки. Самогон, сало без хлеба в качестве закуски и болезненные корчи над зловонной жижей за углом сельского клуба.

Перестройка, распад Союза, развал армии, демобилизация, возвращение домой. Городские барахолки, разросшиеся до вселенских размеров. Малиновые пиджаки, коммерческие рестораны, золотоцепные братки с бычьими шеями за тонированными стеклами автомобилей. Попытки наладить криминальный бизнес (другого-то и нет), кожаная куртка, сапоги-казаки, золотая печатка на мизинце (куплена в ломбарде, больше ни на какой палец не налезает).

Пообтрепанная одноклассница с густыми синюшными тенями и выжженными, обесцвеченными волосами «шохом». И ощущение причастности к крутости окружающего мира, и «чаевые» на последние деньги официантам-вышибалам. Чужие постели, чужие жены, заплеванной родной подъезд на рассвете и мучительные спазмы большого желудка в ванной комнате.

Денежные долги, телефонные «предупреждения», мрачные лица, тихо цедящие сквозь зубы угрозы в лицо. Кулончик и колечко матери, проданные все на той же вселенской барахолке. Страх, липкий и холодный. Добровольное затворничество в комнате. Серые сумерки за окном длиною в сутки. Встревоженно-угрюмое лицо отца, тихие ночные слезы матери.

* * *

Гости в доме, первые после нескольких лет. Разговоры о Боге, покаянии, милосердии, помощи, про-

щении. У завернутой в полотенце кастрюли с вареной картошкой (сын проснется, поест горяченькой) на кухонном столе – Евангелие. Рассеянный взгляд, несколько прочитанных строк. Острое чувство жалости к себе и к Распятому, Который тоже страдал от людской жестокости. Почти как он сам. Ночами вместо материнских слез тихий шепот молитвы.

Долгие размышления. Жизнь несправедлива. У всех бывают ошибки, не расплачиваться же за них всю жизнь. Робкие попытки выйти за порог квартиры вместе с родителями. В церковь.

Неожиданно много ровесников. Хор, проповеди, волна покаяний. Белый платок, скомканный в кулаке. Дрожание губ, дрожание слез на ресницах. Новизна, чистота рассуждений и отношений. Новые книги, новые споры, новые друзья. Обретение себя, смысла жизни, перспектив. Крещение. Причастие.

Первое свидетельство веры, первая самостоятельная проповедь, первое соло. Поездки, евангелизации: дома культуры, вокзальные перроны, городские скверы. Библия и гитара, братья и сестры. Упоение, восторг: мир и вечность принадлежат нам.

Библейские курсы, библейская энциклопедия, библейские семинары. Небрежные рассуждения о доктринах, отличительных особенностях той или иной деноминации. Шепот за спиной: «Этот проповедник из Москвы приехал?» Сдержанная улыбка самодовольства.

ЛЮБОВЬ...

Помолвка, прогулки на берегу озера, летний дождь и пиджак один на двоих в качестве зонтика. Свадьба: взметнувшаяся от ветерка фата, венчание, вся церковь за длинными столами брачного пира.

Счастье: восторг единства и вечной принадлежности друг другу.

Сын. Сын! СЫН!!!

Порывистые вскакивания на его плач («Я сам!»), благодарный взгляд супруги. Пеленки, молочная кухня, баночки детского пюре. Работа, репетиции хора, родительские собрания в детском саду, очереди к участковому педиатру. Круговерть, привычный цикл буднего дня. Утреннее богослужение, чуть сфальшивленное пение, первый плагиат – чужая проповедь, пересказанная с собственными вариациями. Первое успокаивающее правило, выведенное самостоятельно: в христианстве нет плагиата – рассуждения всех принадлежат всем.

Дом – работа – церковь. Привычка, усталость, скука.

Неожиданная встреча. Восклицания, воспоминания, новости: тот отсидел, та развелась, этот во Франции, те разбогатели. «Говорят, ты попал в какую-то секту?» – «Нет, просто женился...» Хохоток: «Считай, то же самое». Легкая досада, притушенное чувство вины, раздражение.

Второй ребенок. Хронический недосып, подгузники, бутылочки с молочной смесью. Протекающий кран, недоделанный ремонт, спущенное колесо машины.

Ощущение своего ветеранства в христианстве, язвительные замечания в адрес окружающих, снисходительное отношение к новичкам в общине. Полка с пыльными книгами, Библия с закладкой на одной и той же странице. Мятые листки с конспектами старых (еще собственных) проповедей, вдруг порой возникающие из прошлого в глубине ящика письменного стола. Все реже возникающее чувство вины, все чаще проявляющееся раздражение.

Моноotonно тянущиеся минуты богослужения, фоновое звучание проповеди, знакомые надоевшие лица. Вечный круговорот дня и ночи, лета и зимы, будней и праздников. Рождественские звезды сменяются пасхальными цветами, зеленые веточки Троицы – пузатыми кабачками Жатвы. Первые залысины, намечающийся животик, неожиданное осознание проходящей мимо жизни. Острое чувство жалости к себе: Господи, и так до конца?!

Отчуждение. С друзьями, с родными, с женой. Бесконечные сожаления: недоучил, недосмотрел, недополучил, недогулял. Все криво, косо, неправильно. Раздражение требует выхода. Сознательный вызов, эпатаж, выверт. Беспощадная злоба слов, жесткий прищуренный взгляд, презрительное пожатие плеч. Второе успокаивающее правило, выведенное самостоятельно: мир жесток со мной, а я лишь справедлив.

* * *

Чей-то ресторанный юбилей, пьяное караоке из «Дискотеки 80-х», несмешные анекдоты.

Шашлыки, пиво, постаревшие приятели с золотыми крестами на голых волосатых торсах.

Барная стойка, коньяк, одноклассница с синюшными тенями, с желто-табачными пальцами в золотых перстнях, в мини-юбке на оплывающих бедрах.

Привычный домашний скандал, третье успокаивающее правило, выведенное самостоятельно: главное – не физическая верность, а духовное единство супругов (сам с трудом понимает, что это значит).

Скрипящая дверца пустого шкафа, забытая кукла в углу комнаты, наглые городские голуби на балконе.

Длинные гудки из телефонной трубки, надпись на экране монитора: «У вас нет непрочитанных сообщений». Недопитая бутылка водки на столе. Тело, согнувшееся пополам от резких болей в желудке...



СУМРАК

День угасал стремительно. Окружающие предметы теряли краски и становились одинаково серыми. Небо сливалось с землей, асфальт дороги – с обочинами, не помогал даже свет фар, потому что лучи уже невидимого солнца продолжали сдерживать наступающую темноту. Мы, усталые, возвращались из дальней поездки. Хотелось быстрее оказаться дома, но муж сбросил скорость, объяснив: «Каждый водитель знает, что самое опасное время суток на дороге – это сумерки, обманчивые и коварные. Больше всего аварий происходит именно в это время».

Сумерки – период суток между заходом солнца и наступлением ночи, светом и тьмой. Свет и тьма – библейские понятия, дающие четкую характеристику делам, мыслям, сверхъестественным силам, людям. Однако нет в Библии понятия – «сумрак», нет «сумрачных» поступков или сил. Бог разграничивает все очень четко, без полутонов и компромиссов. Часто христиан упрекают в излишней строгости, в отсутствии снисходительности. Нам говорят,

что жизнь намного сложнее, чем мы пытаемся ее представить: она состоит не только из черного или белого, но и из смешения этих красок. Действительно, жизнь очень сложна и многообразна, но наш резкий и строгий подход – к греху, как этому учит Библия, а не к обстоятельствам и людям.

Изначально все по своей греховной природе находится на стороне тьмы. Приняв Иисуса Христа своим личным Спасителем, родившись духовно, мы переходим на сторону света. Никто не может стоять на границе этих двух понятий, где-то в сумраке. Но многим этого хочется. Часто, беседуя с людьми, мы слышим фразы: «Я верю в Бога внутри себя, не выставляя напоказ свою веру причислением к какой-то конкретной общине»; «Я не верю в Бога, но знаю, что есть какое-то Высшее Существо»; «Главное – не вера или неверие, а мораль и нравственность, добрые дела и благожелательное отношение к людям». Все это знакомые лазейки, через которые человек пытается убежать от ответственности за принятие решения. Такие слова, в первую очередь, служат ему самому успокоением, что он находится где-то между светом и тьмой, и скорее всего ближе ко тьме. Слово Бога ясно говорит нам, что нет такой промежуточной позиции, и если нет уверенности во Христе, то личность принадлежит тьме.

Мы, верующие, христиане, спасенные и возрожденные Словом истины, прекрасно разбираемся в таком самообмане наших собеседников. Однако, сами того не замечая и не осознавая, иногда занимаем сумеречную позицию. Перейдя из тьмы в свет, некоторые спустя какое-то время отходят в сумрак. Они говорят правильные, «светлые» слова. Они одеваются

в правильные, «светлые» одежды. Но почему-то после общения с ними в душе наступает ночь. И возникает ощущение, что только внешний человек у такого верующего перешел в свет, а внутренний остался во мраке. Смешавшись, эти две позиции в одном дали странное, иррациональное положение – сумрак.

Когда мой отец учился в школе, а было это где-то в году 1952-м, то вместе с ним учился один деревенский паренек. С трудом переползая из класса в класс, делая остановки по 2–3 года в каждом, он, когда пришло время сочинений по художественным произведениям классиков, начал получать твердую «четверку». Почему? Потому что, написав несколько строк о самом произведении, тут же переходил к политическим лозунгам. Например, сочинение по «Евгению Онегину» А. С. Пушкина выглядело у него приблизительно так: «Онегин был типичным представителем разложившегося дворянского строя. Однако Великая Октябрьская социалистическая революция свергла строй эксплуататоров и буржуев. Да здравствует наш великий вождь товарищ Сталин! Да здравствует мировой пролетариат! Да здравствует великий союз рабочих и крестьян! Пролетарии всех стран, объединяйтесь!» Лозунги занимали ровно столько страниц, сколько учитель требовал для сочинения. Ни один здравомыслящий человек в то время не рискнул бы зачеркнуть такой текст и поставить неучу заслуженную «двойку». Благодаря хорошо усвоенному языку пропаганды той эпохи и умелому пользованию им, ученик получал хорошие оценки. И хотя все отлично понимали, что он не знает ни одного произведения из школьной программы, тем не менее не могли ничего изменить в той ситуации.

Иногда разговор с кем-нибудь из верующих мне напоминает этого «хорошиста»: набор стандартных «богобоязненных» фраз, благочестивый вид, горящий взгляд. За трескотней фраз скрывается отсутствие дел. Но не беда – этот человек, умело используя язык христианской среды, занимает прочное и почетное положение. К нему обращаются за помощью и советом. Пусть это не приносит пользы, но у «говоруна» есть всегда дежурная цитата из Библии, которая оправдывает его лень и некомпетентность. Те, кто все понимает, ничего не могут поделать: этот человек сыплет прописными истинами, постоянно подтверждая их стихами из Священного Писания. Кто что может возразить? Этот человек не допускает ошибок, потому что ничего не делает. И не забывайте: он пользуется популярностью и имеет авторитет у тех, кто слишком юн духовно или остановился в росте.

«В сумраке все выглядит иначе». Это фраза из книги Сергея Лукьяненко «Ночной дозор», которая сейчас очень популярна в России, благодаря фильму, снятому по ней. Воображение фантаста создало особые существа. Они способны выходить в иное измерение, которое называют сумраком. Там нет темноты, но нет и света, мир там лишен красок – все одинаково серое. В сумраке легко смешать чистое и грязное, белое и черное, греховное и безгрешное. Поэтому и герои книги лишены морали. Мир в наше время пытается внушить всем, ищущим истину, что нет деления на «добро» и «зло», что Высшая Сила стоит вне моральных понятий. Библия говорит совершенно другое. Поэтому те, кто является «светом миру», не могут и не должны занимать «сумеречную» позицию.

День угасал стремительно. Свет фар становился все более ярким, стало лучше видно дорогу и легче вести машину. Мы выбирались из сумрака. И хотя вокруг была уже непроглядная осенняя ночь, наш путь был так хорошо освещен, что можно было уже не бояться.



СЧАСТЬЕ НА БОЛОТНОЙ КОЧКЕ

Остерегайтесь выходить на болото в ночное время, когда силы зла властвуют безраздельно.

Артур Конан Дойл, «Собака Баскервилей»

Все-таки опоздали. Это было обидно: на богослужении уже не побудем. А так торопились по сонным улочкам и перекресткам, затянутым осенним туманом, завешанным тяжелыми облаками серого неба. В тот момент, когда мы вошли в просторный холл церкви, из динамика разносился спокойный, уверенный голос проповедника, читающего стих из Священного Писания, понять который мы не могли, поскольку языком не владели.

Пришли бы вовремя, уселись бы в зале на почетных местах для гостей, получили бы наушники и слушали проповедь на русском языке. Теперь это невысказано. Пройти на задние скамейки, виновато улыбаясь и неловко пробираясь, помучиться минут пятнадцать, слушая незнакомую речь, а потом, также улыбаясь и пробираясь, все-таки выскочить за дверь? Не дело. Растерянно потоптались у стендов, рассматривая фотографии.

Поднялись на второй этаж и заглянули в класс воскресной школы. Нам приветливо улыбнулись

детишки и молоденькая учительница. Это был максимальный уровень общения, на большее никто не был способен: языковой барьер прочно отгородил нас от какого-либо участия в беседах. Грустные спустились вниз. Еще потолкались у столиков, рассматривая евангелизационные брошюры, впрочем, с прежним успехом.

– Ну что, пойдём?

Дверь с улицы отворилась, пропуская внутрь еще одного опоздавшего. Мы обернулись и буквально остолбенели, не веря своей удаче. Перед нами стоял не просто знакомый брат, не просто человек, свободно владевший русским языком, а пастор общины. Дружеские рукопожатия, объятия, объяснения, как мы тут оказались и почему не со всеми вместе. Сожаления, что так долго не приезжали, не виделись. Краткие справки о здоровье, благополучии, детях. Потом пауза, которая стала затягиваться...

– Я должен объяснить... Сколько лет мы не виделись? О-о, пять. Это много! Видите ли, я... я уже не пастор, даже не прихожанин. Сегодня просто так зашел, по старой привычке, можно сказать, случайно. Мы разошлись с женой...

Понимаем, что не только не знаем иностранных языков, но и родным-то владеем недостаточно: слов нет. В ступоре думаем – надо что-то сказать. А что? Молчим дальше. Уселись на скамеечку здесь же, в холле. И понеслась исповедь. В общем-то, все как у всех, кроме одного нюанса. В данном случае причиной была не измена, как вы наверняка подумали, а потеря внутренней, духовной, связи. Отсюда – многолетние обиды, которые невозможно было простить.

Развод был тяжел и безнадежно жесток: делил квартиру, машину и четверых детей (ну, просто страшная сказка про людоедов и мальчигов-с-пальчиков). Ясное дело, без антидепрессантов было не обойтись: у нее транквилизаторы, у него алкоголь, у детей разочарование в Боге и уход из церкви.

– Община распалась, люди разбрелись кто куда, иные – никуда. Сейчас идет богослужение совсем другой церкви, не той, в которой мы встречались раньше.

* * *

Мы хорошо помнили летние дни, проведенные здесь несколько лет назад. Помнили спокойные, вдумчивые проповеди, музыкальную группу прославления, неспешные чаепития в свежеремонтрованном кабинетике. Помнили пикник воскресным вечером на небольшом церковном двореке. Тогда мы сидели в удобных креслицах и кутались в пледы (похолодало), зато детям было жарко – беготня, смех, игры. Помнили молодежные библейские часы и даже место из Евангелия, которое изучали: Ин. 8:3–11. Это о женщине, взятой в прелюбодеянии. Помнили, что тогда поразила мысль о том, как близко стояли фарисеи и книжники к покаянию: «Они же, услышав это и будучи обличаемы совестью...» (Ин. 8:9). Обличения совести... Один шаг, просто переступить черту, возможно, начертанную Иисусом на песке, просто перешагнуть эту символическую хрупкую границу (что может быть более невесомей, незначительней, чем след человеческого пальца на песке?). Но это оказалось для них невозможно: «...стали уходить один за другим» (Ин. 8:9). Не переступили, не шагнули, не приблизились.

Вообще, как много в нашей жизни может решить один только шаг или нешаг. Шаг – и ты или преступник, или Божье чад; нешаг – и ты или создал, или разрушил. Все зависит от направления, в котором они совершаются, эти шаги-несаги. «Вступил на скользкую дорожку», «шагнул за черту», «оступился», «большая дорога начинается с первого шага» – в поговорках и пословицах отражается понимание всей важности сделанных шагов и ответственности за них. К сожалению, как часто это понимание чисто теоретическое, а на практике всегда думаешь, что можно лишь чуть заступить-наступить, а потом быстро-быстро вернуться назад. А не получается: новая дорога сделала крутой поворот, за которым не видно уже пограничной черты, и местность уже изменилась. А тут и туман полз, застилает глаза, скрадывает углы, прячет ямы. Мечешься, петляешь, как загнанный заяц, еще больше путаешься в собственных следах и бессильно опускаешься на пыльную обочину. Но даже и тогда человек не сдаётся, нет. Он же человек, а это звучит, сами знаете, как! И каждое новое усилие создает новое разветвление, и нет выхода из лабиринта. И манит впереди призрачными огоньками коварная тряси́на.

Где и когда заглянули наши далекие друзья за черту? Где и когда планировали вернуться? И планировали ли?

* * *

– Разочаровался во всем, пришел к выводу, что надо жить настоящим. Сейчас много новых знакомств, порой удивительных. Ловлю каждый миг и радуюсь ему. У меня есть любимое хобби. Дети в гости при-

ходят. Остались и прежние друзья, встречаемся, разговариваем. Кстати, новая женщина есть, я не один. Жизнь – удивительная штука! Нельзя прожить ее и не влюбиться! Думаю, все будет хорошо. Говорят же, что «волны ненастья могут выбросить нас на берег счастья». – Он смотрит прямо перед собой затуманившись от слез глазами, в которых нет никакой радости.

Тоска. Тоска наполняет сердце от этих «радужных» перспектив. Да и «волны ненастья», как правило, на «берег счастья» выбрасывают лишь обломки.

Выходим на пустынную улочку. Ветер гонит жухлую листву. Туман отступил перед бледным солнцем, повис на голых ветках деревьев, затаился до темноты. Холодно и бесприютно в чужом городе. Пушкин вдруг вспомнился: «О поле, поле, кто тебя усеял мертвыми костями?»

Наверное, надо было что-то сказать. Что-то умное, важное, от чего все встало бы на свои места. Но что можно сказать тому, кто двадцать пять лет проповедовал, двадцать пять лет вел душепопечительские беседы с такими же несчастными супругами, двадцать пять лет наставлял детей в истине, а молодежь в чистоте?!

Единственное, что смогли выдавить из себя на прощание: «Примите наши соболезнования». Как на похоронах, когда теряешь безвозвратно дорогое. Хотя не все похороны безнадежны: у детей Божьих есть упование на встречу в вечности. А вот на таких «берегах счастья» этого нет. Зато есть бедные мальчишки-с-пальчики – несчастные дети, навсегда оставшиеся «между». Между папой и мамой, между счастливым прошлым и сиротским настоящим, между христианской теорией и безбожной практикой.

Страшно и одиноко заблудившемуся в паутине незнакомых дорог путнику. Еще более жутко тому, кто попал на болото, – совсем пути нет, лишь обманчивые кочки да гибельная трясина. Но к смерти приводят не туманы, не болота, не беспутица. К гибели приводит нежелание просить помощи у Того, Кто один может ее дать. Просить – значит покаяться. Покаяться? Но человек – это ж! Нет, лучше болото...

Вот и бродят блуждающие огоньки потерянных душ. Грязные, озябшие, неприкаянные. А помощь так близка, надо лишь воззвать к Господу, и тогда исполнится: «Он приклонился ко мне и услышал вопль мой; извлек меня из страшного рва, из тинистого болота, и поставил на камне ноги мои и утвердил стопы мои» (Пс. 39:2–3).



ЭКС-...

Встречи и расставания сопровождают человека всю его жизнь. Но бывают расставания без встреч...

Расставание души с телом – смерть первая. Для кого-то будет и вторая – расставание души с Богом, навсегда.

Но есть смерть, страшнее которой, пожалуй, только «смерть вторая». Это потеря близких, но не через похоронный процесс, не через злобную волю чуждых сил. Это расставание по собственной воле, но с применением напалма злобы. Душа представляет выжженную, обугленную массу. Где-то глубоко еще пульсирует живая плоть, кровоточащая и корчащаяся от боли. Запоздалые залпы уже не обжигают, но сотрясают воспаленный нерв, который молнией боли пронизывает все существо.

Тот, кто расставался с некогда самыми близкими, но ставшими враждебными, далекими, чужими, тот умирал. Когда-то влюбленные, а теперь враги, в адском пламени развода убивающие свою семью и будущее своих детей, умирают. Родители, отказывающиеся

от детей, умирают. Дети, бросающие престарелых родителей, умирают. Братья, ведущие междоусобную войну, умирают. И смерть эта страшна в своем безумии и в своей садистской медлительности. Это периоды болезненного примирения, временного и от этого только увеличивающего пропасть между людьми. Это периоды лихорадочной надежды, горькой и отчаянной, когда вдруг на какое-то мгновение покажется, что воскресение отношений возможно. Это мучительное преодоление обиды, попытки затоптать ее, но она от этого только прочнее врастает в душу, обжигая ее. А еще это опустошенная, сломанная жизнь. Жизнь после «смерти».

Экс-супруги, экс-родители, экс-дети, экс-друзья. Какое емкое иностранное слово, какое страшное и холодное. Боли и горя в нем больше, чем в словах «репрессия» и «похороны». Никто и никогда не скажет об умершем: «экс-жена», или «экс-друг», или «экс-брат». Потому что и после физической смерти они не становятся «бывшими», они остаются женой, другом, братом. Они живы для нас духовно. В этом – удивительное свойство человека проявлять свою неземную сущность. Зато близкие становятся «бывшими» после духовной смерти наших отношений. И слышится в речах переживших смерть любви и дружбы: «моя бывшая жена», «мой экс-супруг»...

И вся глубина слов Христа открывается тогда: «Вы слышали, что сказано древним: „Не убивай, кто же убьет, подлежит суду“. А Я говорю вам, что всякий, гневающийся на брата своего напрасно, подлежит суду; кто же скажет брату своему: „Рака“, подлежит синедриону; а кто скажет: „Безумный“, подлежит геенне огненной» (Мф. 5:21–22).

Хорошо помню рассуждения об этих словах во времена далекой молодости: «Иисус приравнивает убийство и напрасный гнев. Раздор между близкими приводит к убийству: гибнут нервные клетки, всякий конфликт сокращает жизнь». Годы углубляют понимание многих истин. То, что в двадцать лет поражает мудростью, в сорок лет уже кажется поверхностным. И когда со слезами ты вынужден ставить перед очередным именем составную часть сложного слова «экс», то понимаешь, что Христос говорил не только и не столько о близких по крови, как о близких по духу. А самое главное: Он говорил не о физическом умирании клеток, а о духовной смерти понимания и единства, общения и поддержки.

Больно быть убитым, страшно быть убийцей.



Я НИКОГО НЕ УБИВАЛ...

Большинство людей считают, что самым страшным грехом является убийство. Каждый из нас не раз сталкивался с привычной формулой самооправдания: когда говоришь человеку о необходимости покаяния, то в ответ слышишь: «Я никого не убивал, не крал, мухи не обидел» и прочее. Перечень возможных грехов идет по убывающей: реже можно услышать – «не изменял», еще реже – «не лгал», а уж «не лжесвидетельствовал» и вообще не услышишь. И не только потому, что слово это ассоциируется с судебными делами и действительно далеко не каждому приходится участвовать в таких процессах, где требуются свидетельские показания. Многие слова этого не помнят в повседневной жизни, не задумываются о нем и будут искренне удивлены, если их обвинят в лжесвидетельстве.

А между тем лжесвидетельство играет огромную роль как в мировой истории, так и в жизни отдельного индивидуума. Ему посвящены стихи и проза, живописные полотна, театральные пьесы, музыкальные произведения.

Ну, например, один из самых известных романов Александра Дюма «Граф Монте-Кристо» начинается с коварнейшего доноса – лжесвидетельства, благодаря которому лихо закрученный сюжет на протяжении двух толстых томов также лихо раскручивается. Или знаменитая басня Ивана Андреевича Крылова «Клеветник и Змея»:

*Но можешь ли язвить ты так издалека,
Как злой язык Клеветника,
От коего нельзя спастись
Ни за горами, ни за морями?*

Да уж, лучше классика не скажешь.

Каждый читающий Библию тут же вспомнит историю Навуфея и обвинения против Христа. Злодеи во все времена ценили лжесвидетельство и клевету как мощнейшее оружие в достижении своих коварных целей. От первой клеветы, посеявшей сомнения в сердцах прародителей человечества, тянется цепочка мировых преступлений. Доносы и сплетни, наветы и подброшенные улики производят революции, ломают человеческие судьбы, разрушают семьи, доводят до гибели и жертвы, и самих клеветников.

Известен почти анекдотический случай со Сталиным. Когда тот посетил премьеру спектакля «Отелло», вся труппа со страхом ждала рецензию главного зрителя страны. Однако вождь молчал, «держал паузу» и тем самым усиливая напряжение. Наконец кто-то не выдержал и спросил, понравилась ли постановка? Не спеша вынув изо рта трубку, Иосиф Виссарионович произнес единственную фразу: «А этот Яго... хороший организатор!» Как говорится, «рыбак рыбака...»

Это яркие классические примеры. А бывают – так себе, «смазанные» формы. Для повседневного пользования. Наши шушуканья, пересуды, сплетни... Всякие мелочи, как говорят, «не в осуждение, а в обсуждение», – да, такая вот «христианская» присказка. Слышали ее? Конечно. А причем здесь лжесвидетельство? Притом, что такие вот «обсуждения» формируют мнение о человеке, воздвигают предубеждение против него, настраивают окружающих на определенное восприятие. Как лжесвидетель настраивает слушателей, судей, присяжных заседателей. Не случайно так много литературных детективов и реальных судебных репортажей посвящено борьбе красноречия обвинителя и адвоката, каждый из которых способен представить одни и те же факты, слегка добавив красок и нюансов, в прямо противоположном свете. А итог – или приговор, или оправдательный вердикт. Самое главное – сплетни растлевают, разрушают внутренний мир самого сплетника. Это как подземный пожар в торфянике: зловоние есть, а внешне все спокойно.

Вам приходилось встречаться с людьми – близкими, которых считаете друзьями, – вскоре после того, как они вас с кем-то обсудили? Если да, то вы никогда не забудете той свинцово-тяжелой обстановки, которая окружит вас. Они не в состоянии смотреть в глаза, говорят преувеличенно громкие бодрые фразы, ведут себя неестественно приподнято. Вы никогда не забудете того ощущения, будто очутились в страшной сказке, где за столом с вами только что сидели друзья, как вдруг пелена спала с глаз и вы увидели жутких чудовищ за их страшным пиршеством. А чудовища поняли, что разоблачены, но пытаются сей факт

скрыть, глазки их бегают, а дружеская улыбка не может скрыть оскала... Еще хуже, когда эти чудовища – мы сами. В любом случае, никогда уже не забудется ощущение тоски от потерянного доверия, как правило, потерянного уже навсегда.

А как же Христос после предательства и отречения Петра простил его и доверил ему не что-нибудь, а дело созидания Церкви? Часто можно услышать этот пример в проповеди, которая призывает прощать и восстанавливать отношения до «докризисного» уровня. Все правильно, так и должно быть, но – один момент. Доверительные отношения установились лишь с теми учениками, которые полностью признали и осознали свои грехи и ошибки. Перед Господом им не нужно было многословно и убедительно-горячо доказывать свою преданность, достаточно было лишь одного тихого короткого ответа «да» на простой и тихий вопрос: «Любишь ли ты Меня?» А сколько боли, страха, мучений стояло за этим коротким диалогом.

А мы, посвятив вечер смачному обсуждению братьев и сестер, на следующее утро приветствуем их братским и сестринским лобзанием. Так и встает в памяти другой, исторический, поцелуй...

Лжесвидетельство – это изощренная форма предательства. Просто предательство – это просто предательство. Пришел, увидел, предал. А сплетни, рассказы – это завуалированное предательство, натягивающее на себя одежду праведности. Так и Иуда мог сказать: «Я никого не убивал...»

Как правило, никто из нас не признается и не кается в сплетнях. «Ничего не было, ничего особенного, – уверяем мы свою совесть. – Не в осуждение,

а в обсуждение». Коварство сплетни и навета именно в том и состоит, что в них всегда есть доля правды. А уже дело сплетников расставить, как нужно, акценты, подобрать интонацию, интерпретацию, добавить предположений, возможных предпосылок и последствий. Сами знаете, «нет дыма без огня». Ну и как тут достичь «докризисного» доверительно-го уровня отношений?

Сплетни, как тонкий слой жира, обволакивают нас, делая скользкими, какими-то сомнительными, но вроде бы и без греха. Поэтому нет и покаяния, нет и доверия, нет и настоящих взаимоотношений. Одно «дружелюбное» лицемерие, а в действительности – распри, вражда. По-тихому, исподволь. Годами, десятилетиями. Заклятые друзья.

С Христом остались те ученики, которые сумели преодолеть кризис во взаимоотношениях. Да, при аресте и казни Учителя не каждый из них повел себя достойно. Однако они сумели преодолеть кризис внутри себя. Это главное. А вот Иуда так и не смог ответить на вопрос: «Любишь ли ты Меня?» И Адам не смог толком объяснить, почему скрылся от лица Творца.

Отказаться от сплетни – лжесвидетельства – очень и очень трудно. Ее коварство – в кажущейся безобидности: просто поговорили, просто поделились, просто обсудили, просто нашептали на ухо... Как змей Еве... И не заметили, как коррозия злоречия разрушает все вокруг нас. А потом обиды, поиски «духовности», блуждания по всем доступным общинам. Но от себя не убежишь! И либо мы отвечаем «да» на вопрос Господа: «Любишь ли ты Меня?», либо влачим жизнь на торфяном болоте. И если наш вариант – первый,

то читаем далее: «Кто говорит, что он во свете, а ненавидит брата своего, тот еще во тьме. Кто любит брата своего, тот пребывает во свете и нет в нем соблазна» (1 Ин. 2:9–10). И мы замыкаем круг: «Я никого не убивал, не крал, мухи не обидел... Но ЛЮБИЛ ли я своего ближнего?» И не надо задавать провокационный вопрос: «Кто мой ближний?»



ТРАГЕДИЯ УЗНАВШИХ ИСТИНУ

С детства воспитанная в семье верующих, я в юности думала, что человек, регулярно посещающий церковь и, тем более, покаявшийся на коленях, со слезами на глазах и носовым платочком в руках, – однозначно верующий, раз и навсегда. Он достоин полного доверия и готов нести любую ответственность. Так наивно думают молодые люди, не имеющие достаточного жизненного опыта.

С другой стороны, еще маленькой девочкой я видела неподдельную радость окружающих, восторженное приветствие обращенного, незабываемые слова гимна: «Пастырь добрый ищет бедную овцу...» И тогда, и теперь прерывается любое служение, любая проповедь, любое исполнение гимна, стоит кому-то сделать лишь шаг к кафедре. Это действительно радость и на небе, и на земле!

Однако какое бы хорошее ни было начало следования за Христом, все же конец пути человека является определяющим: «Ибо мы сделали причастниками Христу, если только начатую жизнь твердо

сохраним до конца...» (Евр. 3:14). И каждый из нас наверняка является грустным свидетелем того, сколько славных покаяний бесславно растворилось во времени вместе с теми, кто их произносил на коленях, со слезами на глазах и носовым платочком в руках.

Несколько лет назад журнал «Вера и жизнь» посвятил целый номер отпавшим, упавшим, сбежавшим и прочим... И сколько уже об этом сказано, и сколько еще будет сказано об этом, но сердце болит, и душа не находит покоя.

* * *

Страшно говорить с человеком, знающим истину, но не живущему по ней. Такой человек пугает своими знаниями. Он знает все, что вы можете ему сказать. И отвечает: «А может быть, мы все не так понимаем?» Он не отвергает Божьих слов, даже не ставит их под сомнение, но внушает сомнение в наше правильное понимание, научение, восприятие. Кстати, так рождаются ереси.

Все мы многократно слышали, что живем в эпоху постмодернизма. Этот модный термин обозначает идеологию, заключающуюся в том, что нет абсолютных истин, каждый имеет право на свою точку зрения, которая и будет для него истиной.

Первым постмодернистом был дьявол. Его ключевые слова: «Подлинно ли сказал Бог?» (Быт. 3:1) – создали иную точку отсчета, разрушив в сознании человека абсолют. Другими словами, стало возможным смотреть на ситуацию с другой стороны, под другим углом. А отсутствие абсолютного, реальной точки отсчета, породило хаос.

Действительно, может быть, слова о том, что прелюбодеи, убийцы, пьяницы и иже с ними Царства Божьего не наследуют, понимаются нами не совсем так? Может, все-таки иногда наследуют? Ну, в каких-то исключительных, особых обстоятельствах. Поэтому можно и прелюбодействовать, и красть, и пить, и даже убивать по чуть-чуть, понемножку (если помнить, например, что словом можно убить: «Смерть и жизнь – во власти языка», Притч. 18:21).

«Я знаю, что Бог со мной, Он у меня внутри» – высокомерные слова знающего истину грешника, готового за любое ваше возражение предъявить целый список претензий к верующим.

Кто ж спорит, конечно, бог внутри. Вот только бог ли это Библии?

* * *

Ладно, взрослый человек сам мечется в поисках смысла жизни: уходит, приходит, падает (или не падает), поднимается (или не поднимается). Все намного сложнее и страшнее с детьми. Известно: что заложено в детстве, заложено на всю жизнь. И если даже кажется, что выросший ребенок строит свою жизнь на принципах, полностью противоположных тем, на которых его воспитывали, это не так. Он строит свою жизнь на фундаменте детства. А вот отчего стены такие кривые выходят – другой вопрос.

Дети, воспитанные в христианских семьях, впитавшие субкультуру верующих, но не рожденные свыше, становятся неоязычниками. Все внешние ритуалы, обряды и традиции они воспринимают как обереги. Даже если они этого не осознают и так не называют. Но твердо знают: приду на богослужение,

родители будут рады, Господь тоже останется доволен.

К сожалению, не один раз приходилось наблюдать такие картины. Взрослые дети верующих родителей ушли не только в самостоятельную жизнь, но ушли и из церкви. Кто-то каялся, кто-то даже принимал крещение. Но живут совершенно не по тем правилам, о которых говорит Слово. Мужья и жены, дети и бизнес – все своим чередом и круговертью. Конечно, случаются болезни, скорби, проблемы. И тогда они приходят в церковь и каются, ходят на богослужения. Сначала каждое воскресенье, потом через одно, потом через два...

К горькому сожалению, часто бывает так: что крещение в православии для воспитанных в православном вероучении, – то покаяние у баптистов для воспитанных в протестантском вероучении.

«Как я рада тебя видеть, наконец-то ты пришел (пришла)!» – радостно-восторженные сестры окружают члена церкви, посещающего служения один-два раза в год. Сами знаете, когда: на Рождество и Пасху.

Это нормально, по-язычески. Грех не зайти в церковь в такие дни. Отсидим, отслушаем... А Создатель заметит, отметит, запомнит и поможет, защитит. Должен помочь, ведь я старался, зашел. «Итак, отдавайте кесарево кесарю, а Божие – Богу» (Мф. 22:21). В данном случае кесарь – это «я».

«Мы, нижеподписавшиеся...» – такими канцелярскими словами, моментально навевающими бюрократическую скуку, начинаются различные деловые бумаги: акты, протоколы, договоры, соглашения. И в конце документа обязательно должна стоять подпись тех, кто в самом начале написал эти слова.

Всякий здравомыслящий человек, прежде чем поставить где-то свою подпись, внимательно прочтет текст и уж только потом завизирует бумагу. Как часто росчерк пера может стать роковым или, наоборот, счастливым! Подпись, гарантия договора всегда имела большое значение.

Человек, подчас легкомысленно, заключает с Богом завет, а потом отказывается, отступает, забывает. Но он не знает, какие духовные механизмы запустил, привел в движение.

* * *

Изящными движениями поправляя локон и одновременно придерживая чашечку кофе, моя собеседница сообщила с легким налетом гордости:

– Вот дочку сводила в церковь, окрестила ее...

– Зачем?

– Для охраны, чтобы как-то защитить от болезней, несчастий и злых людей.

– Ты заставила дочь подписать соглашение, которое она не прочитала, не поняла, не может и не хочет выполнять.

Не бывает ли так и у нас, когда наши дети каются и заключают завет с Богом, чтобы стать, как все (уже все сверстники – члены церкви, пора и мне), чтобы уйти из воскресной школы и посещать молодежные собрания (я уже взрослый, уже покался!), чтобы жениться.

Мы легко относимся к обещаниям и обязательствам, которые берем на себя, но строго спрашиваем с других.

Мы несем ответственность перед людьми и Богом за наше служение, рукоположение, за наше согласие, помазание.

Безусловно, правы родители, приводящие детей в Дом молитвы. Должна быть в детстве и воскресная школа, и стихи на рождественском утреннике, и правильное поведение, и благочестивая речь. Однако должно быть еще и то, что поднимет молодого человека над обрядами, традициями и правилами, позволит ему увидеть истину: без рождения свыше все прочее не имеет никакого смысла. В этом – переживания и молитвы родителей, их стремления в воспитании и созидании потомства.

* * *

Как-то теплым летним вечером, прогуливаясь вдоль озера, я услышала позади трель велосипедного звонка. Отступила в сторону, чтобы пропустить велосипедиста, и тут узнала девушку, несколько лет назад бывшую членом одной довольно строгой общины, но уже давно переставшей ее посещать. Причиной разрыва послужил так называемый гражданский брак с неверующим молодым человеком. Поздоровались, разговорились, вспомнили общих знакомых, обсудили перемены. Речь зашла о разности в обычаях наших церквей.

– Нет, у вас все слишком свободно, так нельзя. Вы позволяете себе и украшения носить, и прически делать, и одеваться не по-христиански. Если я и вернусь в церковь, то только в свою. Там все строго и благочинно. Это же дом Божий! Как можно туда в брюках женщине прийти?! Или без косынки?

Действительно, как? Бывает, человек ошибается (лучше назвать грех ошибкой, правда же?), отпадает, но веру-то в душе хранит! Принципы-то помнит: нельзя без косынки! Блуд блудом, а традиции надо чтить.

Загорелая, молодая, с откинутыми за спину длинными распущенными волосами, в коротеньких джинсовых шортиках и крошечной маечке на тонюсеньких бретельках, она вновь уселась на велосипед. Прощально просигналила и умчалась в тень старых деревьев, разросшихся у самой воды.

А я подумала, что услышала еще один постулат языческого сознания: Бог видит нас лишь в храме. Поэтому надо одеваться, как «прилично святым» (Тит. 2:3), а поведение за пределами – это наше дело.

* * *

Бог отдельно, мы отдельно – такая позиция низводит Творца Вселенной до уровня божков и идолов. Он должен быть рад, что мы пришли, покаяться, даже приняли причастие, уделили из своего плотного графика время и Ему. И будем ждать благословения и защиты. А собственно, от Него больше ничего и не надо – только, чтобы все было ХОРОШО. В этом трагедия узнавших истину, но не познавших ее, не вкусивших дара небесного. И глубинное значение слов Екклесиаста откроется для них во всей полноте в вечности: «...Кто умножает познания – умножает скорбь» (Еккл. 1:18).

ВРЕМЯ И ВЕЧНОСТЬ





VULTUS EST INDEX ANIMI

*...А вот вереница
Вдоль щели внимательных глаз!
Все серые, карие, синие глазки –
Смешались, как в поле цветы.*

Н. Некрасов

Наверное, ни один орган человеческого тела не наделен таким количеством эпитетов и приписываемых ему свойств, как глаза. Это не только орган зрения, но и орган чувств. «Глаза – зеркало души» – одна из самых известных фраз. Авторство приписывается Л. Н. Толстому, но знатоки утверждают, что это древняя латинская поговорка: «Vultus est index animi».

Наш взгляд может быть нежным и убийственным, тоскливым и искрящимся, затуманенным слезой радости или боли. В детстве, когда мы чувствовали свою вину перед родителями и стояли, «ниже плеч буйну голову повесив», то часто слышали от них: «Посмотри мне в глаза!» Помните? Вам тоже так говорили? И мне. И было ужасно трудно поднять голову, оторвать взгляд от пола и посмотреть в глаза отцу и матери. Почему так трудно было это сделать?

Случаются и другие неприятные моменты, например, ссора. Смотреть в глаза друг другу невозможно. Почему? Быть может, потому, что взгляд настолько

раскрывает наше внутреннее состояние, будто все тайные мысли и чувства, которые в этот момент пытаешься спрятать глубоко в себе (чтобы не выдать их ни малейшим образом), открываются, выносятся на свет и становятся достоянием другого. Он, другой, и сформулировать-то не сможет, что там увидел, и пересказать не сможет, а внутренним чувством все поймет. И слов не надо, и объяснений. Достаточно лишь взгляда.

Сколько образных выражений, способных заменить многословные описания, существует в речи! У изумленного человека «глаза на лоб лезут». У растерявшегося от обилия товаров «глаза разбежались». Разгневанный в сердце бросает фразу: «Глаза б мои на тебя не смотрели!» Желая сообщить нечто тайное приглашает побеседовать «с глазу на глаз». Требующий правды приказывает «говорить все в глаза». Влюбленный может «утонуть в глазах» возлюбленной или «положить на нее глаз». А у того, кто долго заблуждался, вдруг «глаза открываются».

* * *

*Если верить старому убеждению, что глаза –
зеркало души, то душа стоящего перед ним
человека была пуста, как скорлупа гнилого ореха.*

Н. Шпанов

А к рассуждениям этим подтолкнул меня небольшой рассказ, который услышала я от человека, мальчишкой видевшего Сталина. Встреча произошла в далеком 1943 году. Дети сотрудников, обеспечивающих безопасность советского руководства, играли во дворе, когда увидели приближавшуюся группу во главе

с вождем. Сталин остановился возле мальчика и, заглянув ему в глаза, спросил:

– Ты чей?

– Папин.

– Это понятно. Фамилия как?

Окружение тут же доложило фамилию и звание отца ребенка.

– Хорошо ли кормят? – это опять вопрос к маленькому собеседнику.

– Отец паек получает.

К Берии, стоявшему рядом:

– Распорядись, чтобы пацану выдавали офицерский паек.

Выслушав, задаю вопрос:

– А что запомнилось? Была ли какая-то особенность в этом человеке?

– Да обыкновенный: рыжий, лицо все оспой побито, ничего особенного... Хотя была одна деталь, которая поразила и которую помню до сих пор. Его глаза. Они были, как дырки. Когда несколько секунд я смотрел в них, то мне показалось, что проваливаюсь в черную, бездонную пропасть. Глаза будто затягивали в яму. Очень страшно и неприятно было в них смотреть.

Если глаза – зеркало души, то это была выколотая душа?

* * *

*Не каждый слепой пребывает во тьме,
но каждый, пребывающий во тьме, слеп.*

К. Прайс

Эту же фразу про глаза и зеркало повторяет и В. Короленко в своем произведении «Слепой музыкант».

Судьба мальчика, родившегося слепым, трагична и тяжела. Окружающий мир непознаваем. Ребенок настолько перегружает нервную систему обилием незнакомых звуков, что теряет сознание. Его слух обострен до невероятной степени: этим органом чувств мозг пытается компенсировать отсутствие зрения. Однако мир стремительно проносится мимо, оглябая слепца, стоящего на его пути, и уносясь прочь.

Также проносился мир мимо слепого нищего, что сидел при дороге, когда по ней шел Спаситель. И, в отличие от мира, Создатель остановился. И мир рядом замер. И в эту минуту слепой оказался не на обочине мироздания, как было с самого его рождения, а в его центре: «И прозрят из тьмы и мрака глаза слепых» (Ис. 29:18).

Ничего нового не скажу: заблудшее человечество бродит в темноте, то есть оно слепо. Увидеть ничего не может, но может услышать: «Ныне, когда услышите голос Его, не ожесточите сердца ваши» (Евр. 3:7–8). А услышав голос и не ожесточив сердце, оно окажется в центре со Христом.

В детстве к нам часто в гости приезжала мама подруга. Своей семьи у нее не было, поэтому всю любовь и внимание она отдавала родным и близким. Это была энергичная, деятельная женщина, любительница путешествий и походов за грибами. На родном предприятии работала по линии снабжения, а те, кто знает советское производство, помнят, какими пробивными качествами должен был обладать снабженец, чтобы в условиях тотального дефицита обеспечивать поставки. Ее отец был основателем поместной церкви, за что и поплатился в 1937 году. Его дочь всегда была верной христианкой и деятельным

сотрудником на Божьей ниве. И, конечно, ее живая натура отражалась в глазах яркими искорками. Глаза всегда улыбались с легким задором: «А вот мы сейчас с тобой затеем что-нибудь этакое!»

Распад Союза отделил нашу семью от нее не только границами, но и гражданскими войнами. Письма не доходили, телефонной связи не было. И спустя двадцать два года состоялась встреча, правда, виртуальная, с помощью компьютерной техники. На экране монитора мы увидели старушку восьмидесяти семи лет, согбенную годами и испытаниями, но не сокрушенную. Я не могла ее узнать, пока не разглядела близко и четко глаза – с задорной искоркой, с молодой улыбкой. А вот она меня не увидела, потому что уже несколько лет как ослепла.

А может быть, верующие не могут потерять зрение?



А ПРИ БОЛЬШЕЙ КРЕПОСТИ – ВОСЕМЬДЕСЯТ...

Целыми днями она видна в открытом окне. На голове старый вязаный берет, на шее широкий грязно-коричневый шарф. Окликает спешащих прохожих, поскольку знает почти всех, кто каждый день пересекает двор. Говорит одно и то же: на кухне сломано отопление, дочку сократили на работе, в дом «понаехали» жильцы съемных квартир. А уж завидя соседей, долго не отпускает их, ведя бесконечный рассказ-воспоминание:

– Эх, доча, да разве ж я такая была? Да у меня полон рот золотых зубов был, да. Я ж в море девять лет отходила, а потом старшим продавцом в гастрономе работала. У меня тридцать кур на даче было. А дача-то вся заасфальтированная, вся в цветах. А дома и хрусталь, и ковры. А теперь что? Кому нужна?

Ей семьдесят восемь. Несколько лет назад умер муж, потом сын – алкоголик и наркоман – замерз февральской ночью, не дойдя несколько метров до дома. А чуть раньше вынес из квартиры весь хрусталь и достопамятные ковры. Есть дочка, зять,

внучка. Приходят, ухаживают. Делают все быстро и бегут дальше – на работу, на учебу, по делам. А весь дом уже который год живет под рефрен ее рассказа:

– Полон рот... Тридцать кур... Хрусталь и ковры...

Удушьющий кашель прерывает старческий голос. Она затягивается папироской. Давно не выходит на улицу: ноги покрыты трофическими язвами. Свежий воздух – это открытое настежь кухонное окно и зимой, и летом, на подоконнике – неизменная пепельница.

– Да, в море ходила, а потом в гастрономе... Нет, не продавцом, а СТАРШИМ продавцом, да...

* * *

– Алло, здравствуйте, это «Свет на Востоке»?

– Здравствуйтесь, здравствуйтесь, Валентина Петровна!

– Вы меня узнали? – радостное удивление звучит в голосе.

Диалог повторяется каждый раз без изменения, когда раздается этот звонок из Ростова. Мы никогда не видели эту старушку, но многое знаем о ней. Восемьдесят пять лет, последние пять из которых – с Господом. Сахарный диабет, больные ноги, тяжелейшая операция, последствия которой остаются до сих пор. Есть дети, внуки, но живет одна. Каждый день начинается с прогулки: с трудом спускаясь с третьего этажа, она отправляется по одному и тому же маршруту – вдоль улицы, на которой живет. В руках – «Вера и жизнь» и «Тропинка». Всем встречным дрожание сморщенные руки протягивают журналы. Всем, кто готов остановиться на несколько минут и выслушать, говорит слова Евангелия.

– Я молюсь о вас, а вы обо мне молитесь?

– Конечно, Валентина Петровна!

– А я это чувствую! Мне уже лучше.

Месяц спустя:

– Алло, здравствуйте, это «Свет на Востоке»?

– Здравствуйте, здравствуйте, Валентина Петровна!

– Вы меня узнали? – радостное удивление звучит в голосе...

* * *

– Простите, пожалуйста, где здесь киоск с мороженым?

Чтобы увидеть его лицо, приходится запрокинуть голову. Глаза беспомощно-огромные за толстыми линзами очков, которые, очевидно, мало помогают. Худой и высокий старик опирается на палку. Вокруг гремит музыка, мимо проходят семейные пары. Дети держат в руках воздушные шары, сладкую вату, бутылочки с фруктовым соком. Яркий летний день, городской парк отдыха оглашается визгом и криками тех, у кого захватывает дух на очередном аттракционе.

Купив мороженое, не спеша идем вместе по аллее. Она вся в пятнах света и тени. Мимо проносятся яркие трехколесные велосипеды, на лавочках играют в шашки и шахматы.

– Простите мою старческую болтливость. Нет, не спорьте, я знаю, что болтлив. Это нехорошо, я сегодня слишком разговорился. Живу в семье сына – генерала. Всем обеспечен, вот только поговорить не с кем, целыми днями один да один. А тут еще и зрение стал терять, даже читать не могу.

После двух часов разговора наконец знакомимся. Называя фамилию, испуганно заглядывает в лицо и, будто извиняясь, поясняет:

– Это еврейская фамилия.

Ему семьдесят пять. Всю жизнь проработал корреспондентом в районных и областных газетах на Алтае и Урале. Некоторые фельетоны печатались в известном сатирическом журнале «Крокодил». Помня свою «пятую» графу, всегда держался периферии, это помогло жить и выживать.

– А вот еще одно стихотворение...

Он декламирует уже восьмое.

– А однажды мы поспорили с другом, кто больше будет читать наизусть стихи без перерыва. Я выиграл. С двух часов дня и до семи вечера не останавливался.

Прощается на автобусной остановке:

– А я могу один добираться до парка, мне отсюда и до дому без пересадки.

В окне отъезжающего автобуса мелькнули солнечные зайчики, отраженные толстыми линзами очков.

* * *

Тяжело дыша, баба Лиза сидит на лавочке возле дома. В старом зимнем пальто с меховым воротником, в пуховом платке, на ногах – валенки. Солнечно, май месяц. На дворе суетятся куры, собака лежит в тени скамейки.

– Здравствуй, а я тебя все увидеть хотела, соскучилась. Чегой-то видать не было?

Ей шестьдесят пять, полгода назад случился инсульт, вся правая сторона тела парализована. Жила в соседней деревне, дети забрали к себе.

– Соседка моя померла, а я вот все живу. Какая я молодая?! Что ты! Кто в колхозе работал, разве в моем

возрасте молодой? И в жару, и в стужу, еще темно, а мы уж в коровнике. Руки-то вишь как скрутило от дойки... А у моего дома, там-то, в Вишневке, поди уж сад зацвел. Как бы съездить, посмотреть?..

Кладу на лавочку книги Николая Водневского, Николая Сизова, Кристины Рой.

– Вот спасибо, а те уж я прочитала. Жизненно пишу, аж плакала. Пока работала, читать было некогда, а вот теперь зато читаю.

И опять рассказ о колхозе, о том, как в далеком 1947-м приехали в Кенигсберг, как жили в сараях, как тяжело, надсадно работали.

* * *

– Мне вот семьдесят два уже. Привык я к ней. Вот не будет ее, что стану делать? – огромными, заскорузлыми, неловкими пальцами он вытирает слезы, которые так странно видеть на этом суровом лице, красном и обветренном. – Прошу каждый раз: «Мать, будешь задерживаться, позвони, предупреди». Нет! – подбородок дрожит от обиды. – Никогда не делает, как прошу.

– Ну, отец, не могла же я с остановки звонить, что транспорта нет, – оправдывается жена, выкладывая на стол покупки: буханку хлеба, пакет молока, кусочек сливочного масла.

– Это ж мой собеседник, мой говорунчик. Я иной раз и ворчу на нее, а как нет с работы в положенный час, так весь изойдусь душой: вдруг что случилось? Умру тогда сразу. Не могу без нее.

– Так я тоже не могу без тебя, отец.

– А почему не позвонила? – пережитый страх вновь напоминает о себе.

Старость... Как будто жизнь человека, сделав виток, зависает над той же точкой, где когда-то было детство. Только чуть выше, как спираль, уходящая ввысь. А «высота спирали» между детством и старостью – прожитые годы, опыт. Что больше всего пугало в детстве, помните? Не заботы завтрашнего дня, не поиск хлеба насущного (разговор о «среднестатистическом» детстве), а возможность потерять родителей – маму, папу, остаться одному, без защиты, без помощи.

В годах преклонных давно уж нет рядом ни отца, ни матери. Дети и внуки выросли. Поступательное движение поколений продолжается, колесо Вселенной крутится, как прялка древних славян – символ бесконечного повторения жизненного цикла.

А мы уже на обочине шоссе: болезни и слабость, недуги и немощи одолевают. Остается одиночество, тоска «отработанного материала», отсутствие искреннего внимания, заинтересованного собеседника. А внутри столько событий, дат, пережитого, перечувствованного, потерянного и обретенного. И часами можно рассказывать о временах далекой молодости. Только некому. И забота близких иной раз почему-то обижает. И тогда слышишь за спиной тихий разговор о капризах стариков.



ВРЕМЯ И ВЕЧНОСТЬ

Далекий теперь уже 1987 год. Студенческая аудитория университета заполнена взволнованными абитуриентами. Идет последняя консультация перед вступительным экзаменом по физике. Пожилой профессор, снисходительно поглядывая на 17-летних юнцов, улыбается в усы и перемежает байками формулы и теоремы: «Кстати, многие люди не могут пользоваться электронными часами, не имеющими циферблата. Смотря на табло, где высвечивается, например, 12:05 или 04:29, человек не видит перспективы. Его взгляд упирается в конечный результат. Глядя на часы, он видит ту часть дуги циферблата, которую минутная стрелка еще только пройдет, а на электронных часах этого не видно, что и вызывает чувство дискомфорта».

Совсем недавно в нашем языке появилось новое слово – «формат». Многие сейчас говорят: «существовать в таком-то формате», «выйти за рамки формата», «вписаться в формат». Используя это выражение, можно сказать, что человечество существует во

временном формате. Но из откровения Божьего мы знаем, что Творец существует вне времени, и эту вечность Он приготовил всем, любящим Его. И уже на Земле верующий живет и в рамках времени, и в бесконечном будущем. В мире, но и над ним. И такое существование обуславливает поступки, непонятные для мира, нелогичные для многих.

В 70-х годах прошлого века в городе Саратове пресвитером евангельской общины был брат Александр Гордеевич. Уже преклонных лет, он жил один в небольшой комнатке (двенадцать квадратных метров) в коммуналке. Вся обстановка состояла из узкой железной кровати, застеленной серым солдатским одеялом, стола, нескольких стульев и шкафа. Сестры по вере приходили делать уборку и постирать вещи. Александр Гордеевич был художав, невысок ростом, слаб здоровьем, но внимательные глаза на светлом, чистом лице сохраняли ясность разума и твердость памяти. Дети его, жившие в других городах, давно звали отца к себе, понимая, что ему уже нелегко жить одному. Однако община просила пресвитера остаться: его любили за отеческую опеку, за мудрость и спокойствие, за верность Господу. Когда он вставал за кафедру, на стене, между двумя окнами, казалось, отражался светящийся контур его силуэта, а к слушателям текли речи о верности и любви Творца, о вечности и временности бытия.

Как и многие, чья жизнь пришлось на двадцатый век в России, он прошел через тюрьмы, казематы, ГУЛаг. Был приговорен к смертной казни. Часто рассказывал о той ночи, что довелось ему прожить в камере смертников. Это была комната с высоким потолком, где тускло светила электрическая лампочка.

Стены, пол, потолок – из цемента. Ни нар, ни табуреток, ничего из мебели. И только четыре шага можно было сделать по диагонали. Находясь в этом «мешке», Александр Гордеевич молился и пел гимны. Через некоторое время привели туда же еще одного приговоренного к расстрелу – подполковника. Сначала он беспрерывно курил, потом начал плакать, затем плач перешел в вой. Осужденный бился головой о стену, в полубессознательном состоянии раскачивался из стороны в сторону. Александр Гордеевич пытался его как-то приободрить и утешить, но все было бесполезно. В короткие минуты, когда смертельная тоска несколько утихала, подполковник задавал один и тот же вопрос: «Как вы можете петь?! Как вы можете петь?! КАК ВЫ МОЖЕТЕ ПЕТЬ?!»

Время приобрело вдруг два взаимоисключающих свойства, и оба они проявлялись в той ситуации одновременно: время тянулось бесконечно медленно и несло с ужасающей быстротой. Перед лицом вечности временной формат давал сбой, человек, помимо своей воли, выходил из временных рамок. Один, зная Божью бесконечность, был готов расстаться со временем, а другой – нет.

За подполковником пришли, пообещав вскоре вернуться и за вторым узником. Александр Гордеевич, постелив на полу пиджак, лег и уснул. А утром пришли и за ним. Уверенный в своей близкой встрече с Господом, он спокойно отправился с конвоирами и попал в огромную общую камеру. Расстрел был замечен на пятнадцать лет заключения.

В воркутинских лагерях Александр Гордеевич проповедовал и создавал общины. Его часто переводили из одной зоны в другую, и везде появлялись

группы верующих. Эти переводы только способствовали распространению Евангелия.

Меня не столько потрясает спокойствие осужденного на смерть и созидание церквей в лагерях, сколько свидетельство о том, как люди принимали крещение. (Да, там люди крестились во имя Отца, и Сына, и Святого Духа!) В вечной мерзлоте долбили яму, ждали, когда подтает лед и воды наберется столько, чтобы возможно было человеку (лежа, сидя, согнувшись – как угодно) погрузиться в нее. Порой число покаявшихся и принимавших крещение доходило до семидесяти человек и больше.

В этой мутной талой воде отражалась вечность...

Александр Гордеевич был реабилитирован только в 60-х годах, через десять лет умер, успев полгода прожить у одной из дочерей, которая все-таки забрала старого и больного отца, до конца своего земного времени отдававшего все на служение вечности.

Хорошо помню 70–80-е годы. Помню напряженную атмосферу постоянной угрозы, окружавшую семью. Тогда казалось, что часы жизни навсегда застыли на отметке «страх». Вся корреспонденция, приходившая на наш адрес, обязательно вскрывалась, работать было невыносимо тяжело: слезка, придирки, так называемые «суды чести» преследовали родителей. Ближайшая церковь – в ста двадцати километрах, что было почти непреодолимо, и ни одного верующего в округе. Но ночью сквозь сон до меня доносился свист и хрипение старого приемника «Регонда»: это мама непрерывно и плавно крутит ручку настройки, ловя слова: «Говорит Монте-Карло». Холод ноябрьской ночи окутывает дом, за окном только дождь и ветер. И вдруг сквозь непогоду ясно слышен стук в дверь.

На пороге – незнакомец. Секунда тревожного ожидания (Кто он? Зачем он?), и слова приветствия вызывают вздох облегчения, улыбку удивления, радость от встречи. «Мир вам!» – это прозвучало, как пароль, так поздороваться может только брат, только «свой». В этот момент вздрогнула стрелка на часах жизни и указала на отметку «вечность», а дверь открылась не в осеннюю непогоду, а в яркое утро бесконечного дня. И пусть это длилось очень малое время по сравнению с тяжкими буднями, но перспектива безоглядного доверия, бескорыстной любви, братской помощи блеснула сквозь пелену дождя. Я не помню ни имени того человека, ни откуда он был, ни куда направлялся, но уверенность, что мы не одиноки, осталась на всю жизнь.

Время исторически изменилось, но на Земле всегда будут справедливы слова Христа: «В мире будете иметь скорбь» (Ин. 16:33). На смену переживаниям тех лет пришли другие проблемы и испытания. Нам кажется, что время замерло в повседневной рутине, развитие завязло в повседневных мелочных заботах и разборках. Это не так. Время стремительно и неутомимо движется к концу. К концу этого дня, этого года, нашей жизни, человеческой истории, к концу всей Земли.

Мы должны уметь видеть перспективу своей жизни и своего служения. Взгляд не должен фиксировать только минутный результат: сегодняшнюю обиду, затянувшуюся ссору, вчерашнюю неудачу. «Забывая оставшееся позади и простираясь вперед, стремлюсь к цели...» (Флп. 3:13–14). Взгляд не должен видеть сегодняшний день без исторического и Божественного контекста. Стрелки не стоят на месте

никогда. Наш взгляд не видит их движения, но перспектива, а тем более ретроспектива свидетельствует о неотвратимости и быстротечности движения времени. Еще один из узников ГУЛага заканчивал каждый раз свой рассказ о пережитом такими словами: «Не успеем обойти даже все города России, как Господь придет за нами».



ДРУЗЬЯ

Сердце согрето теплом, исходящим от этого слова. Они легко приобретаются в детстве и юности, но и так же легко теряются. С годами найти друзей становится все труднее и труднее, а порой и совсем невозможно. Неожиданно откроется дверь, и на пороге появится старый друг, или придет письмо из далекой юности, или случайный знакомый вдруг упомянет родное имя.

Ветер времени донесет до нашего слуха весть о тех, с кем мы «вместе верили, вместе молились и пели». Кто-то из них был свидетелем на нашей свадьбе, кто-то стоял рядом с нами у гроба, кто-то праздновал с нами рождение нашего первенца, кто-то сидел у нашей постели в больнице. Вы помните их лица? Конечно, помните.

Где они остались? Кто-то отвернулся от нас, от кого-то отвернулись мы. На «этапах большого пути» мы их теряли и находили.

Дорожите друзьями, дружескую связь легко порвать, но непросто связать. А связав, трудно не

заметить, сгладить оставшийся «узелок», который остается на память. А если вся жизненная нить похожа на четки: состоит из одних только узелков? Из узелков обид и огорчений...

Проходят годы, рядом остаются самые верные, самые преданные, самые проверенные. Проверенные переживаниями, горем и радостью, обидами и прощениями. «Друг любит во всякое время». Бывают времена, когда нас так тяжело любить! И дело не в нашем материальном положении: если «дружба» зависит только от денег, то это не дружба, не об этом сейчас разговор. Нас трудно любить, когда мы злы и раздражительны, когда мы несправедливы к своим близким и срываемся на них.

Иногда друзья бывают, как старая, добрая, много раз прочитанная книга: знаешь каждую строчку, каждое слово, но любишь ее за это еще больше. Иногда друзья, как непредсказуемый ураган, но и за это любишь их.

Смотришь на старую фотографию, сделанную лет двадцать назад, и вспоминается документальный фильм о сталинских репрессиях. Герой фильма рассматривает пожелтевший снимок и рассказывает о старых друзьях, запечатленных на нем. Практически каждый из них обведен кружком – знак того, что человек был арестован и погиб в лагерях. Иногда хочется и на моей фотографии обвести кружком тех, кого уже давно нет, не только рядом, но в церкви. Кто вас вырвал из дружеского круга, где вы теперь?

Дай нам Бог такую возможность – собраться всем друзьям у ног Друга.



ЦЕРКОВНЫЙ ГИМН

Церковь... Что это такое? Это люди, люди, люди. Такие разные: непонятные, раздраженные, открытые, замкнутые. Старые и молодые, дети и взрослые, веселые и грустные, бедные и обеспеченные, многодетные и бездетные, семейные и одинокие. Сколько их ушло в вечность за эти годы, сколько их пришло из мира, сколько их отпало, сколько вернулось... Свадьбы и похороны, рождение детей и трагедии собирают всех вместе. Бывают и обиды, и ссоры, и бурные членские собрания, и споры о том, «кто сядет по правую руку»...

Но вот затихает шум, привычные слова начинают богослужение, и мир наполняет душу, и радость общности поклонения единому Отцу в единой семье охватывает присутствующих. Кажется, что все, происходящее за пределами церкви, – это только фон, ландшафт, меняющийся за окном, который может привлекать, но не являться главным. Главное в жизни – вот эти люди, люди, люди. Спорящие и ищущие, отстаивающие свою истину, спотыкающиеся

и падающие. И ты – один из них. Ты тоже идешь по острому щебню, спотыкаешься в темноте, сбиваешься с пути и громко плачешь, как потерявшийся ребенок, в тупике уткнувшись в каменную стену, которая неожиданно выросла на пути. Ты тоже споришь, добиваешься «своего» места, обижаешься. Но ты не сможешь жить без братьев и сестер, не сможешь обходиться без общих дел и забот церкви, ты не мыслишь свое существование без всех этих людей, людей, людей.

Конечно, не все входят в круг твоих близких друзей, но, сидя на воскресном богослужении, отрекшись от своих обид и амбиций, понимаешь, что ты ни в чем не выше, не лучше, не умнее, не безгрешнее. Ты такой же ищущий и находящий, как все эти люди, люди, люди.

Смена поколений, истории, привычек, взглядов, как переливчатый оттенок на поверхности церкви. А внутри – глубина и покой, неизменность и надежность. Ты не так одеваешься, как братья и сестры пятьсот, сто, двадцать лет назад. У тебя другая прическа, другой язык. Но это внешний отблеск окружающего фона, законного ландшафта. А внутренний стержень, внутренняя сущность та, которую «врата ада не одолеют».

Иногда церковь болеет, иногда в ней живут паразиты – чужаки, у которых нет с ней ничего общего, но они присосались к ее телу, изо всех сил мимикрируя, изо всех сил крича: «Я – часть церкви, причем лучшая!» Но их сущность будет открыта, Бог создаст такие обстоятельства, в которых они вынуждены будут поступить по СВОЕЙ природе. Они отлетят, как сухие ветви, потеряв способность держаться

за ствол, который так и не стал для них родным, поскольку они не питались его соками. И останутся те ветви, что дрожат от холода, трепещут под ударами дождя и града, гнутся от бурь и ураганов. И останутся те ветви, что тяжелеют от плодов. И ты будешь среди них – старых и молодых, одиноких и семейных, удачливых и невезучих, образованных и малограмотных, нетерпеливых и медлительных. Ты останешься в церкви, а церковь – это люди, люди, люди, которых ведет Бог.



ЧТО ДЕЛАЮТ СТРАННИКИ И ПРИШЕЛЬЦЫ НА ЗЕМЛЕ

Случалось ли вам надолго покидать свой дом? Помните то радостное и немного тревожное чувство, что сопутствует отъезду? А переезжали ли вы хотя бы раз на новое место жительства? Думаю, что многим, читающим эти строки, знакомо щемящее чувство тоски по оставленному краю. И чем дальше уходит в прошлое то время, что связано с прежними переживаниями, тем прекраснее оно кажется. Человеческая память очень необъективна: она стирает негативные моменты и ярко высвечивает положительные, тем более когда все это приправлено неизбывным чувством ностальгии.

Какие же мощные миграционные потоки захлестнули за последние десять лет пространство бывшего СССР! Как много семей, преодолев многокилометровые расстояния, с огромными трудностями обустроиваются на «исторической родине», со слезами добиваясь гражданства, прописки, пенсии, работы. Новые города, новый, как модно сейчас говорить, менталитет, новые церкви: «А у нас было не так!» В ответ:

«А у нас всегда было только так!» Обида, непонимание и... воспоминания, фотографии. И хотя каждый из переезжающих заранее выбирает город и регион, где он собирается жить, и ему в письмах рассказывают обо всем те, кто уехал раньше, хотя многие отцы семейства приезжают «на разведку», прежде чем перевезти свою семью, все равно люди ощущают нестабильность, неподготовленность к новым условиям. Необходимо время, чтобы привыкнуть, разобраться в обстановке, наладить быт, получить социальные гарантии. И даже когда проходит много лет, все равно приезжие остаются приезжими, чужаками: «чимкентцами», «карагандинцами», «душанбинцами». Наверное, только их внуки станут «калининградцами», «тамбовчанами», «омичами». Что ж, национализм – наследие Вавилонской башни – всегда с нами. Все мы – странники и пришельцы...

В Библии описывается история о переезде одной семьи (Быт. 12:1–9). Прочтем ее и убедимся, насколько более непредсказуемым и неопределенным был этот переезд в сравнении с нынешними. Если современный лейтмотив звучит вопросом: «КАК мы там будем жить?», то семья Авраама задавала вопрос: «КУДА мы идем?»

«И сказал Господь Авраму: „Пойди из земли твоей, от родства твоего и из дома отца твоего и иди в землю, которую Я укажу тебе“» (Быт. 12:1). Земля, родство и дом отца – это три фактора, которые формируют личность. Земля – это родина, нация, традиции, обычаи, культура. Родство – это наши самые близкие люди, «родная кровь», плоть от плоти, те, кто нас понимает и знает лучше других. Конечно, родственники бывают и плохие, и злые, но в боль-

шинстве случаев – это те, кто нам ближе всех. Мы часто осуждаем своих родных за глаза и жалуемся другим; высмеиваем и порой можем злословить, обижать и обижаться сами на наших теток, дядек, племянников, тещ, свекровей, зятьев и невесток. Однако в праздники мы идем именно к ним, а если случится беда, то уходят ссоры между родными, хотя тут же вспыхивают вновь, как только жизнь входит в привычную колею. Без родных человек чувствует себя сиротой. «Как перст!» – горестно восклицает он, даже если наделен земными благами. Дом отца – отчий дом – родной очаг, надежная пристань, где тебя всегда ждут. Даже если ты никому не нужен больше, всегда можешь быть уверен, что здесь в тебе нуждаются – в твоей любви и ласке, так же, как и ты. В доме отца проходит наше детство – самая беззаботная и счастливая пора. Когда мы вспоминаем ее, то она всегда ассоциируется с отчим домом. Как можно отказаться от всего этого, забыть?

Итак: отчизна, родные и дом отца – что может быть дороже для человека?! И вдруг, как удар: «Пойди от всего этого!»

«Куда, Господи?»

«Куда Я укажу».

Забудь, что ты гражданин богатого цивилизованного государства, самого развитого для того времени. Забудь о своих родственных узах, забудь родных. Оставь дом отца – тот, что достался тебе по наследству, где, как надеялись твои предки и как требовал закон, должен был развиваться и благоденствовать твой род, прямой потомок которого – ты. С чем я останусь? Во все времена к таким людям относились с презрением и недоверием: «Иван, не помнящий родства»,

«перекати-поле». «Что я буду иметь за такие жертвы? Да и нужны ли они вообще?» В ответ: «Иди в землю, которую Я укажу тебе». Даже названия у земли нет.

Только представьте себе, Бог обращается к вам: «Возьми вещи, погрузи в машину, усади семью. Двери дома можешь не запирать – для тебя это не имеет смысла, ты сюда уже не вернешься. Поезжай, куда укажу». Кто-нибудь из нас смог бы так повиноваться Богу? Вы скажете: «Так поступают миссионеры». Нет, не так. Миссионер знает, куда идет, готовится к своему труду и всегда может вернуться назад. А здесь – полная неизвестность в будущем и нет возврата к прошлому. В те времена нашелся лишь один человек, способный на такое, – Авраам.

И Бог дает Свое обещание: «И Я произведу от тебя великий народ, и благословлю тебя, и возвеличу имя твое, и будешь ты в благословение» (Быт. 12:2). Все это достаточно абстрактно. Можно задать вопрос: «Разве я увижу этот великий народ?» Вряд ли. А стоит ли терять свое благополучие ради каких-то будущих поколений? А не лучше ли прожить по принципу, по которому живет весь мир: «Своя рубашка ближе к телу»? К обещанию Бог еще прибавляет гарантию Своей защиты: «Я благословлю благословляющих тебя и злословящих тебя прокляну; и благословятся в тебе все племена земные» (Быт. 12:3).

Путешествие началось. Оно, по подсчетам современных исследователей, составляло 2400 км! И было не только длинным, но и опасным. На дорогах подстерегали путников многочисленные неприятности: песчаные бури пустыни, шайки разбойников, дикие звери. Уповать можно было действительно лишь на Бога и Его помощь и защиту. Несколько лет назад

по телевидению передали сообщение о гибели семьи миссионера, направлявшейся к месту благовестия. Их самолет по ошибке был сбит повстанцами. Если в наше время путешествия опасны, то каково было горстке людей, затерянной среди огромных неосвоенных просторов!

Земля, в которую пришел Авраам, была населена идолопоклонниками. Написано, что Авраам дошел «до места Сихем, до дубравы Море». Слово «море» переводится как «указывать». Предполагают, что речь идет о дубе, который жители Ханаана считали оракулом. Правда, и сам Авраам вышел из такой же нечестивой местности. Культы шумеро-вавилонских божеств, которым поклонялись жители Ура, оказали огромное влияние на Израиль. Достаточно упомянуть таких известных идолов, как Ваал и Астарта. Они – «земляки» Авраама. Но Ханаан впоследствии должен был очиститься от мерзости идолопоклонства великим народом, произошедшим из чресл Авраама. Именно возле дубравы Море явился Господь Аврааму, именно там Авраам поставил жертвенник Богу – первый в Ханаане. Это было первым делом странника и пришельца Авраама.

«И явился Господь Авраму и сказал: „Потомству твоему отдам Я землю эту“. И создал там Аврам жертвенник Господу, Который явился ему» (Быт. 12:7). В дальнейшем Авраам, продолжая идти дорогой, указанной Богом, также призывал Его имя. За первым жертвенником были возведены другие, и не только Авраамом, но и потомками его. Израиль стал великим народом – это физическое потомство Авраама. Церковь из язычников – великая Церковь – это духовное потомство Авраама. Авраам исполнил Божье

условие – пошел из земли своей, от родства своего и из дома отца своего, оставив все. Бог дал ему во много раз больше, исполнив все Свои обещания.

Теперь вспомним подобные же обращения Бога к людям, прозвучавшие много веков спустя: «И говорит им: „Идите за Мной, и Я сделаю вас ловцами людей“» (Мф. 4:19); «Проходя оттуда, Иисус увидел человека, сидящего у сбора пошлин, по имени Матфей и говорит ему: „Следуй за Мной“. И он встал и последовал за Ним» (Мф. 9:9); «Иисус сказал ему: „Если хочешь быть совершенным, пойди, продай имение твое и раздай нищим – и будешь иметь сокровище на небесах; и приходи и следуй за Мной“. Услышав слово это, юноша отошел с печалью, потому что у него было большое имение» (Мф. 19:21–22).

Кто-то откликнулся на этот призыв, кто-то с печалью отвернулся, не смог оставить «землю, родство и дом отца». А что приобрели те, кто все оставил? Кем были Петр, Иоанн, Иаков? Рыбаками. Другие ученики Христа, оставившие все, тоже не блистали учеными званиями, богатством, должностями. Но их имена знает весь мир. Какого философа или мыслителя, имеющего огромное количество дипломов, выданных самыми престижными университетами мира, можно поставить рядом с ними, с этими малограмотными рыбаками?! И эта их земная слава – ничто перед их славой небесной.

Как Авраам был родоначальником избранного еврейского народа, так и Петр и другие апостолы были родоначальниками Церкви – избранного народа. А кем стал богатый юноша? Мы не знаем даже имени его. Апостолы пошли по земле греха и идолопоклонства, и как Авраам воздвигал жертвенники Богу

в Ханаане, так Павел, Петр, Варнава и другие воздвигали общины верующих во Христа. Они стали странниками и пришельцами на своей родной земле и за ее пределами.

До сих пор к каждому человеку звучит Божье обращение: «Оставь все и следуй за Мной! Ты получишь нечто лучшее». Другими словами: «Стань странником и пришельцем».

«Кто любит отца или мать более, нежели Меня, недостоин Меня; и кто любит сына или дочь более, нежели Меня, недостоин Меня; и кто не берет креста своего и следует за Мною, тот недостоин Меня. Сберегший душу свою потеряет ее; а потерявший душу свою ради Меня сбережет ее» (Мф. 10:37–39); «И всякий, кто оставит дома, или братьев, или сестер, или отца, или мать, или жену, или детей, или земли ради имени Моего, получит во сто крат и наследует жизнь вечную» (Мф. 19:29); «Кто будет исполнять волю Божию, тот Мне брат, и сестра, и мать» (Мк. 3:35).

Обращение и обещание прозвучали к Аврааму от Бога. Обращение и обещание прозвучали к апостолам от Христа. Обращение и обещание прозвучали к нам от Духа Святого.

Задача Авраама состояла в том, чтобы освящать жертвенниками Богу оскверненную идолами землю. Задача учеников Иисуса состояла в том, чтобы освящать христианскими общинами оскверненную идолами землю. Наша задача остается такой же: «Вы – соль земли. Если же соль потеряет силу, то чем сделаешь ее соленой? Она уже ни к чему не годна, как разве выбросить ее вон на поприще людям» (Мф. 5:13).

Среди повседневных забот и трудов, ссор и споров, сложных взаимоотношений и поисков понимания

необходимо помнить об этом поручении, об этой задаче: устранять идолов, а не добавлять к ним новых, раздутых нашими амбициями и обидами. Как часто в храме нашего тела мы ставим истуканов в честь нашего эгоизма, черствости, фарисейства, злословия. Пока еще Церковь находится на земле, необходимо освящать ее, эту землю, как Авраам и апостолы, независимо от того, живете ли вы там, где родились, или переехали за несколько тысяч километров, а может быть, пересекли океан.

Мы все – странники и пришельцы в этом мире. Иногда мы забываем об этом и ведем себя, как хозяева, на церковной скамье, на кафедре, на молитвенном служении сестер, в группе прославления, и видим главную свою задачу в том, чтобы не допустить ничего такого, что не согласуется с нашими мыслями, с нашими традициями, с нашими толкованиями Священного Писания. Иногда мы ведем себя, как захватчики, которые видят главную свою цель в том, чтобы перестроить весь мир или хотя бы данную местность и общину под наше понимание, под наше толкование, под нашу традицию. Здесь уже не до постройки новых жертвенников, ведь надо старые привести в «надлежащий» вид, а это отнимает столько сил и средств, а главное – стоит нам столько потерянных добрых отношений, обиженных братьев и сестер, которые тоже являются странниками и пришельцами! Мы все идем в одну страну, стремимся к одной общей родине. Наше дело здесь, на земле, состоит только в том, чтобы как можно больше попутчиков приобрести по дороге к небесной стране.

ВРЕМЯ ВСЕГДА
БЛАГОПРИЯТНОЕ





БЛАГОСЛОВИТЬ ВРАГА

Что больше всего ценит в наши дни человек цивилизованный, имеющий все блага, данные наукой и техникой? Человек цивилизованный ценит больше всего здоровье. Вопросы здоровья, старения и неумирания – актуальнейшие вопросы современности. Самые светлые головы и выдающиеся умы работают над проблемой продления нашего бренного существования. Провозглашенные ценности человеческой жизни и свободы личности – главные ценности нашей эпохи. Однако не все зависит от медицинских достижений или развития геронтологии – науки, изучающей причины старения организма и ищущей способы борьбы с этими причинами. Есть и другие факторы, мешающие овладеть этими ценностями абсолютно и навсегда.

Один из таких факторов – неистребимая воинственность гомо сапиенса. С одной стороны, он, этот самый гомо, всегда декларировал стремление к миру, а с другой – вел перманентную войну. Если вспомнить историю, то можно увидеть, что приветствия

древних правителей и власть имеющих – это, в первую очередь, пожелание мира и, как следствие, процветания, и благоденствия. И только в новое время, как было сказано выше, когда здоровье стало первоочередной ценностью, мы желаем друг другу именно его при встрече. Но до сих пор христиане старшего поколения, заходя в дом, говорят: «Мир дому этому!» и слышат в ответ: «С миром принимаем!»

В наше время борьба за мир (борьба!) развернулась сразу, как только закончилась Вторая мировая война. До сих пор она не только не затихает, но еще более усиливается: в «горячих» точках планеты – вооруженные до зубов миротворцы; для подавления агрессии – превентивные бомбардировки; для принуждения к миру – локальные военные конфликты. Мало у кого возникает сомнение в правильности выбранных силовых методов. Да судя по поговоркам, что сохранила история, не возникало и раньше: «Мира не ждут, его завоевывают», «Хочешь мира, готовься к войне».

Мировые конфликты – не единственные войны, которые ведут люди. Межличностные ссоры и распри так же постоянны, как борьба за сохранение здоровья и поиски личного счастья. И даже в периоды перемирия человек не испытывает покоя. На протяжении многих и многих лет можно наблюдать вялотекущий мир между непримиримыми сторонами. Люди могут улыбаться и вроде бы тепло общаться, но при этом хранить в душе непримиримую враждебность. Опять же русская поговорка гласит: «Худой мир лучше доброй ссоры». Однако «худой» мир – это лишь преддверие «доброй» ссоры. И если она не разгорится с новой силой между враждую-

щими сторонами, то сожжет изнутри самих противников.

В отличие от греховного люда, который все пытается наладить мирное сосуществование на планете с помощью боевых слонов, крестовых походов или ядерного потенциала, Христос призывает совсем к другому: «Любите врагов ваших, благотворите ненавидящим вас, благословляйте проклинающих вас и молитесь за обижающих вас» (Лк. 6:27–28).

Многие скажут, что пробовали, пытались, благословляли и любили, но долгожданный мир не наступил, враги оставались врагами. Однако речь идет не о том, что в результате наших действий враги изменятся. Человек сам делает выбор, принимает решения. И если противник решает оставаться на тропе войны, вряд ли мы сможем его оттуда сдвинуть. Речь идет о нашем внутреннем состоянии, которое из враждебного, угнетенного, напряженного становится умиротворенным, спокойным и радостным во Христе. И вот тот внутренний свет, который приобретает верующий, становится светом миру.

А благословить врага можно лишь тогда, когда поступишься своими интересами. На самом деле, ведь не на пустом месте возникают у нас претензии к нему. Есть ущемленные интересы, есть нанесенные обиды, есть притеснения и упреки. Есть что предъявить. Вот когда мы избавимся от этого счета, причем не путем его удовлетворения, а тем, что поступимся своими интересами, откажемся от поисков справедливости и сатисфакции, тогда мир и наступит в нашей душе. И как следствие это скажется на взаимоотношениях с другими. И будем тогда миротворцами, которые удостоены звания сынов Божиих.

Враг человеческих душ, конечно, не оставит в покое никого. В безумной надежде он пытался сокрушить мир Христа. Сыну Божьему пришлось испытать огромное количество нападок и провокаций в течение такого короткого земного служения: от искушения в пустыне до многочисленных коварных вопросов (например, о женщине, взятой в прелюбодеянии, или о том, стоит ли платить подать кесарю). «Но все это преодолеваем силой Возлюбившего нас» (Рим. 8:37).

Можно увидеть и другой смысл, заключенный в слове «миротворец» в новозаветном контексте: это благовестник, проповедующий о Христе. На землю пришел Великий Примиритель – Христос. Еще при Его рождении было возвещено: «...и на земле мир...» (Лк. 2:14). Господь Иисус примирил в первую очередь творение с Творцом. Призыв к покаянию – это призыв к миру с Отцом Небесным через жертву Голгофы. Поскольку вся вражда взяла свое начало от бунта в Эдемском саду, то и непримирение с Богом – источник непримирения со всеми окружающими. Никогда человек не получит истинного мира и душевного покоя, пока не наладит отношения с Ним.



БУНТ

А он, мятежный, ищет бури...

М. Лермонтов

Нет ничего нового и оригинального в проблеме «отцы и дети». Каждое поколение высказывает и бесконечно долго рассуждает по этому вопросу. В Библии мы встречаем рассказ о проблеме отцов и детей. Конфликт между старцами и молодыми людьми в Третьей книге царств (глава 12) говорит о жестком противостоянии, которое привело к печальным последствиям – к разделению царства.

Что же делят между собой старые и молодые? Спросите психологов и социологов, педагогов и аналитиков, они обстоятельно, грамотно объяснят объективные причины этого закономерного процесса. Человечество смирилось с «непониманием между поколениями», подвело под это научный базис, все выяснило – «на смену старому всегда приходит новое, а старое не уходит без борьбы».

Нет ничего удивительного в том, что людям близка эта тема, ведь проблема «молодые – пожилые» основана на столь любимом человеком бунте. Бунт человека против Бога разрушил отношения между

Творцом и творением. Бунт против родителей несет раскол в семью. Люди готовы бунтовать всегда и везде. Бунт несет разрушение и смерть. Бунт уничтожает в первую очередь тех, кто бунтует. Примеров тому – бессчетное количество, начиная от первого бунтаря из людей Адама, павшего жертвой своего протеста, и заканчивая современным подростком, в порыве бунта убегающего из дому, чтобы доказать что-то родителям, а на самом деле спешащего к собственной гибели. Ну, а революции – просто кладезь примеров «принесенных в жертву» бунтовщиков. В известной фразе француза Ж. Дантона: «Революция пожирает своих детей» было бы правильным изменить слово «революция» на слово «грех». Парижские якобинцы и «верные ленинцы», породившие одни из самых кровавых бунтов в истории человечества, были этими мятежами и уничтожены.

Несмотря на все ужасные последствия бунта – от физической до духовной гибели, – люди прославляют его. Человечество всегда защищало и прославляло свой грех. Помните школьную программу с ее романтизированным «Демоном» Лермонтова и «Буревестником» Горького? А очищение России через бунт у Блока в «Двенадцати», где отряд бунтовщиков возглавляет Христос? Наши дети воспитываются на идеях, прославляющих бунт, мятеж, неподчинение. И эта идеология бунтарства не ушла вместе с коммунистической идеологией, как, впрочем, и не приходила с ней. Идеолог сатана провозгласил бунт как программу к действию еще в Эдемском саду. С тех пор форма пропаганды менялась, а сама программа – никогда.

Участвовать в бунте хочется каждому. Поэтому, начиная с раннего детства, мы каждый день совер-

шаем свои маленькие бунты и революции. Ребенок в три года проверяет родителей «на прочность» и расширяет границы дозволенного капризами, плачем, требованием исполнения своих желаний во что бы то ни стало. Подростки – отдельная тема. Всем родителям знакомы эти педагогические истины: «Становление своего „я“, формирование мировоззрения, утверждение в жизни, выбор позиции, метафоры юности». Человек взрослеет, и кажется, что и мятежная юность уходит в прошлое. Юность действительно уходит, а вот мятеж остается. Причем он уже не окутан романтикой (она ушла вместе с молодостью) и от этого более злобный. И психологи подсовывают нам новое оправдание: «Кризис среднего возраста, проблемы сорокалетних». Большинство браков, казалось бы, прочных семей, распадается именно тогда, когда супруги достигают 35–40-летнего возраста. Идет бунт против мужа или жены, против неудавшейся жизни, нелюбимого начальства. Ранние инфаркты, гипертония – здоровье уже не то, а бунт еще его подрывает. Старость не приносит успокоения. Бунтуют уже против нас дети, внуки и вся «эта непутевая молодежь». Да и мы не остаемся в долгу – сплетни и пересуды, ворчливые нотации и постоянный контроль с целью выявить как можно больше «криминала» в поведении молодых – все идет в ход.

«Странное существо – человек!» – восклицают философы. Не странное, а грешное, искаженное, израненное этим грехом, обезображенное им. Чего хотят революционеры и бунтовщики? Крови и хаоса? Оказывается, нет! Они хотят мира, счастья, свободы, равенства, братства, всеобщей любви, нового безгрешного

человека. Они хотят «от каждого – по способностям, каждому – по труду»! Это плохо? Это замечательно! Цель прекрасная, путь ее достижения ужасен. Пропasti и жертвы, а результат – еще хуже, чем было до «революции».

Вы скажете: «Это мир». Однако и церковь часто пользуется внешней идеологией. Пятнадцать лет относительной свободы позволили распространить евангельскую весть по территории бывшего СССР. Возникло огромное количество новых церквей и церковных союзов. Хорошо, что есть альтернативы. Плохо, когда был только один союз верующих, разрешенный государством. Замечательно, что есть много общин. Плохо только одно – каждая стремится приобрести свою окраску, выделиться яркой и неповторимой индивидуальностью. Своей. Человеческой. Мелькают названия: «Современная церковь», «Молодежная церковь», «Нетрадиционная церковь». Уже заложено размежевание поколений: если ты немолодой, если ты традиционный, если ты несовременный... Переливчатые названия сверкают перед мысленным взором, когда слышишь их: «Сияющие вершины», «Побеждающий престол», «Царственный союз». Часто, приходя в такие общины, если тебе за 40, чувствуешь себя неуютно. Ты один такой «старый». Богослужение ориентировано на молодых, песни – тоже, темы проповедей – на актуальные молодежные проблемы. Это плохо? Нет, это хорошо. Плохо другое: почему нет места всем поколениям? Другая крайность – организация общины в духе военного коммунизма. Любое отступление от традиций – преступление, любая мода, кроме образца 60-х годов прошлого века, – причина для при-

менения церковной дисциплины. Место для молодых есть, но строго очерчено, выходить за рамки не позволительно.

В традиционных (звучит как осуждение в современном-то контексте) церквях отсутствует понимание, единство между поколениями. Молодежь презрительно цедит: «Эти бабушки в платочках». Старое поколение, монополюю владея правами на церковную кафедру, пользуется этим для «сокрушения и обличения» молодежи.

Характерная зарисовка, которую довелось наблюдать в одной из небольших общин области. Вышла группа пожилых сестер – старый протяжный гимн с многочисленными куплетами, в которых рассказывается целая евангельская притча. На лицах молодых слушателей – усмешка, в зале перешептывания – комментарии. Робкий аккомпанемент фортепиано. Платки, очки, толстые сборники общего пения. Немного с опаской поглядывают на черную головку микрофона, сгрудившись кучкой около него. После них – молодежная группа: уверенная походка, каждый знает свое место, картинно поднимает микрофон согнутая в локте рука. Из черных динамиков льются звуки фонограммы: ритм ударников, бодрая современная мелодия. Текст прост и односложен, четыре-пять предложений повторяются несколько раз. Оба выступления – как вызов и противопоставление друг другу.

Каждый в церкви имеет право на прославление, молитву, свидетельство: «У каждого из вас есть псалом, есть поучение, есть язык, есть откровение, есть истолкование, – все это да будет к назиданию» (1 Кор. 14:26). Однако большинство диктует негласно

свои формы. В одних общинах группы прославления, трио и квартеты почти профессионально несут служение, уже никто, кроме них, и не выступает. И, наоборот, в других церквях под гитару петь нельзя – грех.

Одно из имен Христа – Примиритель (Быт. 49:10). Он примирил нас с Творцом, Он примиряет нас друг с другом. Любовь, которую мы должны являть миру как ученики Его, должна производить в нас и взаимотерпение, и взаимоуважение. Молодость – наше прошлое, во всяком случае, будет когда-нибудь так и для тех, для кого она пока настоящее. Старость – наше будущее, а для многих – уже день сегодняшней. Кто из нас презирает свое будущее или злобно оглядывается на свое прошлое? Бог через жертву Голгофы принимает нас и с нашим прошлым, и с нашим настоящим, и с нашим будущим. Одна из самых больших нужд современных христиан – чтобы в их общинах и церковных союзах был Примиритель.



В ПОИСКАХ ЧИСТОГО СЕРДЦА

*И никакие связи не помогут тебе
сделать ножку маленькой, душу –
большой, а сердце – справедливым.*

Е. Шварц, «Золушка»

— Как думаешь, что значит – «чистое сердце»?

– Думаю, искреннее.

– А еще?

– Не знаю еще. Искреннее и все.

Наверное, искреннее. Хотя есть и искренняя ненависть, и искренняя жажда мести, и искреннее самолюбование, и искренняя гордость. И все исходит из сердца, которое далеко не чисто.

Поиск чистого сердца – один из основных поисков человечества, стоящий в одном ряду с поиском смысла жизни, поиском счастья. По сути это поиск идеала. А идеальный человек, он какой? Светлый, незлобивый, честный. Не ищущий своей выгоды, живущий для других. Не способный на зависть, обман, лицемерие, подлость. Жертвенный, отзывчивый, преданный, прощающий. Без грязи, без фальши. Как горьковский Данко, как куперовский Зверобой, как Татьяна Ларина из «Евгения Онегина», как Ассоль из «Алых парусов», как Тимур со своей командой у Гайдара.

Люди ищут чистые сердца не только в выдуманном мире, но и в реальной жизни. Подвижники, самоотверженные и посвященные, очищенные от низменных черт, всходят на пьедесталы и являют спящим у подножия массам пример гения чистых помыслов. Правда, происходит это всегда посмертно, поскольку лучший идеал – мертвый идеал.

Есть другая категория чистых сердцем, особенно любимая на Руси: юродивые. Они глаголют истину, поскольку лишь им и дано ее прозреть. Например, пушкинский нищий, «бедный Николка» из «Бориса Годунова», что за копеечку помолится и за царя-душегубца, и за народ безмолвствующий. Или князь Мышкин из «Идиота» Достоевского («говорящее» название романа про чистого сердцем). И многочисленные современные блаженные, которые сейчас в большой моде на поклонение.

Некоторые утверждают, что чистое сердце – это сердце, свободное от страстей. Действительно, человек полон желаний, стремлений, похотей. Он раб денег, карьеры, мнения окружающих и многого другого. С раннего детства до глубокой старости все живут в ожидании исполнения заветных желаний, достижения манящих целей. Вот только этот период закончится, вот только это сделаю, вот только переживу – пережду момент, а потом... Что потом? Вечное счастье? Только никак не настает желанное «потом». Неизбежно все мы приходим к этому обескураживающему выводу: бег бесконечен. Так и возникла идея о чистом сердце без страстей. Но страсти так просто не уходят, не оставляют они человека в покое. Держат его в своих душных объятиях, цепляют липкими пальцами, смущают в ночной тишине видениями

и соблазнами греховными. Борьбу надо вести, как и за любое освобождение.

Есть множество примеров в религиозной истории о людях, жизнь положивших на сей труд ратный. Например, Мария Египетская. Эта канонизированная святая считается покровительницей кающихся женщин. С юности была она одержима многими страстями, которые и ввергли ее в пучину разврата. Однако после покаяния отправилась Мария в пустыню, где почти полвека провела в посте, молитвах, воздержании и уединении. Но первые семнадцать лет дались ох, как тяжело: это была бесконечная битва с греховными помыслами и сладострастными воспоминаниями о прошлой жизни.

Аскетизм, отрешение от мира, умерщвление плоти – все эти методы как способ достижения чистого сердца скорее призваны изменить окружающий мир, чем собственно человека. Конечно, трудно пить, гулять и развратничать, будучи прикованным цепями к скале, или удалясь в непроходимые болота, или живя в пустыне. Однако никакие цепи, болота и пустыни не удержат сердце от помыслов и мечтаний, «ибо изнутри, из сердца человеческого, исходят злые помыслы...» (Мк. 7:21).

Другие видят путь в приобретении чистого сердца в той же непрестанной борьбе с окружающими соблазнами в повседневной жизни. Первые слушатели Иисуса, которым Он говорил Нагорную проповедь, с детства знали, как важно соблюдать чистоту. Ритуальные омовения, законы гигиены, карантинные мероприятия (если говорить современным языком) являлись частью жизни еврейского общества. Не случайно в учении Христа так много внимания

уделено противопоставлению: забота о плотской чистоте и пренебрежение духовным освящением. Многократно и многообразно предупреждал Учитель об опасности закваски фарисейской. Проблема осталась в веках: «Знаю твои дела; ты носишь имя, будто жив, но ты мертв» (Откр. 3:1). Слово «фарисей» стало синонимом для «лицемера», то есть хитрого, лживого человека, живущего совсем не так, как проповедует. Однако многие люди являются фарисеями, сами того не подозревая. Когда борьба с окружающей греховной действительностью становится самоцелью, смыслом жизни, уверенностью в том, что только так гарантировано спасение, тогда чистота собственного сердца уходит на второй план, а то и совсем уходит.

Третьи верят, что сердце очищается, пройдя через страдания. Португальский поэт Луис де Камонс писал: «Ничто не возвышает нас так, как великое страдание». С момента грехопадения человечество, а вместе с ним земля и все, что наполняет ее, подвержены страданиям. Они стали неотъемлемой частью тварного мира. Однако есть религиозные течения, приверженцы которых специально заставляют страдать свое тело, надеясь таким образом достичь духовного совершенства и чистого сердца. Конечно, не до фривольных мыслей и шальных поступков, когда вериги стягивают плечи, от голода меркнет свет в глазах, а кровоточащие ноги наступают на острые камни. Но есть и другая сторона этого явления: сколько людей, пройдя тяжкие испытания, становятся жестокими и бездушными. Как часто можно услышать рассказы о давно пережитых страданиях, и при этом голос рассказчика прерывается от обиды, а на глазах

закипают слезы злости. Очистилось ли такое сердце? Или нуждается еще во врачевании?

Чистое сердце – это сердце без обид, без горечи, а не только без моральной грязи. Верующие часто слышат коварный вопрос: «Где был Бог, когда... (началась война, холокост, геноцид, смертельная болезнь, издевательство над детьми и т. д.)?» Человек, не рожденный свыше, не имеющий чистого сердца, не в состоянии увидеть Бога в своих страданиях, он может лишь предъявлять Ему претензии.

Проблема людей в веках остается одна – попытка обойти первопричину проблем и решить все собственными усилиями. Первопричина – грех и удаление от Творца. А упование на себя и самодеятельность в спасении – это уход от ответственности перед Ним. И какие бы методы и способы ни придумывали, все они окажутся тщетными (если не сказать – тщеславными).

Чистое сердце может сотворить только Господь, никакими собственными усилиями человеку это невозможно. Новая, очищенная от греха сущность обретает способность видеть духовными очами окружающий мир, знать и разуметь духовные законы. А это означает видеть силу, волю, власть Бога, Его милосердие и любовь, Его жертвенный подвиг и спасающую десницу. Иисус говорил ученикам: «Видевший Меня видел Отца» (Ин. 14:9). Бог, воплощенный в теле, являл Себя людям. Бог, дающий новое, чистое, сердце, являет Себя спасенному грешнику. Без этого невозможно увидеть Господа в окружающей жизни.

Вот тогда открывается и идеал, в поисках которого «роют землю» философы, писатели и прочие

«инженеры человеческих душ». И этот идеал живой, сострадающий и утешающий, понимающий и принимающий, в отличие от бронзовых, книжных, мифических и прочих примеров для подражания.

«Сердце чистое сотвори во мне, Боже, и дух правый обнови внутри меня» (Пс. 50:12).



VIA DOLOROSA

Лет пятнадцать назад в нашей церкви впервые прозвучал христианский гимн «Via Dolorosa». Первые же аккорды заставили встрепенуться, вынырнуть из потока мыслей и обратить все внимание на музыкантов. Начавшаяся медленным, печальным повествованием: «Вдоль по Via Dolorosa, на Голгофу по пути...», песня постепенно поднималась на крещендо, как волна, нависая над слушателями неизбежностью трагедии: «А солнце палит, и небо молчит!» Мелодичная и торжественная одновременно, со стремительно приближающимся апофеозом: «Разрывал венец терновый кости твердь...» и объединяющей всех в единое братство концовкой: «За тебя и за меня», она произвела огромное впечатление на всех, безусловно, выделяясь в череде постоянно исполняемых песен. Слезы текли по щекам, сердце замирало: «Словно агнец, шел Мессия, Царь царей».

И стала песня любимой.

И стала песня привычной.

В каких только вариантах, в исполнении каких только певцов и певиц ни слышали мы потом это произведение! Этот гимн пело трогательное трио – хрупкие девушки, одетые в одинаковые бледно-лиловые платья, на огромном стадионе, где проходила массовая евангелизация известного проповедника. Исполнялся он суровым мужским квартетом, в наглухо застегнутых белых рубашках, без галстуков и в черных пиджаках, в сопровождении трубы, балалайки и аккордеона. Потрясая слушателей глубоким грудным сопрано, с воздетыми над головой руками пела солистка театра по всем правилам оперного искусства. Обладатель драматического баритона в смокинге и галстуке-бабочке тягуче и грозно выводил слова: «Капли крови, будто маки, расцвели». Пели ее подростки из старшего класса воскресной школы, сбиваясь с ритма и выдерживая взрослое выражение лица. Звучала она под скромный аккомпанемент старенького фортепьяно в сельской общине и под солидное сопровождение симфонического оркестра в столичной церкви. Множество вариантов было просмотрено и прослушано в интернете: с видеорядом из фильмов «Иисус» и «Страсти Христовы», в жестком современном исполнении с напором и беспощадностью к слушателям, с несколько другими словами и новыми музыкальными переходами самодельных певцов.

Главным становилась форма, а содержание отступило на второй план (наизусть уж знаем давно). Слезы уже не текли по щекам, сердце не замирало, как прежде.

* * *

Много лет назад гостили мы у друзей в Санкт-Петербурге. Знакомясь с достопримечательностями

северной столицы, отправились всей семьей в знаменитую с петровских времен Кунсткамеру – Музей антропологии и этнографии. Особый интерес, конечно, вызывал «Анатомический раздел», где собраны особые экспонаты – сиамские близнецы, двухголовый ягненок и прочие диковины. На сына-дошкольника они произвели неизгладимое впечатление. Остановившись посреди зала и растерянно оглядываясь по сторонам, он тихо спросил: «Мама, а я таким не рожусь?»

Эта фраза вспомнилась мне в дальней поездке. Правда, звучала она несколько по-другому: «А я здесь не рожусь?» Наверное, так бы ее сформулировал наш ребенок, если бы в том же возрасте оказался там, где были сейчас мы.

Цыганский поселок. Кирпичные дома с затейливыми воротами и разбитыми окнами. На грунтовой дороге – дети, собаки, лужи. Вдоль сплошных заборов сидят взрослые. Мы выходим из машины, и население поселка медленно начинает стягиваться к нам. Они подходят и рассматривают нас, как дети рассматривают пойманную бабочку: сосредоточенно, с молчаливым любопытством, стараясь потрогать крылышки, усики, ножки. Сопровождающие рассказывают о быте и нравах, о способах существования и выживания. В распахнутые настежь двери соседнего дома забегают с улицы три козленка. Мальчишка ведет под уздцы лошадь (привет Тургеневу и Некрасову!). Такие картины я видела сорок лет назад. Я их давно забыла. Я думала, их больше нет.

Церковь. У входа встречает, протягивая руку для приветствия, пастор. Перешагнув низкий порог, сразу оказываемся в зале, где проходят богослужения.

Собственно, вся церковь состоит только из этого зала. Ни кабинета пресвитера, ни классов воскресной школы, ни комнаты для молодежного общения, ни комнаты для молитвенной группы, ни гардероба при входе, ни...

Я сажусь на пластиковый стул и разглядываю небольшую кафедру, гирлянду искусственных цветов в углу, ряд лампочек под просевшим нынешней зимой от обильного снегопада потолком. Беру листочек детской прописи со старательно выведенными буквами алфавита. Это писали взрослые, которые после покаяния захотели стать грамотными, чтобы самостоятельно читать Евангелие.

* * *

В нескольких километрах еще один такой же поселок. Мы уже научились узнавать их по характерным постройкам, по общему пейзажу, по детям и женщинам, стоящим вдоль обочины. Перестали удивляться обилию повозок, запряженных лошадьми, нагруженных огромными мешками с пластиковым мусором. Его собрали на окрестных свалках и везут сдавать в пункты приема вторсырья. Знаем уже, что за это можно выручить немного денег и обеспечить ужином многочисленную семью.

Здесь церковь намного меньше, но также, переступив низенький порог, сразу оказываемся в зале для богослужения. Ряд лавок, застеленных кусками шерстяных одеял, синих, в белую полоску. Деревянная кафедра с прибитым к ней распятием. На окнах – тюль, с продетой сквозь него веревочкой, закрепленной на двух гвоздях. Ни кабинета пресвитера, ни классов воскресной школы, ни комнаты для молодеж-

ного общения, ни комнаты для молитвенной группы, ни гардероба при входе, ни...

А в крошечное помещение уже набились дети, женщины, мужчины. Те, кто не поместился, толпятся при входе. Со всех концов поселка медленно стекается народ. Нас разглядывают с непосредственным любопытством, как экзотических бабочек, – усики, крылышки, ножки... Смуглый мальчишка протягивает ручонку. Я пожимаю ее, а отпустить не могу – он продолжает крепко сжимать ее и смотрит прямо в глаза. В это время подходит девочка лет десяти. Широкая улыбка, кудрявые волосы. Мне рассказывают, что она – дочка пастора. Отец уверовал, когда дочь, по молитвам, получила исцеление от тяжелой болезни.

* * *

Следующая остановка в большом городе. Вокруг него горы. Турецкий квартал. Мечеть, взметнувшийся в ярко-синее небо шпиль минарета. Ощущение, что попали в фильм про экзотические страны: шумные базары, узкие улочки, где у домов каждый следующий этаж шире предыдущего. Затейливые арки, сводчатые двери, балконы с вывешенными на них пестрыми коврами, столики кафе, расположенные на тротуаре. За ними сидят мужчины и разглядывают нас с не меньшим интересом, чем жители цыганских поселков. Однако не подходят. Солидные. У деревянного забора, между двумя мусорными бачками, в одном из которых сосредоточенно роется мальчишка, лежит печальная корова. В железном контейнере проделана дверь, надпись над которой сообщает, что это парикмахерская. Поднимая пыль,

по улице трусит запряженная в телегу лошадь. Ее на огромной скорости обгоняет черный автомобиль без номеров.

Мы спускаемся в подвал. Небольшой зал, из которого, собственно, и состоит вся церковь. Ни кабинета пресвитера, ни классов воскресной школы, ни комнаты для молодежного общения, ни комнаты для молитвенной группы, ни гардероба при входе, ни...

Низко над головой проходят канализационные трубы. Небольшая переносная кафедра, напоминающая пюпитр для нот. Ряды стульев с откидывающимися сиденьями, старые, с деревянными подлокотниками – такие были в советских кинотеатрах в 1970-х годах. Только мы расселись по местам, как нас просят пересесть: «Извините, но здесь иногда сверху капает вода».

Начинается богослужение. Нет привычного «президиума». Пастор и дьякон вместе с хором (небольшая группа братьев) сидят на скамейках вместе со всеми. Молитва, пение. Экзотический язык, незнакомые мелодии, «не святые», для некоторых верующих, инструменты – старая электрогитара, маракасы (музыкальные погремушки) и дарбука (небольшой барабан, один из древнейших музыкальных инструментов). Несколько месяцев назад все эти музыкальные орудия были успешно запрещены у нас в церкви вместе с группой, которая на них играла: не благоговейно, однако. Сейчас, когда я пишу эту статью, прочитала в Википедии, что дарбука появилась в Египте и на Ближнем Востоке задолго до нашей эры. Наверное, Давид и левиты при царе Соломоне под его ритмичные удары пели псалмы и славословили Господа так же просто и искренне, как наши турецкие братья.

На экране высвечиваются слова исполняемых гимнов. Мы всматриваемся в них, пытаюсь что-то прочесть, уловить закономерность, сопоставить со словами, которые бьются в тесном пространстве подвального, отражаясь от бетонного пола и потолка. И вдруг... Не узнать ее было невозможно!

Начавшаяся медленным, печальным повествованием, песня постепенно поднялась на крещендо, как волна, нависая над слушателями неизбежностью трагедии. Мелодичная и торжественная одновременно, со стремительно приближающимся апофеозом и объединяющей всех в единое братство концовкой, она подхватила слушателей, как цунами, и, казалось, выплеснула на шумные улочки восточного города – под палящее солнце и молчащее небо. И солдаты расчищали дорогу, и кровь текла струей алой, и к месту казни толпы жаждали пройти. И слезы потекли по щекам, сердце замерло и отозвалось: «Словно агнец, шел Мессия, Царь царей».

* * *

Все закончилось, мы вернулись домой. Воскресенье. Большая церковь, где есть все: кабинет префектора, классы воскресной школы, комната для молодежного общения, комната для молитвенной группы, гардероб при входе, а еще... Впрочем, это неважно. Трудновато найти место на парковке: теснятся «Мерседесы», «Рено», «Фольксвагены» и другие иномарки.

Торжественно начинается богослужение, входит «президиум», по мановению руки регента чинными рядами встает хор. Звуки фортепьяно («святой» инструмент) усилены микрофоном, звучат знакомые

гимны. Благопристойность, благоговение, закон и порядок.

Тусклый свет пасмурного дня разгоняют многочисленные светильники. Служитель открывает окна, чтобы не было душно. Дети отправляются на урок вместе с многочисленными преподавателями. Звучат привычные проповеди о святости, об отделении от мира, о смирении и послушании.

Цыганский поселок, турецкая община, восточные улочки – все кажется уже нереальным, далеким. И лишь тоска чуть сжимает сердце – осторожно, исподволь. И ритм барабана тревожит душу (не зря его запретили, ох, не зря). Но это пройдет. И нам станет вновь хорошо. Наверное...



ГЕРОИ

Каким должен быть герой? Можно перечислить множество характеристик: могучий, отважный, бескомпромиссный, нестигаемый. Помните образы Ильи Муромца, Александра Невского, Зои Космодемьянской, Валерия Чкалова, Алексея Стаханова? Конечно, их официальная иконография, мягко говоря, отличается от живого человека. Однако образы, шагнувшие из гранита памятников и с черно-белых кинолент Сергея Эйзенштейна, прочно сидят в нашем сознании с детства. Поэтому, произнеся слово «герой», сразу представляем сверкающий шлем витязя, кулак партизана с зажатой в нем гранатой, грудь революционера, перевязанную патронной лентой от пулемета «Максим», скафандр космонавта, отбойный молоток ударника соцтруда или весло на плече спортсменки.

Вот написала эти строки и подумала: скорее всего, отсталое у меня представление о героях. Молодые-то не свинарку с пастухом вспоминают. Решила спросить нынешних 15-летних. Вот какой рейтинг

получился. Первое место отдано Брюсу Уиллису (без всякого уточнения ролей, фильмов и прочего, просто: герой – и все); второе заняли рыцари из опять-таки киношного средневековья – Ланселот и тамплиеры всех мастей и званий, на третьем – Арагорн из «Властелина колец», а дальше голова закружилась от имен и фамилий явно восточного происхождения: артисты, каратисты... Что ж, современные подростки, как и наше поколение когда-то, живут растиражированными штампами. У нас их внедряла компартия, у них – Голливуд, у нас в почете была идеология героя, у них – мускулы и борцовские приемы, но принцип тот же – создание нужного образа, его агрессивная пропаганда и формирование массового стереотипа.

Безусловно, совершенно другая картина представит при беседе с учениками воскресной школы. Первое место делят Давид и Иисус Навин, затем – Моисей и Самсон, часто вспоминают пророка Илию, Ноя и Иону. Поразительно, что новозаветных героев в ответах практически нет.

Почему? Наверное, потому, что у детей (и, может быть, не только у них) герой – это тот, кто поражает тысячи врагов, захватывает крепости и земли, повелевает стихиями, вздымая посох, вершит чудеса и сотрясает землю силой знамений. А в новозаветные времена чудеса апостолов – это, в основном, пророчества, исцеления. Есть, конечно, и бесславная гибель Сапфиры и Анании, и ослепление Елимы-волхва, и воскрешение мертвых, и спасение от неминуемой смерти, но... На смену героям, испепеляющим врагов, разящим великанов, убивающим львов голыми руками, а целые армии – ослиной

челюстью, пришли те, чьим орудием стали пост и молитва. Конечно, и Самсон, и Моисей, и Геден молились, постились, искали, что есть воля Божия. Но это было как вступление (по крайней мере, в детстве это воспринималось именно так), а потом шла основная часть – битва, ошеломляющая победа, величайшее чудо, например, такое, как остановка солнца на небосводе. И если сила в Ветхом Завете проявлялась больше в мускулах и зоркости глаза, а измерялась в количестве поверженных неприятелей, то в Новом Завете сила становится духовным понятием, а результатом этой силы могли стать и количество слушателей, принявших Христа, и мученическая смерть. Собственно говоря, иудеи тоже ожидали Мессию в образе ветхозаветного героя, а не новозаветного.

Хорошо, с дохристианскими героями и героями нового типа – апостолами – все понятно.

Но есть еще одна категория людей, которым в смелости и героизме принято отказывать по определению. И если сейчас они все чаще упоминаются без явного негатива, то несколько лет назад их четко ассоциировали с отрицательными персонажами. Для меня всегда такой персоной был Никодим. Возможно, это связано со стихом, который в детстве часто читала в маленькой записной книжечке (тогда все было рукописным). К примеру, там были такие слова:

*Но в народе не случайно
Людям прозвище дают.
Тех, кто верит тайно в Бога,
Никодимами зовут.*

*Его образ лицемерный
Легче всякой пустоты.
Мы расскажем вам примерно
Основные лишь черты.*

Далее на четырех страничках от Никодима не остается живого места:

*Раб греха, плотского страха,
Фарисей и лицемер,
Наподобие монаха (?),
Жалкий, гибельный пример.*

Привожу здесь эти строчки не для того, чтобы их критиковать, а для того, чтобы продемонстрировать сложившийся стереотип (есть и другие штампы: например, Фома неверующий). И тиражировались эти образы из проповеди в проповедь.

Однако с годами образ тайного ученика стал светлеть, проступили сквозь маску черты ищущего, боящегося и побеждающего свой страх человека. Думаю, что Никодиму было намного сложнее, чем избранным героям. Каждый из них уже испытал встречу с Творцом, прежде чем совершить великое деяние, чаще всего Он Сам приходил к ним. И, несмотря на это, многие требовали у Господа подтверждения своих полномочий на подвиг. Смелость и сила учеников тоже проявились после того, как обещанный Утешитель пришел к ним явным образом. Никодим пришел на встречу с Учителем, преодолев такие, в первую очередь внутренние, преграды, о которых мы можем лишь догадываться. И все эти сомнения, страхи, колебания будут страшнее Голиафа и львов Персии.

От них не убежать, не спрятаться, не откупиться. И преодоление их идет всю жизнь. Всю жизнь с переживаниями, болью, слезами. Всю жизнь с призывом о помощи свыше, поскольку верующие знают, что черпать силу можно лишь у Того, Кто победил мир и смерть.

Со времен апостолов герои веры одерживают победу и над врагами, и над собой. Слыша свидетельства времен первых христиан или верующих прошлого века о делах Нерона или НКВД, о гонениях в мусульманских странах или испытаниях в центре нынешней Европы, видишь героев. Преодолевая обстоятельства, преграды, козни, соблазны, преследования, страх, они борются за право благовествовать, верить, принадлежать Богу и творить волю Его. Да и повседневная жизнь, с ее рутиной и наезженной колеей хлопот и дел, требует подчас героических усилий: помнить и не умалить своего звания христианина.

Герои прошлого не своей силой действовали, и слава тех древних побед принадлежит Господу. Герои нашего времени также все преодолевают «силой Возлюбившего нас» (Рим. 8:37), «Которому слава и держава во веки веков» (1 Пет. 4:11).



ДА СВЯТИТСЯ ИМЯ ТВОЁ!

Думаю, что большинство читающих эти строки каждый день повторяют слова молитвы Господней. И, конечно же, не единожды задумывались над каждым словом и предложением, открывая для себя все новые и новые грани: «Да святится имя Твое» – мольба, призыв, утверждение.

Мир внимательно наблюдает за христианами. Наши слова и поступки либо святят имя Божье, либо порочат. Об этом знают все, кто принял Иисуса в свое сердце. И жизнь истинных детей Божьих направлена на воплощение в действие, на постоянное подтверждение этого тезиса, на свидетельство о том, что имя Божье свято.

И мы начинаем борьбу за святость...

Израиль был призван святить имя Божье перед языческим миром. Ветхий Завет стоит на тотальном освящении, отделении для служения Богу людей и животных, строений и зданий, дней и лет. Огромной пирамидой над древним евреем возвышался закон, теряясь своей вершиной где-то в бесконечной синеве

израильского неба, и эта вершина должна была держать знамя Святого Единого Истинного Бога. Единообразие во всем, что касается служения, и резкое отличие от всего, что не относится к этому служению, подчеркивало святость Творца. До миллиметра выверена длина одежд, до тончайшей нити определен состав ткани, до йоты расписан закон. Однако даже такое жесткое регламентирование поклонения и прославления не спасло Израиль от грехопадения и наказания: «...ибо сердце их стремилось к идолам их» (Иез. 20:16). И люди Нового Завета очень быстро переняли такую практику внешнего освящения, внешнего признака святости.

Всегда хочется облегчить и упростить задачу – это естественное желание. Хочется найти легкий путь и в своей духовной жизни. И он находится, этот легкий путь. Строгое и не улыбочливое лицо, застегнутый на все пуговицы пиджак, длинная юбка, платок на голове, отсутствие любых украшений, даже обручального кольца, – это проявление любви к Богу и личной святости. Или раз и навсегда утвержденная литургия, мелодии гимнов, что написаны пятьсот лет назад, древние стены соборов, затверженные молитвословы. Или обязательное проявление бурных эмоций, смех и слезы, закрытые в экстазе глаза. Или монашеский клубок, деревянная ограда скита, жестокое истязание плоти. В нашем представлении Он ожидает от нас чего-то такого, требующего физического усилия. И тогда «святится имя Твое». А строгое и часто раздражительное осуждение всего, что не соответствует нашему представлению о святости, – это проявление любви к ближнему и помощь в его освящении.

У писателя А. К. Толстого есть такие строки:

*Любовью к ближним пламеня,
Народ смиренью Он учил.
Он все законы Моисея
Любви закону подчинил.*

Что проще: исполнить закон или полюбить? Конечно, исполнить закон. Это требует внешнего усилия, может быть, физического или умственного, но не внутреннего, духовного. Поэтому люди так стремятся заменить закон любви, данный Христом, ритуалами и обрядами. При этом уверяют, что, исполнив определенный набор правил, мы проявим любовь к ближнему и Богу.

Чтобы полюбить, надо понять, встать мысленно на место другого, посмотреть на конкретную ситуацию его глазами, почувствовать его боль и радость, сомнения и тревоги. Это требует усилий, отдачи себя, душевных затрат. Это большой труд. Это борьба со своей плотью (она-то сострадать, кроме как себе, никому не хочет).

Проще другое – правила. Причем общепринятые. Правила универсальны. Душевные переживания индивидуальны. Что легче: быть, как все, или быть собой? Идти легким, проторенным путем или собственной целиной? Вопросы риторические. Но именно через эти духовные труды и славится, и святится имя Божье.

«По тому узнают все, что вы Мои ученики, если будете иметь любовь между собою» (Ин. 13:35).

Когда не было Земли, была Любовь, и свяtilось имя Господа. Когда не будет Земли, будет Любовь,

и будет святиться имя Господа. Любовь вечна. Закон конечен.

«Бог есть любовь» (1 Ин. 4:8). «Да святится имя Твое» (Мф. 6:9).



ЕЖЕДНЕВНЫЙ ЭКЗАМЕН

*Жизнь научила меня много прощать,
но еще больше – искать прощения.*

Отто фон Бисмарк

*Прощение – это помилование,
извинение какого-либо поступка.*

Современный толковый словарь
русского языка

Каждого из нас в детстве учили просить прощения, но научить прощать намного сложнее. Как простить тех, кто нас обманул, предал, причинил боль, принес нам горе? Нередко мы прощаем другим их слова или поступки, но простить того, кто задел нас до самых глубин нашей души, очень трудно, порой невозможно. Просят ли у нас прощения, или мы прощаем по собственной инициативе, это решение – всегда результат сложной внутренней борьбы, причем исход этой борьбы никогда не известен заранее. Мы можем искренне желать простить, но не всегда нам это удается.

«Ломать – не строить» – гласит поговорка. Действительно, как легко все нарушить, и как трудно поправить. Одно слово, одно действие занимают миг, а последствия тянутся годами, десятилетиями. Обида и разрыв, предательство и ссора могут приключиться в один момент, произойти за несколько

секунд, навсегда разделив стеной тех, кто был близок. Или не был, но и врагом становиться не соби­рался. А вот стал. Обиды – непращения накапли­ваются, пополняют список претензий. Но и другие пишут такие же списки, в которые внесено наше имя. Это взаимоотношения между людьми. А есть и взаимоотношения между творением и Творцом.

* * *

Поздний летний вечер. В открытом окне слышны ночные деревенские звуки: далекий лай собак, шорох ветра в листве яблоневого сада, стрекот кузнечиков в высокой траве. Бабушка, кряхтя, поднимается с колен после молитвы. В темноте раздаётся ее голос: «О-хо-хо, грехи наши тяжкие». Внучка лет пяти, лежа в кровати, тут же подает голосок: «Почему тяжкие?» Бабушка: «Много их, копят­ся год за годом, давят тяжким грузом, потому и тяжкие». «А мне не тяжело!» – возражает девочка. «Да сколько тебе лет-то! Какие у тебя грехи-то! Вот проживешь с мое, тогда и накопишь. Тогда и будешь просить прощения у Боженьки». Бабушка ложится. Тишина. Только ночные деревенские звуки сочатся через окно, да мерцает огонек лампадки.

Годы прошли, грехи накопились, тяжкий гнет давит душу. Сомнения и искания юности, относительная мудрость среднего возраста, мудрое уныние старости – все пришло и прошло своим чередом. А жажда прощения, спасения и уверенности в будущем за смертной чертой только окрепла, обострилась, усилилась. И повторяется ночной диалог. И новое поколение землян ищет освобождения от плена рабства. Ищет прощения.

Слова «прощение», «примирение», «покаяние» неразрывно связаны с Богом, с Голгофой, с Церковью. Мы часто терпим обиды в этом мире. Часто и сами наносим их. Мы вправе ожидать справедливости Божьей, как и Его наказания. Никогда Бог не возлагает на нас чужую вину, зато не замалчивает и наших преступлений. У Него милость и справедливость. Не это ли мечта всех людей? Милость и справедливость... И в этом – основное отличие от мира. Жестокого, нестигаемого мира, ничего не прощающего, ничего не забывающего.

* * *

Семейные отношения – самые прочные и самые хрупкие. Они выстраиваются годами, а рухнуть могут в одночасье. Ложь и предательство, даже в самых малых количествах, могут уничтожить счастье навсегда. И только прощение способно спасти его.

Супружеская пара вместе уже десять лет. Подрастают дети, налажен быт. Случилось так, что жена обманула мужа. Нет, речь не идет об измене. Это была так называемая «финансовая неверность». Супругу все стало известно. Последовали бурные выяснения отношений, слезы и ссоры. Ложь, вставшая между родными людьми, так ослепила обоих, что на время стало не видно ничего.

Я слушала рассказ этой женщины. И спустя годы она плакала, тербила на груди янтарный кулон и говорила:

– Жгучий стыд сжигал меня. Казалось, что возведенное за десять лет здание семьи рухнуло, а я стою среди обломков и думаю: «Как же мне в глаза-то ему смотреть?» Я ни спать не могла, ни есть, ни работать.

Совесьть мучила ужасно чувство вины распластало, придавив так, что не вздохнуть, не выдохнуть. Не сдала я тогда семейный экзамен, провалила.

– А как все разрешилось? – спрашиваю.

– Мне и перед Богом стыдно было, я у Него прощения просила. Но тут я знала, что Он-то простит, уверена была. А вот как муж себя поведет, не знала. Бывали, конечно, и раньше какие-то размолвки, но такого – никогда. А он через три дня пришел домой и положил на стол коробочку. Открываю, а там – вот этот кулон. Он говорит: «Прощаю тебя, родная. И обещаю перед Богом НИКОГДА НЕ ВСПОМИНАТЬ. А это – символ моего обещания». И вот уже сколько лет, о чем бы мы ни спорили, какое бы настроение ни было, никогда никакого упрека. Сдал мой муж экзамен на прощение.

Раз и два столкнувшись с тем, кто не оправдал ожидания, дружбы, внимания, доверия, никогда уже не повторишь попытки совместного служения и доверительных отношений. Это немудро. Это опасно. Это просто невозможно.

Человечество предает Творца с момента своего появления на свет. Адам и Ева, Израиль и его цари, Иуда и Димас, Фигелл и Ермоген. Судя по некоторым поступкам, что приходилось совершать, каждый из нас может смело добавить и свое имя в этот список. Однако Господь вновь и вновь, даря Свое прощение кающимся, поднимая упавших, совершает С НИМИ труд. Совершает ЧЕРЕЗ НИХ труд. И доверяет: блудному сыну – перстень на палец, Петру – стадо овец Своих, освобожденному заключенному – служение пастора, бывшему наркоману – проповедь для самых падших.

Бреду по университетской аллее. Под ногами уже не осенние, а зимние листья – почерневшие, съезжившиеся, ломкие. Теплый декабрь позволяет группкам студентов штудировать конспекты, сидя на лавочках в парке. Вспоминаю свои зачеты и экзамены. Как бегали сдавать «хвосты», переписывать контрольные работы. Особенно трудно далась одна из них. В который раз, уходя с очередным «незачетом», девчонка дрожащим голосом сказала: «Юрий Иванович, у нас остается совсем мало времени...» Речь шла о допуске к приближающейся сессии. На что преподаватель ответил: «У вас впереди много времени – вся жизнь». Это ирония, даже насмешка.

Мы каждый день пишем контрольную работу. Слова, мысли, поступки. Победа Христа, когда «зачет». И наш «хвост», когда «двойка». И каждому Господь дает достаточно времени для прощения и примирения, для осознания и покаяния. Достаточно времени, чтобы сдать сложный экзамен. Тем, кто хочет его сдать.



И ОТКРЫВАЕТСЯ ДВЕРЬ

*И не нужно ходить тут и гордиться,
что мы христиане. Это звание
еще заслужить надо.
Из воскресной проповеди*

Святость... Слово будто слепит глаза: невозможный свет, лучезарная красота, сверкающая чистота. Стремиться к ней, слиться с ней, войти в нее, облечься ею – мечта, вечно манящая, непостижимая и недостижимая на Земле. Кажется, вот-вот, еще немного, еще шаг, еще рывок. Протягиваешь руку к Божественной цели, ловишь непослушными пальцами...

Лучи скользят меж них, пронзают огненными стрелами и растворяются. Оглядываешься вокруг: блуждающий взор, ослепленный и незрячий, как у Савла, не различает окружающих предметов, как в детстве, когда из искрящегося снегом февральского полдня вбегаешь в темные сени деревенского дома.

Освятиться, стать ЧИСТЫМ, войти в присутствие Бога, стать достойным этого ПРИСУТСТВИЯ – история духовного поиска человечества, история религий, история метания каждого индивидуума, как бы глубоко он ни падал, как бы грязен он ни был. Пророки древности зывали: «Очиститесь!»,

восточные гуру наставляли: «Просветитесь!», современные учителя провозглашают: «Катарсис!» Череда образов и подобий, символов и знаков, традиций и обрядов: высокие стены и многослойные крыши египетских храмов, дым индийских благовоний, блестящие чаши для ритуального омовения в исламе, купание в крови священного быка Митры, ведические руны, амулеты, человеческие жертвоприношения – и нет им числа...

И все к одному пределу – Вышнему свету, Свету, СВЕТУ! И лишь печальные глаза рыжих телиц мягко отражали его в Синайской пустыне.

И вот он, намек: «И ходил Енох пред Богом, и не стало его». Впервые без страха и ужаса смерти, без смердящего разложения, без воплей похоронной процессии.

И вот оно, видение: огненная колесница Илии, и первый свидетель – ослепленный и оглушенный Елисей, и милоть, сброшенная за ненадобностью (милоть – символ скитания до наступления ПРИСУТСТВИЯ).

И вот оно, предчувствие: гора Фавор. Преображение. И вопль – мольба: «Здесь, остаться здесь, навсегда, насовсем», потому что хорошо...

И вот он, перелом: долгожданная лестница в Небо, виденная Иаковом, но сокрытая до времени, вознесшаяся над Голгофой. Крест. И Тот, Кто умер на нем. И воскрес. И освятил. И очистил. И неясные образы обрели плоть и кровь. Все ясно, все понятно, все просто и одновременно сложно, потому что пришла истинная Святость на смену символам – суррогатам. В прах поверглись столпы и колонны, гробницы и курганы, жертвенные костры и тотемы, капища

и высоты. Как сухая трава, взметаемая ветром, разлетелись ризы и покрывала, завесы и полотна, что скрывали вход в Святое святых.

И вот оно, подтверждение: третье небо, достигнутое то ли в теле, то ли вне его. Благая весть, разливаясь по миру, как потоп, несет не гибель, но спасение, прощение, чистоту и святость, без которых, как и предполагало падшее человечество, никто не увидит Бога.

Однако древние идолы, сами по себе ничего не значащие, но служащие карнавальными масками для легионов бесов, не сдаются, не уходят с Земли. И совсем необязательно им быть вырезанными из камня и дерева, быть отлитыми из бронзы и золота, быть вылепленными из глины и воска. Они согласны стать мистическими, нерукотворными, воображаемыми, виртуальными.

И приходит ангел, имеющий вид Света, и предлагает с усмешкой сфинкса коварный вопрос: «А как более правильно достичь святости Христовой?» И лукавые фарисеи берут его на вооружение для достижения собственных целей, вполне земных, поскольку с небесными у них всегда все в порядке, ибо: «Боже! Благодарю Тебя, что я не таков...» И семя сомнения всходит, и семя разобщенности, разделения, несогласия дает росток. Пшеница и плевелы вместе до времени, времен и полувремени...

И поднимаются пирамиды ритуалов, храмы обычаев, идолы правил и предписаний. Отряхивая пепел и пыль, вытаскивая из-под обломков слегка полинявшие одежды с облезшей позолотой религиозной праведности, человечество направо и налево отлучает само себя от Царства Небесного, предавая анафеме,

подсматривая за свободой. Жертвенные костры сменяются кострами инквизиций. Возрожденные молохи и кецалькоатли требуют новых кровавых подношений. Горят в лесных чащобах скиты раскольников. Религиозные войны проносятся сквозь века, меняя армии, названия и поля сражений. Савонаролы и Борджи вступают в смертельные схватки, и пепел казненных веет над христианскими державами.

Проходят века, но, как и прежде, непримиримость тех, кто «заслужил» право называться христианином, имеет причины для бесконечной междоусобной войны: гордость, зависть, жадность. А форма литургии – лишь повод.

Скрипят перья, и брызгают чернила, стремясь увековечить «истинное поклонение». Клеймящие слова сотрясают кафедры и уши слушателей, стремясь увековечить «истинное поклонение». Соборы и стадионы соперничают друг с другом, стремясь увековечить «истинное поклонение».

Христа хоронят вновь. Хоронят под мощным саркофагом, укладывая «заповедь на заповедь, заповедь на заповедь, правило на правило, правило на правило».

Но Христос воскресает вновь и вновь в сердцах тех, кто любит Его, а не себя в Нем. Этим не нужны вавилоны и гигантские истуканы, чтобы добиться ПРИСУТСТВИЯ, «ибо вот, Царство Божие внутри» их есть. Раз обретя святость Христову, никогда не теряют, поскольку бросили якорь в тихой и надежной гавани, укрепив его внутри, за завесой. И нет нужды навешивать дополнительные гири, цепи и вериги. И нет нужды чистить и подправлять одежды праведности, поскольку «в Христа облеклись». И нет нужды самим строить лестницу в Небо, стирая до

костей колени на мраморных холодных ступенях земных храмов, поскольку достаточно обратить взор к уже существующей, нерукотворной и вечной. Тогда открывается Дверь, и четко виден Путь, и Истина просвещает пилигримов, завернутых в милоть. Путь избранных, освященных и посвященных.

Грядет ПРИСУТСТВИЕ для всех, но не навсегда. «Второе воскресение» из-под заповедей и правил, из-под правил и заповедей, из-под закона и христианских «заслуг».

Но придет день, когда «гора дома Господнего будет поставлена во главу гор и возвысится над холмами» человеческих догм.

Придет день очищающего огня, «совершающего отмщение не познавшим Бога и не покоряющимся благовествованию». И те, кто карабкался в ПРИСУТСТВИЕ по своим рукотворным зиккуратам, игнорируя и упраздняя крест Христов, будут умолять эти религиозные глыбы скрыть их от ярости и гнева Божьего.

Но вопль их останется без ответа, поскольку человеческие башни из правил и ритуалов не могут спасти никого. Как злосчастные Содом и Гоморра, как испепеленная и окаменевшая Помпея, мир расстанется со своими идолами. Со своими столпами и колоннами, гробницами и курганами, жертвенными кострами и тотемами, капищами и высотами; со своими ризами и покрывалами, завесами и полотнами, что скрывают вход в Святое святых.



ИНЫЕ ЯЗЫКИ

Он стоял на вершине холма, среди мраморных колонн и великолепных статуй греческих богов. Множество лиц, ожидающих и насмешливых, внимательных и надменных, было обращено к нему. Он чувствовал себя чужаком в этом элитном замкнутом кругу посвященных. Когда-то он был здесь своим: таким же важным, мудрым, снисходительным к остальному необразованному миру. Здесь говорили на своем, особом, языке – языке философов, мыслителей, ученых. Он тоже в совершенстве владел этим языком, этими манерами. Только казалось, что это было очень-очень давно, в другой жизни, для которой он уже умер. Как же войти в их мир, стать своим? Надо заговорить на понятном для них языке, тогда будет успех: они услышат знакомую речь и примут его. Тренированный мозг тут же выдал несколько подходящих к месту цитат и известных в литературе имен. И Павел, как будто облекши себя внутри в тогу учителя, начал свою знаменитую проповедь в Ареопаге.

В тот день еще несколько человек получили дар вечной жизни. Однако апостол был почему-то недоволен своей речью. Придя после этого в Коринф, он совсем по-другому ведет себя: «И когда я приходил к вам, братья, приходил возвещать вам свидетельство Божие не в превосходстве слова или мудрости, ибо я рассудил быть у вас не знающим ничего, кроме Иисуса Христа, и притом распятого, и был я у вас в немощи, и в страхе, и в великом трепете. И слово мое, и проповедь моя не в убедительных словах человеческой мудрости, но в явлении духа и силы, чтобы вера ваша утверждалась не на мудрости человеческой, но на силе Божией» (1 Кор. 2:1–5). В комментариях Баркли сказано: «Уместно отметить, что Павел пришел из Афин, где он в первый и последний раз попытался возвещать христианство, используя философскую терминологию. Там, на Марсовой горе, Павел встретился с философами и говорил с ними их языком (Деян. 17:22–31), потерпев одну из немногих неудач. Его проповедь, изложенная в философских терминах, не произвела на афинян впечатления (Деян. 17:32–34). Вовсе не приукрашенная история жизни Иисуса Христа обладает уникальной силой глубоко трогать сердца людей».

Наверное, многие из нас пытались проповедовать на «иных» языках, подстраивая и переделывая Евангелие под аудиторию. Однажды мне пришлось говорить о Христе с людьми, которые были высокообразованными, занимали ответственные посты в различных фирмах и на предприятиях. Пытаясь «соответствовать моменту», я приводила примеры из работ Сократа и Паскаля, рассуждала о современных психологических проблемах общества, о взгля-

дах различных религий на вопрос смерти и бессмертия. Было очень интересно, но потом возникло чувство опустошенности, свидетельствующее, что время было потрачено зря. Мы говорили обо всем, только не о Христе. Беседа прошла на языке «надутого пустословия» (2 Пет. 2:18).

Группа братьев приехала в тюрьму для проповеди Евангелия. Один из них когда-то тоже отбывал срок. Хорошо зная язык зоны, он решил говорить со слушателями на нем. Через несколько минут после начала его выступления из зала раздался голос: «Говори с нами нормально, как с людьми, а „феню“ мы и так уже наслушались».

Все чаще раздаются голоса, предлагающие, а порой и требующие, подобрать к каждой социальной группе «свой» язык благовестия. В отсутствии такового они видят причину прекращения роста в церквях. Приводят в пример слова апостола: «Для иудеев я был как иудей, чтобы приобрести иудеев; для подзаконных был как подзаконный, чтобы приобрести подзаконных; для чуждых закона – как чуждый закона, – не будучи чужд закона пред Богом, но подзаконен Христу, – чтобы приобрести чуждых закона; для немощных был как немощный, чтобы приобрести немощных. Для всех я сделался всем, чтобы спасти, по крайней мере, некоторых» (1 Кор. 9:20–22). Но ведь здесь Павел говорит о сопричастности к каждому человеку, о понимании чуждой нам точки зрения, о способности сострадать другому, о необходимости увидеть мир глазами ближнего. Это совсем не означает, что надо опуститься до уровня греха, от которого ты ушел, а другой – еще нет. Надо этому другому указать на великий Идеал.

«Молодежь („металлисты“, гомосексуалисты, спиритисты, нонконформисты и т. д. и т. п.) нас не поймет! С ними надо говорить на их языке!» (Матом? Сленгом? Смесью русского и английского?)

Почему Библия перестает быть в наших глазах самодостаточной? Почему для нее требуется «иной» язык? Причем этот самый язык так подменяет истину собой, что слушатели «слышат» только «родное» наречие, но не содержание.

Однажды на дискотеке музыкальная группа исполняла современные композиции, под которые танцевали подростки в лучах ломающейся светомузыки. Быстрые мелодии сменялись медленными. Вдруг зазвучал старинный романс «Пара гнедых». Влюбленные парочки, заключив друг друга в объятия, томно закачались, стоя на одном месте.

– Это же старинный романс, – сказала одна девушка. И стала подпевать: «Были когда-то и вы молодыми, и кучеров вы имели лихих...»

– Что ты! Здесь такое не поют!

Удивительно было то, что слова слышали все, но отказывались признать и принять романс в поп-культурном контексте. Романс и ультрасовременные шлягеры слились в одно в сознании слушателей.

– О, это просто Евангелие на **СОВРЕМЕННОМ** языке!

– Он говорил **ПОЧТИ** как верующий!

– Думаю, что, если бы Христос пришел спасти мир в наши дни, Он бы продемонстрировал в кинотеатрах именно этот **ФИЛЬМ!**

Когда слышу подобные восклицания (а в последнее время это происходит все чаще), то пытаюсь вспомнить свидетельства друзей, знакомых и незнакомых

людей, которые получили бы рождение свыше в кинотеатре на премьере очередного голливудского фильма «повышенного духовного содержания», с «глубоким христианским смыслом» (речь не о специальных евангелизационных проектах), или в ревущей толпе фанатов группы «Кино», или «Депеш мод», или «Алиса», или «Комитет охраны тепла»...

Возникает ощущение, что современные христиане впадают в какой-то своеобразный пантеизм в искусстве: в любом фильме и мультфильме видят Евангелие, в песнях наркоманов ищут Божьих откровений.

Конечно, рассуждения о смысле жизни, о вечных ценностях можно найти и в «Шреке», и в «Матрице», и в «Пиратах Карибского моря». Мир рассуждает на эти темы, понимая, что собственное его существование зависит от существования морали и этики. Слушая песни рок-музыкантов, кажется, что просто проваливаешься в какую-то духовно-философскую пропасть – глубина рассуждений, нестандартное мышление, наваянные дурманом необычные образы. Каждый человек интуитивно осознает существование Творца, ищет Его. Для некоторых мучительный путь к Нему растягивается на всю жизнь, часто так и заканчиваясь тупиком. Самые пронзительно-духовные произведения, потрясающие не одно поколение, созданы такими мучающимися одиночками, как Лев Толстой, Федор Достоевский, Николай Гоголь. Удивительная «духовность» классиков и современников часто имеет оккультные корни (занятия в спиритических кружках, увлечение теософией) или черпает свое вдохновение из алкогольного и наркотического опьянения. И то и другое открывает дорогу в духовный мир, но через черный ход. Поэтому

читатели и слушатели реально чувствуют сверхъестественную силу и харизму в произведениях таких авторов. Но для тех, кто знает истину, это все равно, что «любить чеснок, потому что он пахнет колбасой» (К. Чуковский, «От двух до пяти»). Тем более удивительно, когда проповедники берут за основу своей проповеди не Библию, а фильм или песню. В одной общине я слышала проповедь на кадр из фильма, а слова Писания были просто иллюстрацией к мыслям режиссера и сценариста.

Почему же христиане видят так много указателей к Богу в современном искусстве, а неверующие не бросаются читать Библию после очередного шоу? Почему истина, сказанная, казалось бы, на их «родном» языке, остается без внимания? Потому что рожденные свыше знают истину, открытую им Священным Писанием: «Итак, вера – от слышания, а слышание – от Слова Божьего» (Рим. 10:17). Потому что именно этим ключом – Библией – было открыто их сердце для Христа, а не философией и искусством. Поэтому, зная правду, мы узнаем ее крупинцы в произведениях культуры. Вопрос о том, что первично и что вторично – Библия или культура (не важно, какая – хиппи, байкеров, эпохи Ренессанса или постмодернизма). Сначала Писание, затем «Явление Христа народу», сначала Евангелие, затем «Восхождение», сначала рождение свыше, затем «Путешествие пилигрима», сначала призыв Бога, затем отклик человека. Если же происходит наоборот, если вместо ключа используется отмычка, то для слушателя нет разницы между песней Высоцкого о золотых куполах России и гимном хлебопреломления «Взойдем на Голгофу, мой брат».

Несколько лет назад молодежь нашей церкви отправилась засвидетельствовать о Христе одному молодому человеку по просьбе его родственников. Разместившись в комнате, все вдруг растерялись, не зная, с чего начать. Решили, что лучше всего с песен. Поскольку молодежь очень хорошо умела петь под гитару, то и продолжала это делать в течение часа. Когда наступила пауза, хозяин, прочувствованно прослезившись, сказал, что очень любит такие песни и часто слушает их. После этого включил магнитофон, и все услышали голос Игоря Талькова. «Он пел о том же», – растроганно сказал слушатель. Удивительно, но разницы для него не было! Потому что не было Слова.

Очень часто, слушая рассуждения известных артистов, шоуменов, политиков о высших материях, наблюдая бесконечные телевизионные дискуссии о нравственных проблемах, ощущаешь себя взрослым человеком, который попал на занятия в детский сад. Это происходит не из-за гордости и самоуверенности – каждый, просвещенный Господом, чувствует то же самое. Это происходит оттого, что верующий имеет такое знание, которое невозможно получить ни в одном учебном заведении. Это знание вынесено из индивидуальных уроков, где учителем был Дух Святой. Те же, кто не был на таких уроках, судорожно нащупывают духовный мир, догадываясь о его существовании. Человечество ищет и находит суррогат, употребляя который остается младенцем, с упоением перебирающим песок в маленькой огороженной песочнице, где рок-концерты, книги-притчи, ток-шоу, киноэпопеи заменяют совочки и ведерки, куличики и машинки, детский лепет

заменяет взрослые разговоры. Люди слепо движутся, влекомые томлением духа, но, не зная истины, попадают в ловушки сатаны. Почему же иногда спасенные играют в те же «духовные» игры?

Верующие должны знать современное искусство, должны быть образованными людьми, должны быть разносторонне развитыми личностями. Однако они должны правильно расставить приоритеты. Если с ребенком сюсюкать, подражая его смешному говору, то он не скоро научится правильно говорить. Если ребенка вместо хлеба кормить леденцами, то это не принесет ему пользы. К сожалению, иногда мы поступаем именно так. А может быть, слишком любим сладости и не владем языком взрослых?

Необходимо выйти из мировой песочницы. Бумажный кораблик не сможет всю жизнь заменять авиалайнер, а пирожное из песка – горячий каравай. Истина всегда будет выше любого, даже самого блестящего суррогата.



ОККУПИРОВАННЫЕ ТЕРРИТОРИИ

В церквях хорошо знают такое высказывание: «Человеческая душа – христианка». Можно добавить к этому, что человеческая плоть – язычница. Когда человек стал грешником, он стал язычником. Сознание человека треснуло, как зеркало. В каждом осколке отразился кусочек мироздания, искаженный и отрывочный. Человек потерял полноту: в отношениях с Богом, в знаниях, в представлении о мире, в восприятии окружающей его действительности, в здоровье и в жизни. Познав добро и зло, он получил заштрихованную картину, где на добро наложилась решетка зла. И все оказалось разбитым на отдельные кусочки. Бессмертная душа стала жить под оккупацией смертного тела.

Потребность в большом количестве идолов, скорее всего, отразила ту «осколочность» сознания, которая образовалась в душе грешника. Мы созданы Богом для общения с Ним, но в Адаме мы избрали другого господина. В силу рабства мы служим греху, в силу предвечного плана мы были предназначены

для служения Богу. Его образ искажился и разбил-ся на множество божков, каждый из которых силит-ся олицетворить, отразить какое-то одно качество, какой-то один атрибут, что присущ Единому Творцу.

Раздвоение в сознании человека доходит до край-них пределов. Многие религии прошлого и насто-ящего в разных формах и разными методами учат о божественности каждого дерева, цветка, камня, животного. В момент грехопадения страх навсегда поселился в искалеченном сердце человека. Это тот рычаг, с помощью которого сатана управляет людь-ми. Язычники боятся своих богов, они их задабрива-ют изо всех сил всю свою жизнь. Боятся и мечтают, чтобы и их также боялись. Изображения многоруких и клыкастых богов «украшают» лицо земли. Человек, испытывая к ним страх, пытается задобрить – дела-ми, словами, жертвоприношениями. Павел пишет о том, кто стоит за каменными, деревянными и золо-тыми божествами: «Язычники, принося жертвы, при-носят бесам, а не Богу. Но я не хочу, чтобы вы были в общении с бесами» (1 Кор. 10:20).

Только Дух Святой может дать человеку возмож-ность увидеть единство: единство творения и Твор-ца, единство в природе, единство физического и ду-ховного мира. Бог Творец хочет, чтобы Его любили, потому что «Он возлюбил нас и послал Сына Своего в умилоствление за грехи наши» (1 Ин. 4:10).

Во все времена, помимо видимых идолов, люди носят в себе духовных истуканов, поклоняясь им столь же истово, как и видимым. Ими могут быть наши необузданные страсти, люди, вещи. Однако каждый, возводящий себе кумира, сам мечтает стать кумиром. Служение Богу приближает нас к Нему и делает подоб-

ными Ему. Служение сатане приближает к нему и делает подобными ему. В свое время дьявол попытался захватить силу и власть, принадлежавшие его Господину. Язычник стремится стать диктатором и обладать такой же славой и властью, которыми обладает истукан над своими поклонниками. В мифах и легендах боги постоянно ведут борьбу между собой за господство над миром, используя в этой борьбе подлость, коварство, жестокость. Чем не пример для смертных?

Совсем другому учит Христос Своих последователей: «Я кроток и смирен сердцем» (Мф. 11:29). Омытие ног ученикам – пример небывалой кротости. Какой языческий народ смог бы представить своего бога в таком положении? Небывалая гордость, напыщенность, беспощадность, превозношение – вот качества, которыми наделены божества земли.

Все мы вышли из язычества. Авраам вышел из язычества. Европейские страны вышли из язычества. Современная цивилизация вышла из язычества. Церковь вышла из язычества. Казалось бы, что для избранного народа, знавшего Единого Истинного Бога, возвращения к идолам быть не могло. Однако языческие ветви моментально прирастали к родным корням, которые каждый человек носит в своем теле. Вся история Израиля – яркий пример метания человека между христианкой-душой и телом-язычницей.

Первые церкви в самом начале своего существования начали ту же самую борьбу: против оккультных практик язычества, которые пытались проникнуть в христианство; против обрядов и зрелищ, которым приписывались магические свойства, но уже в христианских терминах; против «святых» предметов, охраняющих и приносящих удачу.

Борьба между язычеством и христианством продолжается в течение всей истории человечества. Она велась в древнем Ханаане, в земле фараонов, в Иудее и Израиле, в Коринфе и Ефесе, в средневековой Англии и в советской России. Она продолжалась при Аврааме, Исааке и Иакове, при Самуиле и Исаии, при апостоле Павле и Мартине Лютере.

Борьба эта ведется в наших церквах, в сердце каждого человека. Сколько современных христианок знают, что если плачет новорожденный младенец, то над ним надо помахать столовой тряпочкой? Сколько современных христиан знают, что «безобидные» заговоры отцов обязательно «помогут»? Сколько христиан в деревнях «оберегают» свой скот с помощью нехитрых магических манипуляций? Какое количество христиан серьезно рассуждает о «чакрах, космической энергии, третьем глазе, энергетических вампирах»? И кто из нас не обращает никакого внимания на приметы? Многие скажут: «Это действует! Это действительно помогает! Это сбывается!» Конечно, помогает, ведь за всеми пассами, заклинаниями и суевериями стоят реальные духовные силы. Те самые, что стоят за истуканами.

К сожалению, многие церкви являют собой пример оккупированной территории. Территория христианства оккупирована язычеством. Территория, предназначенная для служения Господу, занята идолами. Что делать? Библия дает ответ. Прочтите его в 6-й главе Книги судей Израилевых.



ОМУТЫ ТИХОГО ВРЕМЕНИ

Европа успокоилась от религиозных войн и распрей, что бушевали на ее территории многие века подряд. Сколь долго будет длиться сей период тишины, неизвестно, но в сравнении с человеческим веком он и так уже достаточно большой. Времена жестокого преследования за инакомыслие и инаковерие отодвинуты в историю, во всяком случае, на большей территории Старого Света. Бывшая «империя зла», распавшись на суверенные государства, открыла двери заколоченных церквей. Относительные мир и свобода посетили общины христиан, а вместе с ними стабильность, умиротворенность, невозмутимость, благодушие, примиренность и застой. Даже в тех странах, где религиозная терпимость очень молода, чувствуется расслабленность и апатия: привычный круг друзей, привычный ход богослужения (необязательно спокойно-размеренный, возможно, бурный и эмоциональный, но все равно обычно привычный), сонное время, эдакая идиллия в духе викторианской Англии.

Конечно, жизнь в начале двадцать первого века бурная, сложная, напряженная. Общество живет динамично: с кризисами и борьбой с ними, с политическими страстями и с локальными конфликтами, с газово-нефтяными войнами и с бесконечными саммитами, с проблемой безработицы и голода, с погоней за Саддамом Хусейном и бен Ладеном, с трагедиями терактов и с лагерями беженцев. Однако для большинства тех, кто читает сейчас эти строчки, все вышеописанное – только перечисление газетных заголовков и телевизионных репортажей. Рабочая неделя привычно сменится воскресным походом в церковь. Привычное богослужение сменится вечером выходного дня. Привычный отдых сменится рабочей неделей. Это замечательно, это прекрасно, это благословение. И именно в таком ритме труднее всего быть посвященным, в ежедневных обязанностях видеть горние вершины, помнить о высшей цели земного странствования, оставаться царственным священством. Рутинa – самая страшная тюрьма, поскольку болотистое спокойствие глубин затягивает.

И приходит на память знаменитое чаепитие из сказки английского писателя Л. Кэрролла «Алиса в стране чудес», где стрелки постоянно указывают на пять часов. Пятичасовое чаепитие – традиция, ставшая олицетворением и визитной карточкой консервативного королевства. А тут еще этот неизменный ритуал достигает сверхнеизменности: застыл навечно. Безвременный покой: сельский домик, зеленая лужайка, тихий предвечерний час, милая компания. Такая вот застывшая картина.

– Значит, вы так и пересаживаетесь по кругу? – спросила Алиса.

– Пересаживаемся, – подтвердил Шляпник. –
Попьем чайку и пересядем. Попьем и пересядем.

– А что будет, когда чистые чашки кончатся? – отважилась спросить Алиса.

– Очень увлекательный разговор! – зевнул Заяц. – Поболтаем лучше о чем-нибудь другом...

Остановившаяся стрелка часов была наказанием за преступление против времени. Многие из нас, как кэрролловские герои, также губят его: проводят, тянут, коротают, тратят, убивают. Современная картина жизни иной раз напоминает это сумасшедшее чаепитие: только вовремя надо успеть пересесть, чтобы оказаться возле чистой чашки, и стараться не замечать рокового вопроса: «Что будет, когда они кончатся?» Что будет, когда всколыхнутся темные воды застоя? Что будет, когда тепленькая погода сменится стихийным бедствием?

И речь здесь не о всемирном Армагеддоне, не о глобальных мировых потрясениях, а о личном пути каждого верующего и неверующего. Безволие, бездействие на Божьей ниве – это преступление не против времени, а против вечности. «Итак, смотрите, поступайте осторожно, не как неразумные, но как мудрые, дорожа временем, потому что дни лукавы» (Еф. 5:15–16).

Лукавые дни увлекают, пообещают вечность – бесконечность на Земле, заманят неторопливостью и неподвижностью, а потом понесутся вскачь, как закусившие удила кони, и сбросят с «телеги жизни», оставив оторопевшего смертного перед лицом Творца. А рядом рассыплются в пыли несбывшиеся

планы, неосуществленные проекты, оставленное служение, упущенные возможности, растоптанное посвящение, благие намерения. И призраки непосещенных больных, оставленных узников, не услышавших Евангелие язычников, вдов и сирот окружают укоряющей толпой.

Безмятежное плавание по течению выхолащивает душу, искажает приоритеты, подменяет понятия, убивает не только время, но и жизнь по Духу. Мы стали менеджерами, а не пастырями, психологами, а не душепопечителями, богословами, а не проповедниками. И дело не в терминах – пусть звучат современно и красиво, – дело в изменении сущности отношений, целей, перспектив. И объясняем свое бездействие, всеобщее безволие, окружающее глубочайшее равнодушие социально-экономическими проблемами, а не греховностью. Церковь стала работой, где практически ничто не делается бесплатно. О посвящении, об отдаче себя на служение остались только слова. Дух коммерции процветает: община сдает в аренду помещения, некогда выстроенные «всем миром», разговор религиозных лидеров порой слишком похож на беседу бизнесменов средней руки, служение рассматривается с точки зрения зарплаты, материальных возможностей, связей, власти, популярности. Конечно, содержать семью, заботиться о близких – это необходимо. Конечно, пастор, регент, проповедник вправе рассчитывать на содержание. Конечно, в общинах необходимы современные и своевременные преобразования.

Но наряду с подобными разумными принципами возникли и другие, легализовавшие многие грехи, и вот тех, других, слишком много. Слишком много

принципиально невозможных компромиссов. Слишком много разводов и вторичных, третичных браков, разрешенных и благословленных (правда, несколько стыдливо) церковью. Слишком много людей, пребывающих в грехах без раскаяния и при этом вовлеченных в служение. Речь не идет о косынках и брюках. Речь о прелюбодеянии, о жестоком обращении в семьях, о непомерном стяжательстве, об оккультной привязанности, о воровстве, о гордости, об обмане, о покрывании греха, о наркотической зависимости, о распрях, оскорблениях, сквернословии. И это не парафраз из Послания к галатам, а описание повседневной жизни тех, кто называет себя христианином. И процветает культ, но не культ Иисуса. Культ дорогих машин, дорогих костюмов, успешной карьеры, богатых домов, престижного отдыха. Это становится целью, вершиной земного бытия, а Христос – лишь ступенька к этой вершине или эскалатор. И Его чело до сих пор ранят колючки, если не терна, то «белого венчика из роз».

Не обо всех общинах здесь речь, слава Создателю за это! Илия, ходивший среди избранного народа, был одинок. Порой и посвященные христиане наших дней чувствуют эту неразделенную тяжесть ревности по Богу, непонятость окружающими братьями и сестрами, ощущают себя сиротами и пасынками в церкви.

И если предыдущее поколение христиан говорило: «Как трудно идти через тернии мира!», то нынешнему впору воскликнуть: «Как трудно идти через розы церкви!»

Но в любой исторической ситуации есть те, кто входит в семь тысяч, не преклонивших коленей ни перед золотым тельцом, ни перед дубравами Иезавели,

ни перед истуканом Навуходоносора, ни перед партийными лидерами, ни перед тепленькой застывшей картинкой комфортной жизни. Всегда есть эти нестигаемые семь тысяч.

В трудные переломные времена являются герои яркие, отважные. Когда мир делится на черное и белое, «своих» и «чужих», врагов и соратников, когда каждая минута жизни требует самоотдачи, мужества, напряжения, то и человеку легче определиться с выбором позиции, установить правила и нормы.

У Василия Гроссмана в романе «Жизнь и судьба» есть герой, физик-ядерщик. Позволю себе кратко и достаточно вольно пересказать один эпизод. В конце войны, вернувшись в Москву из эвакуации, он, еврей по национальности, попадает под очередную антисемитскую волну.

Однако находит в себе мужество противостоять власти, оставаясь на принципиальных позициях, – не предавать, не угождать, не пресмыкаться. Боясь выйти из квартиры, вздрагивая от любого звука, он со дня на день ожидал ареста. И вдруг раздался телефонный звонок. На проводе был Сталин. Вождь мирового пролетариата поинтересовался, как идет работа у советского ученого, есть ли у него какие-либо пожелания, просьбы. Нетрудно догадаться, как после этого разговора изменилась жизнь главного героя.

Спустя некоторое время ему предложили подписать «гневное письмо, осуждающее шпионов-диверсантов», среди которых были видные деятели науки, друзья и коллеги. При этом было сказано: «Товарищ Сталин был бы очень рад, он так на вас надеется, так внимательно следит за вашими успехами, так верит в вас». И наш ученый размышляет: «Насколько легче

противостоять власти, когда она показывает свой звериный оскал, и как трудно противиться ей, когда она ласково похлопывает по плечу и доверительно заглядывает в глаза».

Тяжело противиться греху, когда он мягкий и ласковый, комфортный и обволакивающий. Нужно просить у Господа сил для преодоления притяжения теплых омутов, в которых когда-нибудь время, как погоня, настигнет нас. Есть, есть семь тысяч, всегда остающиеся на страже сердца, на принципиальных позициях Бога. Так Библия говорит. Господи, дай нам их встретить на жизненном пути. Господи, дай войти в их число.



СТРАЖ ДВЕРЕЙ

*И не введи нас в искушение,
но избавь нас от лукавого...*

Мф. 6:13

Привычно повторяя эти слова молитвы «Отче наш...», порой не совсем ясно понимаем, что они означают. Вроде бы Бог может ввести в искушение. Однако сказано: «В искушении никто не говорит: „Бог меня искушает“» (Иак. 1:13). И произносим мы эту мольбу скороговоркой, с некоторым испугом, поскольку смущает она нас своей непонятностью, какой-то неизвестностью.

Мир разделен на две враждующие половинки: свет и тьма, святость и грех, добро и зло, Бог и дьявол. Человек стоит на чьей-то стороне. Не посредине, не на границе, не на меже. Дверь его сердца подвергается атаке. И если Господь нежно стучит, то сатана пытается сокрушить ее, сорвав с петель. Атака греха настолько сильна и постоянна, что не поддаться искушению, не открыться миру и не использовать его методы и приемы трудно. Как удержаться, не выйти за порог святости, не ступить ногой в пространство искуса, где события будут происходить уже на территории врага?

У каждого бывают дни искушения, как у Израиля в Мериве. Или как у Спасителя в пустыне. Речь не о соизмеримости соблазна – у каждого он свой. Это может быть церковная касса или чужое имущество, временно вверенные нашему попечению; жена соседа или муж подруги; служебное положение или настоятельные просьбы родственников, идущие вразрез с законом и совестью; обида и представившаяся возможность отмщения; шанс сделать карьеру и достичь благополучия, наступив на ближнего; желание излить гнев и раздражение. А быть может, это чечевичная похлебка, небесная манна, спящий у твоих ног враг, тридцать сребренников. В такие дни приступ темных сил страшнее, и кажется, что дверь уже трещит под мощными ударами извне. Но борьба в эти минуты идет не с внешним врагом, а с внутренним предателем, что находится в каждом из нас, с тем «телом смерти», к которому пока еще привязан наш бессмертный дух. Из мира зла раздается призывный клич, рассчитанный на то, что услышит его наследственный грех, отзовется, заставит человека броситься вперед, введет в искушение. Как бы оглушительен ни был стук в самое сердце, открыть его или не открыть зависит от нас – только мы принимаем решение.

Из-за греховности плоти борьба заведомо проиграна, если мы одни держим оборону. Мы сами не в состоянии отстоять твердыню. «Каждый искушается, увлекаясь и обольщаясь собственной похотью; похоть же, зачав, рождает грех, а сделанный грех рождает смерть. НЕ ОБМАНЫВАЙТЕСЬ...» (Иак. 1:14–16). Не надейтесь на милость победителя, от которого трудно ждать пощады. Наступит краткий миг удовлетворения, за которым последуют стыд, сокрушение, горечь...

Часто можно услышать и в голосах минувших, и в ныне живущих, что «такими нас сотворил Господь». Вот так цинично человек возлагает ответственность за свои мерзости и преступления на Творца, не давая себе труда вникнуть в Слово Его и уж тем более размышлять над ним.

Слова «не введи нас в искушение, но избавь нас от лукавого» призывают Святого Духа для охраны сердца и той двери, которую когда-то мы открыли Иисусу. И вот тогда Страж создаст надежную оборону портала, к которому рвется враг. Наша задача – не потерять связь с Духом Святым. Тот, Кто перенес самые сильные и страшные искушения, говорит: «Бодрствуйте и молитесь, чтобы не впасть в искушение: дух бодр, плоть же немощна» (Мф. 26:41).

Для верующих, пока они живут на земле, всегда есть опасность пойти на компромисс с «той стороной», приоткрыть дверь греху, выпасть, выйти или войти (смотря, с какой стороны наблюдать процесс) в искус. Но верен Христос, обещавший: «И вот, Я с вами во все дни до скончания века» (Мф. 28:20). Надежный Страж нашего сердца даст нам силы не откликнуться на призыв тьмы.

«Блажен человек, который переносит искушение, потому что, будучи испытан, он получит венец жизни, который обещал Господь любящим Его» (Иак. 1:12).



Я – НИКТО, И ЗВАТЬ МЕНЯ – НИКАК...

*Который раз нам смерть напоминает,
Что жизнь – это отсчитанные дни.
Пусть никогда никто не забывает,
Что к нам не возвращаются они.*

В. Гафт

Дни, конечно, не возвращаются. Хотя повернуть время вспять, создать машину времени, взгромоздиться на нее и отправиться исправлять ошибки и грехи прошлого – одно из самых заветных мечтаний человечества. Оно в полной мере нашло свое отражение и в литературе, и в «самом важном из искусств».

Всем нам свойственно нет-нет да и оглянуться с сожалением назад, повздыхать о делах минувших, которые хотелось бы исправить, подправить, выправить. Да не в нашей власти. И как-то горько становится от этой собственной беспомощности и от этой беспощадности бытия, текущего лишь в одном направлении – вперед. И практически нет среди нас тех, кто, подобно несгибаемому гайдаровскому старику, не хотел бы ничего изменить в своей жизни.

Естественно, что как люди верующие мы грустим о том, что раньше не пришли к Истине; что, несмотря на ее знание, грешили; что упустили много шансов сделать добро; мало были милосердны и внимательны

к ближним; не всегда послушны Богу. В общем, причин для печали о прошлом хватает. И с годами они лишь прибавляются. Однако мы имеем утешение в словах Священного Писания и уповании на милосердие Творца.

Но есть и иные причины для сожаления и стремления что-то изменить. Это упущенные возможности чисто человеческого плана: недополученное вовремя образование, неудачная карьера, неудовлетворительное финансовое положение, нереализованные шансы на улучшение жизни, не совсем соответствующая жена, не совсем подходящий муж, не совсем так воспитанные дети. Одним словом – разочарование, ощущение собственной нереализованности, непризнанности и незначимости.

Наши духовные стремления ориентированы на Господа. И когда они не воплощаются в реальность, то утешение мы находим у Него же. А вот земные, материальные, стремления ориентированы на человека: на окружение, на ровесников, на сослуживцев, на соседей, на начальство. И когда они не реализованы, попробуйте-ка найти утешение у этих «ориентиров».

Если наша самооценка, чувство удовольствия и удовлетворенности зависят от людей, то обязательно придет время краха. Поражает размах эпидемии уныния и тоски, охватывающей людей в среднем возрасте. Юность ушла, а с ней оптимизм и вера в бескрайние возможности и силы. Мир приобретает все более реалистичный вид, перспектива все более трезво оценивается и от этого сужается и укорачивается, и старость имеет конкретные сроки, а не туманные – «когда-нибудь». И ясно, что далеко не все цели достигнуты и многие мечты не сбылись. И вот тут мы

бросаемся собирать признание окружающих, поднимать свою значимость в их глазах, сравниваем посты и регалии, завидуем и сокрушаемся. И все чаще приходится слышать горькую фразу: «Я – никто, и звать меня – никак». И начинается болезненное самокопание, поиск виноватых, мелкая раздражительность и старческое брюзжание.

В Библии сказано, кто мы, как нас звать, что нас ожидает и что мы уже имеем сейчас. Знаете все это? Много раз слышали и читали? И все еще убеждены, что жизнь прошла мимо, ну, если не мимо, то как-то косо, бочком? Значит, все-таки человеческие связи, мнения, суждения остаются для вас приоритетными, а Божье призвание и признание имеет скорее теоретическое значение, нежели практическое. И пока приоритеты не изменятся, жизнь не будет иметь смысла, поскольку ценности, по которым в мире определяют, кто мы есть и как нам имя, абсолютно ничего не стоят. Любая реализация в человеке, ориентация на человека, основа на человеке обречены на провал, трагедию, гибель. А отсюда тоска, депрессия и кризис среднего возраста.

От пустого декларирования прекрасных слов Священного Писания о том, что мы друзья Иисуса, Его сонаследники, царственное священство и прочая, нужно перейти к жизни, где все эти звания – реальность, в первую очередь, для нас самих. А если не так, то все наши усилия пропадут втуне, поскольку весь мир со всем его богатством, спесью, властью – это ничто, и имя ему – никак.



ВРЕМЯ ВСЕГДА БЛАГОПРИЯТНОЕ

Поездки, встречи, разговоры. Взрослые и дети, мужчины и женщины. Бесконечный диалог длиною в миг, в жизнь, в столетие, в вечность. Порой кажется, что из года в год повторяешь одно и то же на одни и те же возражения, отвечаешь на одни и те же вопросы. Меняются лица, а содержание бесед неизменно.

Религиозное невежество поражало раньше и поражает теперь. За прошедшие века ничего не изменилось. Как столетия назад пугали людей, так и сейчас пугают. Ну, разве только слово поменялось: раньше было «басурман», теперь – «секта».

У русского писателя Ивана Лажечникова есть исторический роман «Басурман», вышедший в свет в 1838 году. Действие происходит при царе Иване III, который пригласил в Москву специалистов-иностранцев. В их числе приезжает лекарь Антон. По вероисповеданию главный герой католик, а московские купцы считают «латинянина» (то есть католика) колдуном и нехристом, обзывают басурманом. Анастасия,

девица, в которую влюбляется юный врач, при встрече с ним ожидала увидеть рога и копыта и чуть не упала в обморок, увидев на груди юноши крест: как же так, басурман, а с крестом?! Но дело, несмотря на крест, закончилось плохо: лекаря-басурмана убили.

Пятьсот лет спустя. Стою на переходе, жду разрешающего сигнала светофора. Рядом разговаривают две женщины.

– А самые страшные – это протестанты, они Христа не признают и запрещают причастие принимать!

Передать чувства, которые возникли, трудно. И возмущение, и сожаление, и горький юмор, и какой-то холод. Обернулась, хотела что-то возразить, но светофор мигнул зеленым глазом, и пешеходы заспешили по своим делам.

* * *

Протестантские общины совершают большую социальную работу. Это и реабилитационные центры для наркоманов и алкоголиков, и ночлежные дома для бездомных, и благотворительные обеды, и пакеты с продуктами для малообеспеченных граждан, и работа с детьми из неблагополучных семей. Слава Господу за то, что все это можно делать! Однако мы остаемся сектой и должны считать за особую милость, что допущены до этого труда.

На одной из последних встреч членов протестантских общин было много рассуждений о том, что надо трудиться на социальном поприще, зарабатывать себе авторитет. Некоторые общины вывозят на экскурсии детей из детских домов, берут на себя обеспечение подарками на всевозможные праздники, но говорят об этом с такой тоской во взгляде и

голосе! Потому что при этом за ними строго следят, чтобы ни одного слова о Христе сказано не было. И звучат свидетельства о том, как директора детских домов, заведующие домов культуры, завучи школ, руководители отделов соцзащиты, словно сговорившись, твердят одно: «Вы нам нравитесь, лично против вас мы ничего не имеем, наоборот! Мы столько выгод получаем от сотрудничества, но... не можем его продолжать».

Как крест не помог несчастному лекарю из книги, так нам не помогает социальный авторитет.

* * *

«Вчера долго сидел у нас поэт Волошин. Нарвался он с предложением своих услуг („по украшению города к Первому мая“) ужасно. Я его предупреждал: не бегайте к ним, это не только низко, но и глупо, они ведь отлично знают, кто вы были еще вчера. Нес в ответ чепуху: „Искусство вне времени, вне политики, я буду участвовать в украшении только как поэт и художник“. Все-таки побежал. А на другой день в „Известиях“: „К нам лез Волошин, всякая... спешит теперь примазаться к нам...“ Теперь Волошин хочет писать „письмо в редакцию“, полное благородного негодования. Еще глупей».

Это из «Окаянных дней» Ивана Бунина – о поэте и художнике Максимилиане Волошине, который в 1919 году подвизался украсить Одессу к празднику 1 Мая. Безусловно, никакой аналогии между этим отрывком и нынешней ситуацией с социальной работой протестантов нет. Просто вспомнилось.

Оглядываясь на прошедшее столетие, задаюсь вопросом: а когда и где было легко? При царе в Герюсах?

При Сталине в КарЛаге? При Брежневе в психбольнице? Да, был очень короткий период свободного благовестия. То самое исключение из правил, которое только подтверждает правило. Рожденные свыше всегда были бельмом на глазу и у атеистического общества, и у религиозного. Сквозь века доносятся до нас недовольно-возмущенные голоса: «Есть еще один человек, через которого можно спросить Господа, но я не люблю его, ибо он не пророчествует обо мне доброго, а только худое...» (3 Цар. 22:8); «Ты ли это, смущающий Израиля?» (3 Цар. 18:17); «Эти всесветные возмутители пришли и сюда...» (Деян. 17:6).

Но звучит голос Небесного Отца: «Господь хранит верных...» (Пс. 30:24).

* * *

Ну и что делать? «Все, что может рука твоя делать, по силам делай...» (Еккл. 9:10). И реабилитационные центры для наркоманов и алкоголиков, и ночлежные дома для бездомных, и благотворительные обеды и пакеты с продуктами для малообеспеченных граждан, и работа с детьми из неблагополучных семей. И многое другое. И, конечно, сеять Слово истины. Во все времена есть те, кто ищет его и примет в сердце.

Время для Евангелия всегда было трудное. Время для спасаемых всегда было благоприятное.



ОБЩЕНИЕ И ДУХОВНЫЙ РОСТ

Чайник уже закипел, и, стараясь не слишком тревожить собеседников, хозяйка дома стала потихоньку разливать в чашки кипяток, расставляя вазочки с конфетами и печеньем. Однако на ее суету мало кто обратил внимание: богословская дискуссия была в самом разгаре. Тема библейского вечера была интересной. Изучались места Священного Писания, в которых говорится об ангелах, архангелах, серафимах и других духовных существах. Многие туманно и загадочно для жителей земли в ангелологии, вот уж действительно – «как бы сквозь тусклое стекло, гадательно» (1 Кор. 13:12). И вдруг прозвучала «классическая» фраза:

– Ну, хватит уже разговаривать, все это на спасение не влияет: какая там иерархия, есть ли у служебных духов воля, как они выглядят на самом деле. Давайте чай пить.

И все вмиг упали со звездных высот за квадратный стол на толстых ножках.

Много раз приходилось слышать такое заключение. Частенько формула – «на спасение это не влияет» –

становилась последним аргументом в затянувшемся разговоре. Безусловно, есть основополагающие принципы Божьего плана спасения, о которых спор либо неуместен, либо уместен в межконфессиональных и апологетических рамках. Однако Библия неисчерпаема. Ее содержание уникально, бесценно и вечно. Поколения сменяют поколения, люди читают и перечитывают Божье Слово. Вглядываются в европейскую латиницу, азиатские иероглифы, славянскую кириллицу, восточную вязь, нанесенные тростинкой на папирус, стилем на восковую табличку, кистью на пергамент, печатным станком на бумагу. И открывают Вселенную, прекрасную и вечную. Неохватная разумом и чувствами, она увлекает, возвышает, формирует и делает совершенным человека.

Часто приходится слышать такое: «Я, кроме Библии, больше ничего не читаю – ни книги эти богословские, ни журналы христианские. А чего их читать-то? Лучше Слова Божьего все равно не скажут, а человеческие рассуждения мне ни к чему».

Что сказать? Только одно: не надо и проповеди слушать на богослужениях, поскольку все вышесказанное можно и к ним отнести, да и статьи с богословскими трактатами – те же проповеди, только записанные.

Разнообразие в единстве мы видим во всем творении Господа. Можно было бы и Библию одному человеку написать, поскольку Дух Святой – Автор, поэтому какая разница – сорок человек писали или один? Значит, есть резон. Уникальность всего, что создает наш Отец Небесный, нашла отражение и в библейских книгах. Каждому из писавших многогранная Личность Творца открывалась по-особому. Это обогатило Священное Писание и нас с вами.

Одна из главных целей (наряду с другими) единства Церкви – это взаимообогащение, дополнение, рассуждение и изучение Библии, как необходимый компонент нашего духовного роста. Духовная литература, мысли и мнения авторов прошлого и настоящего, с которыми мы разделены во времени и пространстве, но соединены в Теле Христа, – это способ нашего общения с ними. И, опять же, условие для возрастания в вере. Читая Библию, мы общаемся с Господом, но открываем для себя и поэтического Давида, и грозного Илию, и мятущегося Иону, и целеустремленного Павла.

Господь призывает нас не оставлять собрания своего, но увещевать друг друга. То есть поддерживать, наставлять, исправлять, утешать. И вместе расти в вере «тем более, чем более усматриваете приближение дня того» (Евр. 10:25).

Во времена Советского Союза, когда духовной литературы не было практически никакой; когда переписывались стихи, статьи, цитаты, гимны; когда каждый буклетик, каждая закладка с библейским текстом ценились дороже целой библиотеки; тогда христианская книга или журнал представлялись... Честно говоря, не знаю, как написать. Подобрать сравнительное слово невозможно. Нужно пережить, почувствовать, переоценить.

Со страниц книг к нам обращаются богословы и проповедники прошлого, мужи веры нового времени. Тезисы Мартина Лютера и апологетика Иустина и Оригена, трактаты Иоанна Златоуста и Григория Богослова, статьи Каргеля и Проханова, проповеди Сперджена заставляют нас перечитывать знакомые места Священного Писания, соглашаться или

спорить с толкованием тех, кто уже «течение совершил, веру сохранил» (2 Тим. 4:7), но в любом случае открывать и приобретать для себя вновь и вновь «бездну богатства: и премудрости, и ведения Божьего!» (Рим. 11:33), через изучение и научение, через духовный рост, чтобы не остаться «без успеха и плода в познании Господа нашего Иисуса Христа» (2 Пет. 1:8).



Надежда Орлова

В поисках чистого сердца

Директор *П. Давидюк*

Редактор *В. Цорн*

Корректоры *Е. Пеннер, Э. Цорн*

Компьютерная верстка *Т. Крук*

Свидетельство о государственной регистрации,
№ 1 074 107 0004 023994, выдано Шевченковской районной в г. Киеве
государственной администрацией 13.10.09.

Изд. № 01.320. Подписано в печать 04.08.2016.

Бумага 80 гр. Lux Cream. Формат 84x108/32.

Гарнитура: Minion Pro, Juste, Vesna. Печать офсет. Усл. печ. л. 20,16.

Тираж 6 000 экз. Заказ № 00679952.

УМО «Свет на Востоке», ул. Хорольская, 30, 02090, г. Киев, Украина.

Отпечатано в типографии CPI books GmbH,
Eberhard-Finckh-Straße 61, 89075 Ulm, Germany.